

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ РАН

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:

Северо-Западного федерального округа

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН (Республика Коми)

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
(Мурманская область)

Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического
университета

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН
(Республика Башкортостан)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля
2010 года №6/6 журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публи-
кации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Редакционный совет:

академик РАН **В.Л. Макаров** (Москва, Россия)
академик РАН **В.В. Ивантер** (Москва, Россия)
академик РАН **В.В. Окрепилов** (Санкт-Петербург, Россия)
академик РАН **А.И. Татаркин** (Екатеринбург, Россия)
академик НАН Беларуси **П.А. Витязь** (Минск, Беларусь)
академик НАН Беларуси **П.Г. Никитенко** (Минск, Беларусь)
член-корреспондент РАН **В.Н. Лаженцев** (Сыктывкар, Россия)
проф. **Ж. Сапир** (Париж, Франция)
д.э.н., проф. **С.Д. Валентей** (Москва, Россия)
д.э.н., проф. **Д.А. Гайнанов** (Уфа, Россия)
д.э.н., проф. **А.Е. Дайнеко** (Минск, Беларусь)
д.э.н., проф. **В.А. Ильин** (Вологда, Россия)
проф. **М. Кивинен** (Хельсинки, Финляндия)
д.с.н., проф. **И.В. Котляров** (Минск, Беларусь)
д.э.н., проф. **С.В. Кузнецов** (г. Санкт-Петербург, Россия)
д.э.н., проф. **Ф.Д. Ларичкин** (Апатиты, Россия)
д.т.н., проф. **А.В. Путилов** (Москва, Россия)
д.т.н. **Ю.Я. Чукреев** (Сыктывкар, Россия)
д.т.н., проф. **А.И. Шишкин** (Петрозаводск, Россия)
доктор, проф. **Чжан Шухуа** (Пекин, Китай)
проф. **У Эньюань** (Пекин, Китай)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова
д.э.н., проф. А.Г. Воробьев, д.э.н., проф. Е.С. Губанова
к.и.н. К. А. Гулин (зам. главного редактора)
к.э.н. К.А. Задумкин, к.э.н. И.А. Кондаков (отв. секретарь), к.э.н. Г.В. Леонидова
к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора)
к.э.н. С.В. Терехова, д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698

© ИСЭРТ РАН, 2012

Адрес в Интернете: <http://esc.vscs.ac.ru>

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES OF RAS

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

4 (22) 2012

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West federal district

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North
Komi scientific centre of the Ural RAS department (Komi Republic)

Institute of Economics of Karelian scientific centre of RAS (Karelia Republic)

G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola scientific centre of RAS (the Murmansk region)

Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda region)

and according to the decision of St. Petersburg State University of Engineering and Economics administration

and other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (№6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

Editorial council:

RAS academician **V.L. Makarov** (Moscow, Russia)

RAS academician **V.V. Ivanter** (Moscow, Russia)

RAS academician **V.V. Okrepilov** (St. Petersburg, Russia)

RAS academician **A.I. Tatarkin** (Yekaterinburg, Russia)

Belarus NAS academician **P.A. Vityaz** (Minsk, Belarus)

Belarus NAS academician **P.G. Nikitenko** (Minsk, Belarus)

RAS corresponding member **V.N. Lazhentsev** (Syktyvkar, Russia)

Professor **J. Sapir** (Paris, France)

Doctor of Economics, professor **S.D. Valentey** (Moscow, Russia)

Doctor of Economics, professor **D.A. Gaynanov** (Ufa, Russia)

Doctor of Economics, professor **A.E. Dayneko** (Minsk, Belarus)

Doctor of Economics, professor **V.A. Ilyin** (Vologda, Russia)

Professor **M. Kivinen** (Helsinki, Finland)

Doctor of Sociology, professor **I.V. Kotlyarov** (Minsk, Belarus)

Doctor of Economics, professor **S.V. Kuznetsov** (St. Petersburg, Russia)

Doctor of Economics, professor **F.D. Larichkin** (Apatity, Russia)

Doctor of Technics, professor **A.V. Putilov** (Moscow, Russia)

Doctor of Technical Sciences **Yu.Ya. Chukreev** (Syktyvkar, Russia)

Doctor of Technics, professor **A.I. Shishkin** (Petrozavodsk, Russia)

Doctor, professor **Zhang Shuhua** (Beijing, China)

Professor **Wu Enyuan** (Beijing, China)

Chief editor – V.A. Ilyin

Editorial board:

Doctor of Economics, professor L.A. Anosova

Doctor of Economics, professor A.G. Vorobyov

Doctor of Economics, professor E.S. Gubanova

Ph.D. in History K.A. Gulin (deputy chief editor)

Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin, Ph.D. in Economics I.A. Kondakov (Executive Editor)

Ph.D. in Economics G.V. Leonidova

Ph.D. in Economics M.F. Sychev (deputy chief editor)

Ph.D. in Economics S.V. Terebova

Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova

Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view

Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А. Динамика одобрения деятельности президентов РФ населением региона .. 9

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

- Глазьев С.Ю., Локосов В.В.* Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием 22
- Гулин К.А.* К вопросу о социально-экономической модернизации российских регионов 42
- Перова М.Б., Перов Е.В.* Социально-экономическая трансформация российского общества 59
- Поварова А.И.* Социально-экономическое положение «регионов-металлургов»: итоги 2011 года 75
- Щербаков Г.А.* Антиинновации как фактор макроэкономической нестабильности (на примере производных финансовых инструментов) 86
- Гао Пин.* Исследование развития открытой экономики слаборазвитых регионов в рамках борьбы с кризисом 95

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Шестакова Н.Н.* Механизмы формирования и реализации организационно-управленческой компоненты человеческого капитала региона 101
- Ласточкина М.А.* Социокультурные типы населения региона 116
- Морев М.В., Попова В.И., Васильчук Е.О.* Распространение субкультурных движений как результат социальной разобщённости в молодёжной среде 125
- Ли Чжимэн.* Исследование борьбы с бедностью в природоохранной зоне (на примере озера Поянху)..... 135

ПРОБЛЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

<i>Дядик В.В.</i> Институциональные причины экономических проблем российского местного самоуправления	140
<i>Бурцева И.Г., Бурцев И.Н.</i> Сравнительная оценка экономического развития малоосвоенных территорий Республики Коми	153

ПРОДОЛЖАЕМ ТЕМУ ПРЕДЫДУЩЕГО НОМЕРА

<i>Туваев В.Н., Туваев А.В.</i> Оценка экономической эффективности научно-технического прогресса в молочном скотоводстве	163
<i>Иванова Е.В.</i> Информационно-консультационное обеспечение управления устойчивым развитием сельского хозяйства северного региона	174
<i>Памяти М.Н. Хурса</i>	189
Summary	190
Сведения об авторах	193
Требования к оформлению статей	197
Информация о подписке	202

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

Ilyin V.A. Dynamics of the RF Presidents' activities approval by the region's population 9

DEVELOPMENT STRATEGY

- Glazyev S.Yu., Lokosov V.V.* Assessment of the critical threshold values of the indicators of the state of Russian society and their use in the socio-economic development management 22
- Gulin K.A.* On the issue of socio-economic modernization of Russian regions 42
- Perova M.B., Perov E.V.* Socio-economic transformation of Russian society 59
- Povarova A.I.* Socio-economic condition of the regions specializing in metallurgy: 2011 results 75
- Shcherbakov G.A.* Anti-innovations as a factor of macroeconomic instability (the case of derivative financial instruments) 86
- Gao Ping.* Study on open economy development of underdeveloped regions under counter-crisis background 95

SOCIAL DEVELOPMENT

- Shestakova N.N.* Mechanisms of formation and implementation of organizational and managerial component of the region's human capital 101
- Lastochkina M.A.* Socio-cultural types of population in the region 116
- Morev M.V., Popova V.I., Vasilchuk Ye.O.* Expansion of subcultural movements as a result of social disunity among the young population 125
- Li Zhimeng.* Anti-poverty study of ecological preservation area (the case study of Poyang Lake) 135

PROBLEMS OF MUNICIPAL ENTITIES

<i>Dyadik V.V.</i> Institutional reasons for economic problems in Russia's local self-government	140
<i>Burtseva I.G., Burtsev I.N.</i> Comparative evaluation of the economic development of underdeveloped areas in the Republic of Komi	153

CONTINING THE THEME OF THE PREVIOUS ISSUE

<i>Tuvayev V.N., Tuvayev A.V.</i> Assessment of economic efficiency of scientific-technical progress in dairy cattle breeding	163
<i>Ivanova Ye.V.</i> Information and advisory support of the management of sustainable development of agriculture in the northern region	174
<i>In memoriam: Mikhail N. Khurs</i>	189
Summary	190
Information about authors	193
Requirements to manuscripts	197
Information about subscription	202

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

д.э.н., профессор,
заслуженный деятель
науки РФ,
директор ИСЭРТ РАН
ilin@vscc.ac.ru

Динамика одобрения деятельности президентов РФ населением региона

14 августа 2012 года исполнилось 100 первых дней с начала третьего президентства в России В.В. Путина. Стодневный отчет стал уже традицией во всем мире в качестве рубежной даты, в которую подводят некоторые итоги деятельности политика высшего уровня.

Большинство экспертов единодушны в том, что «третье пришествие» Путина произошло в условиях, в которых как внутреннее, так и внешнеполитическое положение России кардинально отличаются от её положения в двух предыдущих периодах исполнения Путиным должности президента¹. Перед ним стоит целый комплекс новых вызовов, главным из которых является необходимость перемен и выбора нового сценария развития страны.

Первые 100 дней третьего президентства В.В. Путина отмечаются, с одной стороны, чёткой постановкой приоритетов национального развития на среднесрочную перспективу, а с другой – некоторым усилением опоры на представителей национально ориентированной элиты (назначения Д.О. Рогозина вице-премьером, ответственным за ВПК; академика С.Ю. Глазьева на пост советника Президента РФ по вопросам евразийской интеграции; В.В. Мединского на пост министра культуры РФ; И.Р. Холманских – полномочным представителем Президента РФ в Уральском федеральном округе).

¹ Отличительные особенности современного социально-экономического положения страны подробно охарактеризованы, например, в работе: Глазьев С., Ивантер В., Макаров В., Некипелов А., Татаркин А., Гринберг Р., Фетисов Г., Цветков В., Батчиков С., Ершов М., Митяев Д., Петров Ю. О стратегии развития экономики России // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 3. Отметим также, что различия в обстановке в стране в период третьего срока президентства В.В. Путина и в предшествующие сроки представлены в статьях многих российских политологов, таких известных публицистов, как Н. Стариков, А. Проханов.

В экспертном и научном сообществах всего мира результативность деятельности власти, в том числе и высшего ранга, принято оценивать путем социологических измерений, позволяющих выявить долю населения, одобряющего (или не одобряющего) работу властных структур. При этом, как правило, одновременно производится сбор данных по отдельным факторам, выступающим в качестве основных из воздействующих на итоги измерений.

В ИСЭРТ РАН эти принципиальные подходы для оценки президентской деятельности практически используются в социологических опросах с 1996 года². Собран системный материал, охватывающий период 1996 – 2012 гг. Накопленная за 16 лет база данных фактически является уникальной: насколько нам известно, другие научные учреждения в регионах страны не имеют подобных системных баз данных.

На рисунках прилагаемой вкладки представляется графическое отображение степени одобрения населением Вологодской области деятельности президентов РФ в 1996 – 2012 годах.

² Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и восьми районах Вологодской области (Бабаевском, Великоустюгском, Вологодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондента. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структурой взрослого населения. Ошибка выборки не превышает 3%.

Как видно из *рисунка 1*, к концу 1999 г. степень одобрения деятельности президента Б.Н. Ельцина опустилась кратно ниже значений, допустимых для главы государства. Поэтому его добровольная отставка и возложение согласно Конституции РФ обязанностей президента на премьер-министра – В.В. Путина – сразу же получило масштабное одобрение. В марте 2000 года В.В. Путин был избран на пост главы государства большинством избирателей, принявших участие в голосовании по выборам президента России.

За время **первого президентского срока В.В. Путина** (с начала 2000 по апрель 2004 г.) в российском обществе снизилась социальная напряженность. Наблюдалась отрицательная корреляционная зависимость³ средней силы между уровнем одобрения и долей жителей с низким запасом терпения. В наиболее значительной степени доля положительных характеристик деятельности Президента РФ возросла в категории 20% самых обеспеченных жителей области (на 13 процентных пунктов, до 82%; *рис. 3*) и среди лиц молодого (от 18 до 30 лет) и среднего (30 – 55 лет) возраста (на 11 п.п.; *рис. 4*).

В целом население области отмечало успешную работу Президента по решению ключевых проблем страны на фоне провальных итогов работы предыдущего главы государства Б. Ельцина.

³ Корреляционная зависимость – статистическая взаимосвязь двух или нескольких случайных величин. При этом изменения значений одной величины сопутствуют систематическому изменению значений другой величины. Измеряется коэффициентом корреляции (коэффициент Пирсона) R . Знак коэффициента R показывает направление связи (прямую – в случае положительного R и обратную – если иначе), значение R определяет силу связи (слабую при $R < 0,3$; среднюю при R от 0,3 до 0,5; сильную при R больше 0,5).

Второй президентский срок В.В. Путина отмечен ещё большим ростом одобрения его деятельности. В апреле 2008 г. по сравнению с июнем 2004 г. доля позитивных оценок возросла с 67 до 82%.

Доля тех, кто идентифицировал себя с «бедными» и «нищими», снизилась с 53 до 43%, уменьшился удельный вес людей с низким «запасом терпения» (с 19 до 14%). Заявленный среднедушевой доход был выше прожиточного минимума более чем на треть.

В этот период в обществе продолжилось снижение социальной напряженности (рис. 2.1 – 2.3). Причем уменьшение доли людей с низким запасом терпения и удельного веса «бедных» и «нищих» было прямо связано с ростом уровня одобрения Президента РФ (отмечалась сильная отрицательная корреляционная зависимость, $R = -0,7$).

Уровень одобрения существенно (на 23 процентных пункта, до 80%) возрос в категории 20% наименее обеспеченных жителей области, приблизившись к показателю средне- и высокообеспеченных групп (по 83%; см. рис. 3). Продолжилось нарастание позитивных оценок президентской деятельности также среди лиц среднего и старшего возраста, «бедных» и «нищих», с низким запасом терпения (рис. 4, 5).

В целом за два президентских срока В. Путина существенно (с 63 до 82%, или в 1,3 раза) возросла доля населения, позитивно оценивающего его работу. Оценки населения стали в большей степени соотноситься с реальными действиями Президента РФ, проводимой им внутренней и внешней политикой. Успешной признавалась его деятельность на международной арене.

За период пребывания в должности Президента РФ Д.А. Медведева (май 2008 – апрель 2012 г.) степень одобрения президентской деятельности снизилась: доля одобряющего её населения области упала с 71 до 50%.

В период с июня 2008 по апрель 2012 г. снизилась доля населения области, признающего успешной президентскую деятельность Д. Медведева по таким важным её направлениям, как: международная политика (с 55 до 43%); работа по наведению порядка в стране (с 50 до 35%); защита демократии и прав граждан (с 40 до 27%); обеспечение экономического развития и улучшения материального положения населения (с 40 до 29%; рис. 6 – 9).

Таким образом, значительное снижение популярности Д. Медведева в его президентский срок во многом непосредственно связано не столько с последствиями мирового экономического кризиса, сколько с ростом нерешенных экономических и политических проблем страны.

Авторитет и политический опыт, практические действия **В.В. Путина в первые 100 дней третьего президентства** уже привели к позитивным изменениям в оценках населения региона.

По итогам последних социологических измерений ИСЭРТ РАН (табл. 1 – 3) в июне 2012 г. процент опрошенных жителей Вологодской области, одобряющих деятельность вновь избранного президента, вырос на 4,2 пункта, а процент неодобряющих – снизился на 4,4 пункта. Также в июне имела место положительная динамика оценок населением своего социального состояния. Однако по итогам опроса в августе показатели (одобрения/неодобрения деятельности президента, социального состояния) несколько ухудшились.

Таблица 1. Оценка деятельности власти
(Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?)

Властная вертикаль	Одобрение в % к общему количеству опрошенных								Коэффициент изменений авг. 2012 г. к 8 мес. 2008 г.	Коэффициент изменений авг. 2012 г. к июн. 2012 г.
	8 мес. 2008 г.	авг. 2011 г.	окт. 2011 г.	дек. 2011 г.	фев. 2012 г.	апр. 2012 г.	июн. 2012 г.	авг. 2012 г.		
Президент РФ	75,0	62,1	56,6	51,7	47,3	50,3	54,5*	53,7*	0,72	0,99
Председатель Правительства РФ	76,4	60,4	59,1	52,9	52,6	51,7	49,5**	48,5**	0,63	0,98
Губернатор Вологодской области	57,8	49,5	47,7	41,9***	37,7***	37,7***	44,7***	45,3***	0,78	1,01

Властная вертикаль	Неодобрение в % к общему количеству опрошенных								Коэффициент изменений авг. 2012 г. к 8 мес. 2008 г.	Коэффициент изменений авг. 2012 г. к июн. 2012 г.
	8 мес. 2008 г.	авг. 2011 г.	окт. 2011 г.	дек. 2011 г.	фев. 2012 г.	апр. 2012 г.	июн. 2012 г.	авг. 2012 г.		
Президент РФ	9,3	19,7	29,0	35,7	35,7	33,3	28,9*	31,1*	3,34	1,08
Председатель Правительства РФ	10,4	21,4	24,7	32,7	32,0	33,1	31,5**	34,5**	3,32	1,10
Губернатор Вологодской области	19,9	24,4	32,1	36,1***	33,8***	32,6***	31,8***	32,7***	1,64	1,03

* Данные за июнь – август 2012 г. – начало президентства В.В. Путина.

** Данные за июнь – август 2012 г. – деятельность Д.А. Медведева на посту Председателя Правительства РФ.

*** Данные с декабря 2011 г. относятся к деятельности губернатора Вологодской области О.А. Кувшинникова.

Таблица 2. Какая партия выражает Ваши интересы?

Партия	В % к общему количеству опрошенных								Коэффициент изменений авг. 2012 г. к 8 мес. 2008 г.	Коэффициент изменений авг. 2012 г. к июн. 2012 г.
	8 мес. 2008 г.	авг. 2011 г.	окт. 2011 г.	дек. 2011 г.	фев. 2012 г.	апр. 2012 г.	июн. 2012 г.	авг. 2012 г.		
Единая Россия	40,5	33,7	29,8	26,1	26,0	28,3	31,9	31,4	0,78	0,98
КПРФ	6,8	10,0	12,1	13,4	10,1	11,4	10,0	9,5	1,40	0,95
ЛДПР	7,7	7,5	9,1	9,2	9,1	9,5	7,7	6,7	0,87	0,87
Справедливая Россия	5,0	2,7	5,6	13,9	10,2	8,2	4,6	5,6	1,18	1,22
Другая	1,4	2,4	3,1	4,6	3,1	3,2	2,8	2,3	1,36	0,82
Никакая	20,1	28,9	28,1	23,9	25,7	28,6	31,5	33,2	1,65	1,05
Затрудняюсь ответить	13,7	14,8	12,2	9,0	15,8	10,8	11,6	11,1	0,81	0,96

Представляется, что одним из существенных факторов снижения ряда показателей по итогам опроса в августе может являться то, что В.В. Путин в первые 100 дней третьего президентства чётко не обозначил состав обещанных реальных шагов по изменению сложившейся в стране за последние 20 лет системы социальной несправедливости (издержки итогов приватизации 1990-х гг., плоская шкала налогов, несовершенство налогов на роскошь, декларирования доходов госчиновниками

и ряд других острых проблем). Основой этой системы пока остаются приоритеты олигархических кланов, коррупционных элит и бюрократии.

Люди ждут от президента В.В. Путина реальных действий по приведению нынешних экономической и политической систем в соответствие с требованиями социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, как это записано в ст. 7 Конституции РФ.

Таблица 3. Оценка социального состояния

В % к общему количеству опрошенных								Коэффициент изменений авг. 2012 г. к 8 мес. 2008 г.	Коэффициент изменений авг. 2012 г. к июн. 2012 г.
8 мес. 2008 г.	авг. 2011 г.	окт. 2011 г.	дек. 2011 г.	фев. 2012 г.	апр. 2012 г.	июн. 2012 г.	авг. 2012 г.		
Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?									
Нормальное состояние, прекрасное настроение									
70,2	66,7	64,7	64,2	62,9	63,4	69,0	71,3	1,02	1,03
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску									
22,1	24,1	29,4	30,2	33,5	30,2	23,4	23,3	1,05	1,00
Как Вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?									
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть									
81,0	73,2	73,9	78,6	74,9	76,5	77,3	73,2	0,90	0,95
Терпеть наше бедственное положение невозможно									
10,9	11,3	15,8	14,1	18,1	16,8	13,6	17,0	1,56	1,25
Индекс потребительских настроений									
107,5	92,9	88,5	85,6	89,8	90,1	93,4	92,3	0,86	0,99
К какой категории Вы себя относите?									
Доля считающих себя бедными и нищими									
39,8	40,8	44,6	41,9	43,2	43,6	45,0	44,2	1,11	0,98
Доля считающих себя людьми среднего достатка									
50,7	46,2	41,8	42,2	44,9	46,5	45,3	43,4	0,86	0,96

Вопросы формирования базовых условий для перехода системы управления РФ к устоявшимся в ведущих европейских странах нормам социального государства развёрнуто рассматривались в целом ряде работ⁴. По этой тематике в нашем журнале

были также содержательные публикации⁵. В них достаточно подробно освещено, какие реальные действия рекомендуются национально ориентированными экспертами принять Президенту РФ для вывода страны на стабильное и устойчивое развитие.

⁴ См., например: Губанов С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. – 2011. – № 11; Иванова Л. К вопросу о стратегии неоиндустриальной модернизации // Экономист. – 2012. – № 2; Микульский К. Модернизация российской экономики: необходимость и возможность // Общество и экономика. – 2011. – № 11 – 12; Сенчагов В. Цели, приоритеты, риски модернизации финансовой системы России // Федерализм. – 2012. – № 2 и др.

⁵ Макаров В.Л. Исторические примеры различных методов спасения от кризиса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 1 (13); Гринберг Р.С. Контуры глобального мира: обозначая будущее // Там же; Ивантер В.В. О проблемах выхода России из экономического кризиса // Там же; Петраков Н.Я. Предисловие к монографии «Проблемы развития рыночной экономики» // Там же. – 2011. – № 2 (14); Ильин В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на национальное и региональное развитие // Там же. – 2011. – № 3 (15). – С. 14-38; Поварова А.И. Влияние интересов собственников металлургической корпорации на финансовые результаты головного предприятия (на примере ОАО «Северсталь») // Там же. – 2011. – № 5 (17). – С. 36-51; Татаркин А.И., Лаврикова Ю.Г. Программно-проектная модернизация федеративного устройства России // Там же. – 2011. – № 6 (19). В выпусках нашего журнала, в прошлом и текущем, опубликованы статьи таких авторов, как: Глазьев С.Ю. Почему Путин? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 2 (20); Якунин В.И. Постиндустриализм: опыт критического анализа // Там же; Крах глобальной пирамиды. Интервью с академиком С.Ю. Глазьевым // Там же. – 2012. – № 3 (21); Татаркин А.И. Развитие экономического пространства регионов России на основе кластерных принципов // Там же.

В настоящем выпуске журнала представляется текст научного сообщения академика С.Ю. Глазьева и профессора В.В. Локосова на заседании Президиума РАН, которое касается оценки предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использования в управлении социально-экономическим развитием.

Авторы, делая ёмкий анализ ситуации в современной России на основе системы показателей, отражающих фундаментальные социальные и экономические процессы, показывают, что российское общество и экономика балансируют на грани срыва.

По мнению учёных, *«громадные объёмы вывоза капитала, достигшие за два десятилетия астрономической величины в 1 трлн.*

долларов, не менее разорительная для экономики и общества «утечка умов», утрата большой части научно-производственного и человеческого потенциала — следствие неудовлетворительной работы механизмов рыночной самоорганизации и институтов государственного регулирования. Фактическая самоизоляция властвующей элиты от общества и лишение подавляющего большинства граждан реальных прав на участие в процессах управления блокируют обратные связи между обществом и государством. Последнее подчиняется олигархическим интересам и становится инструментом получения административной ренты коррумпированной бюрократией, защищённой от ответственности перед обществом благодаря действующей политической системе»⁶.

⁶ Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской академии наук. — 2012. — Том 82. — № 7. — С. 600. (Примечание: выделения сделаны редакцией).

Динамика одобрения деятельности президентов РФ населением региона

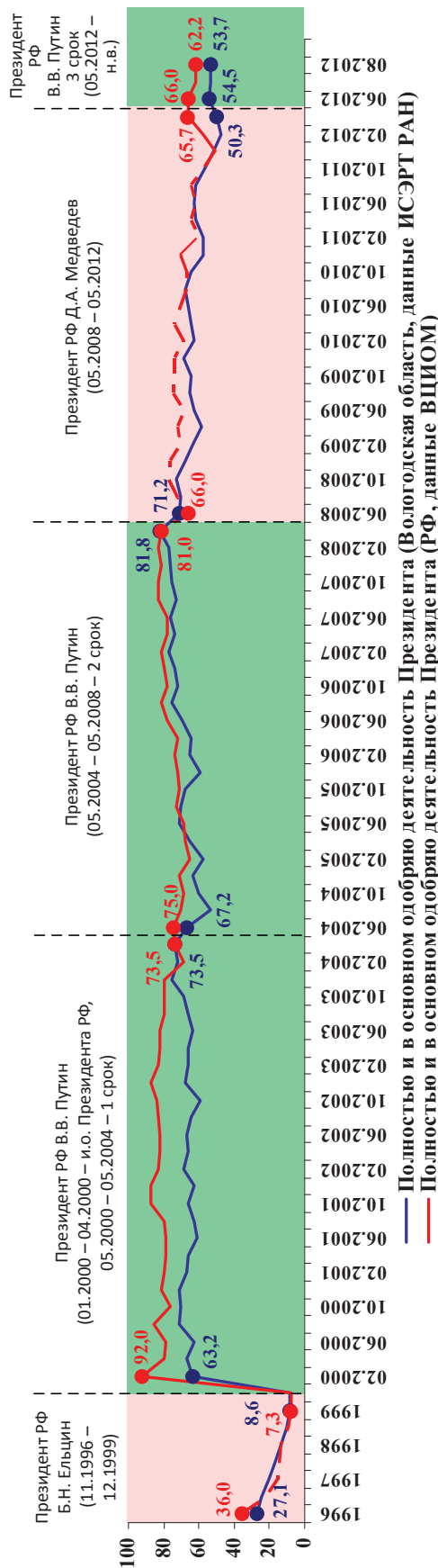

Рис. 1. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ (в % от числа опрошенных)

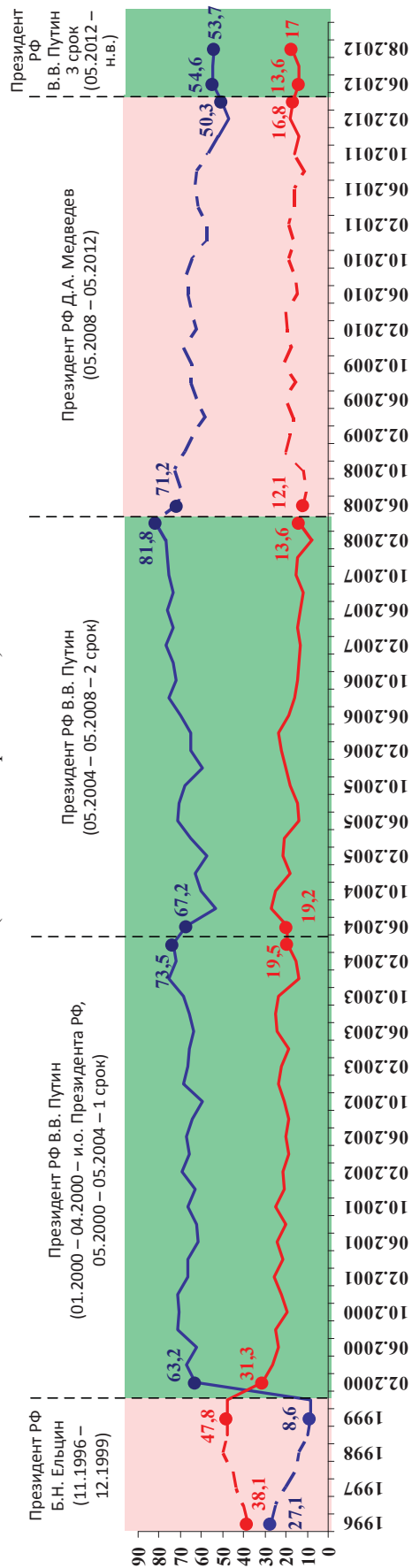

Рис. 2.1. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ и доли жителей Вологодской области с низким запасом терпения (в % от числа опрошенных)

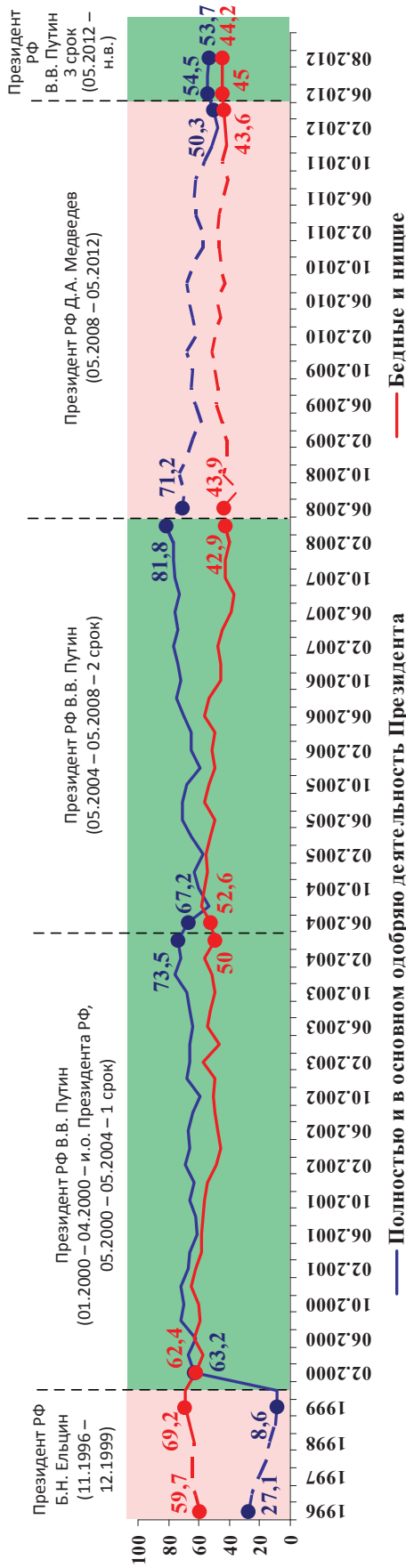

Рис. 2.2. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ и удельного веса «бедных и нищих» (по самооценке) жителей Вологодской области (в % от числа опрошенных)

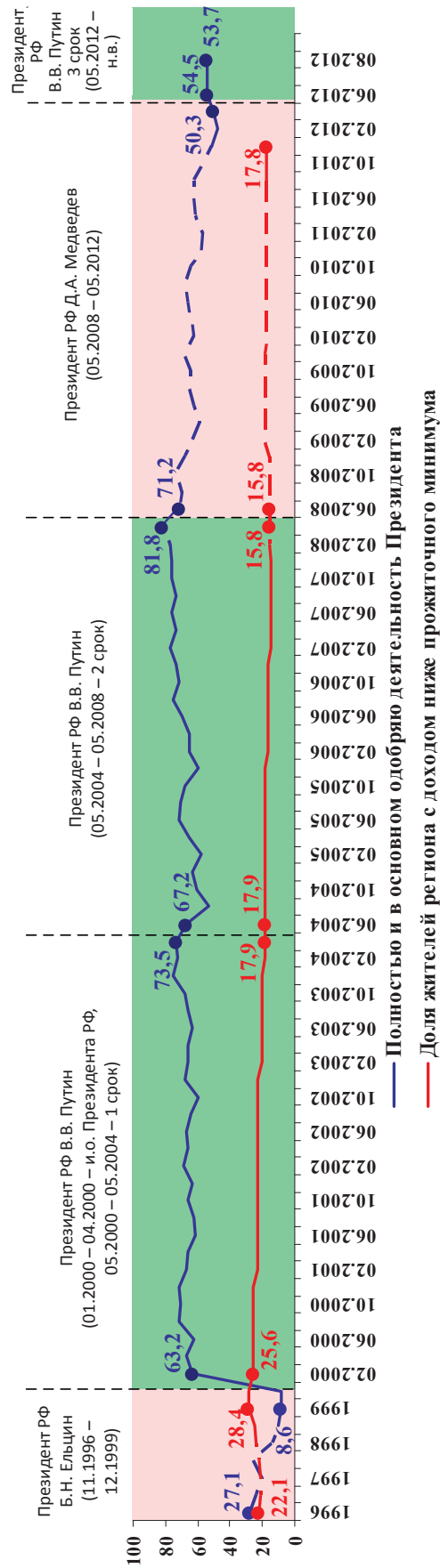

Рис. 2.3. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ (в % от числа опрошенных) и доли жителей Вологодской области с доходом ниже прожиточного минимума (в % от численности населения)

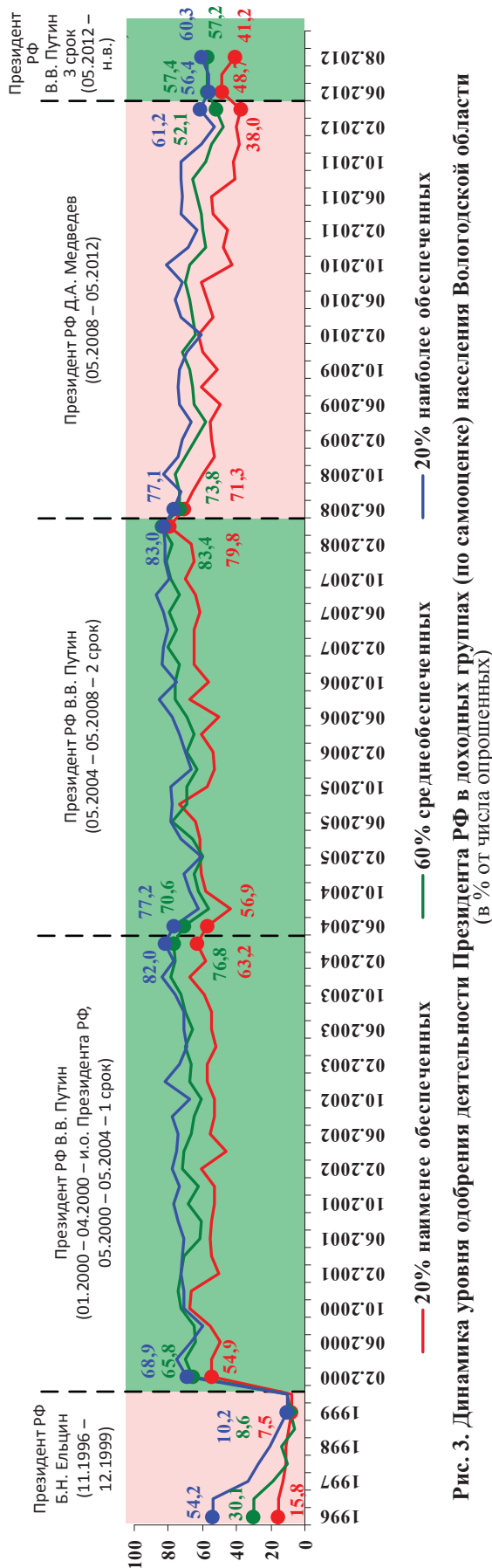

Рис. 3. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ в доходных группах (по самооценке) населения Вологодской области (в % от числа опрошенных)

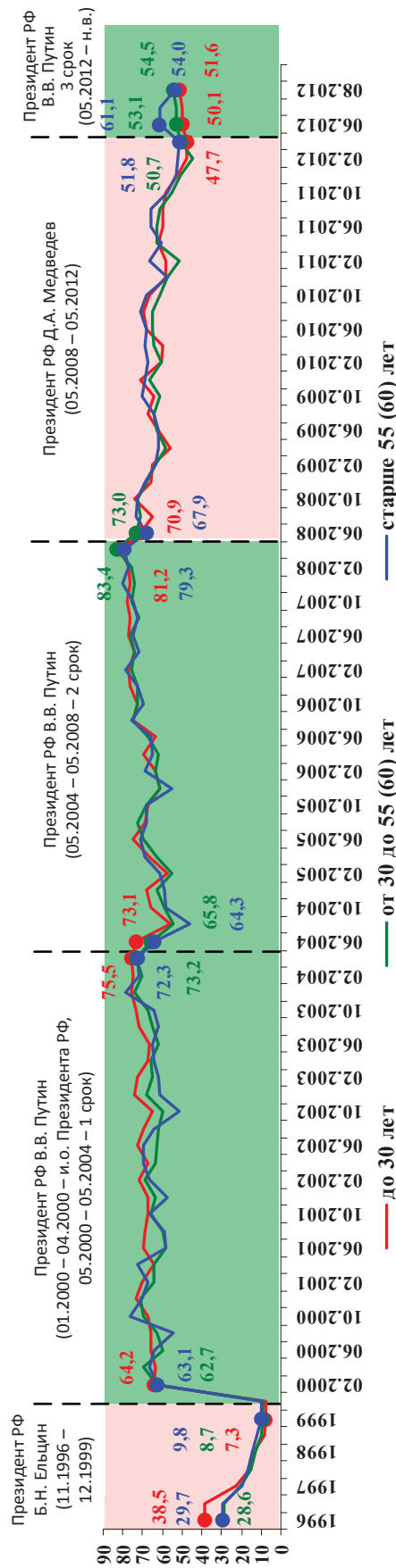

Рис. 4. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ в возрастных группах населения Вологодской области (в % от числа опрошенных)

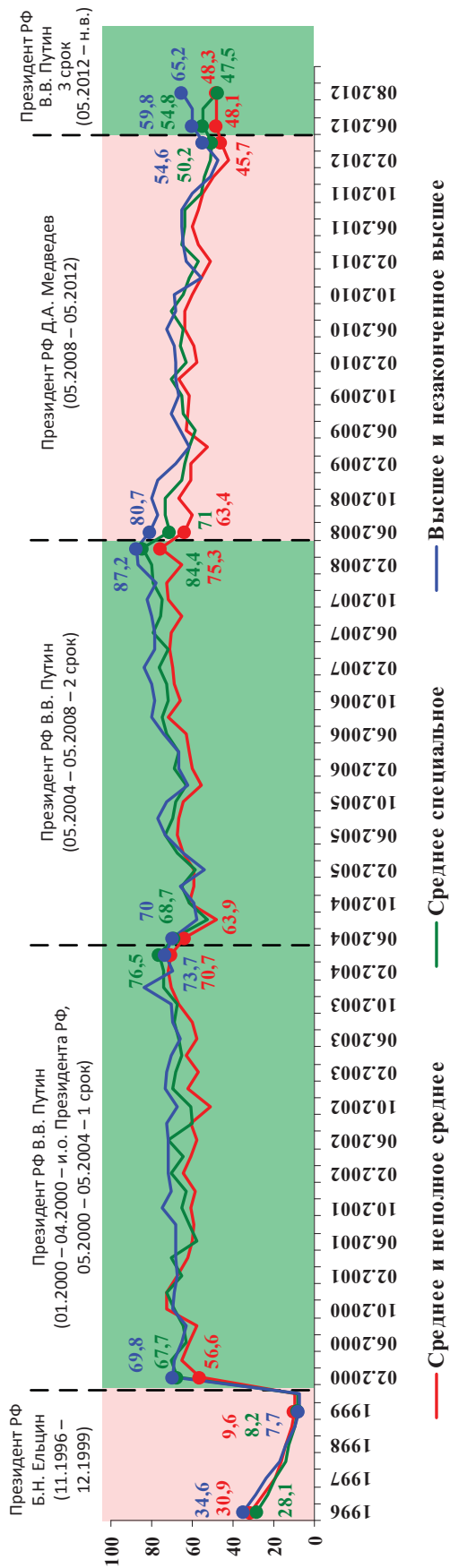

Рис. 5. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ в группах населения Вологодской области с различным уровнем образования (в % от числа опрошенных)

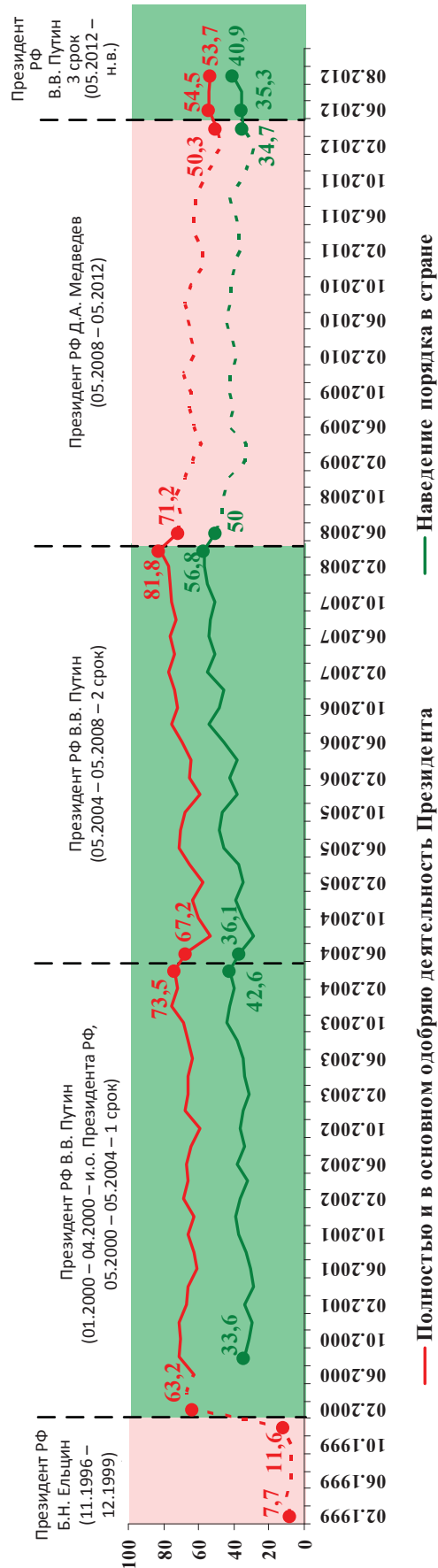
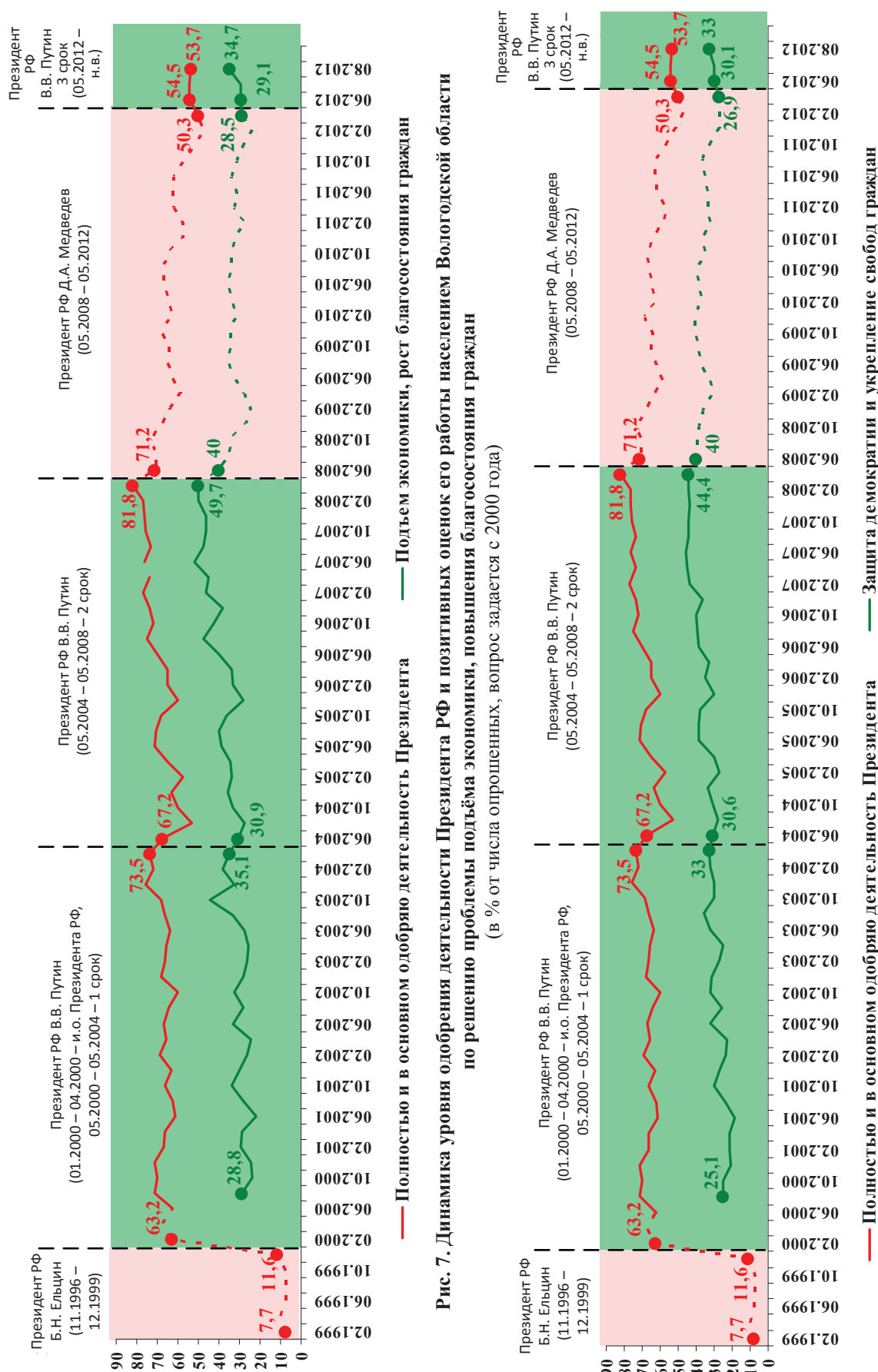

Рис. 6. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ и позитивных оценок его работы населением Вологодской области по решению проблемы наведения порядка в стране (в % от числа опрошенных, вопрос задается с 2000 года)

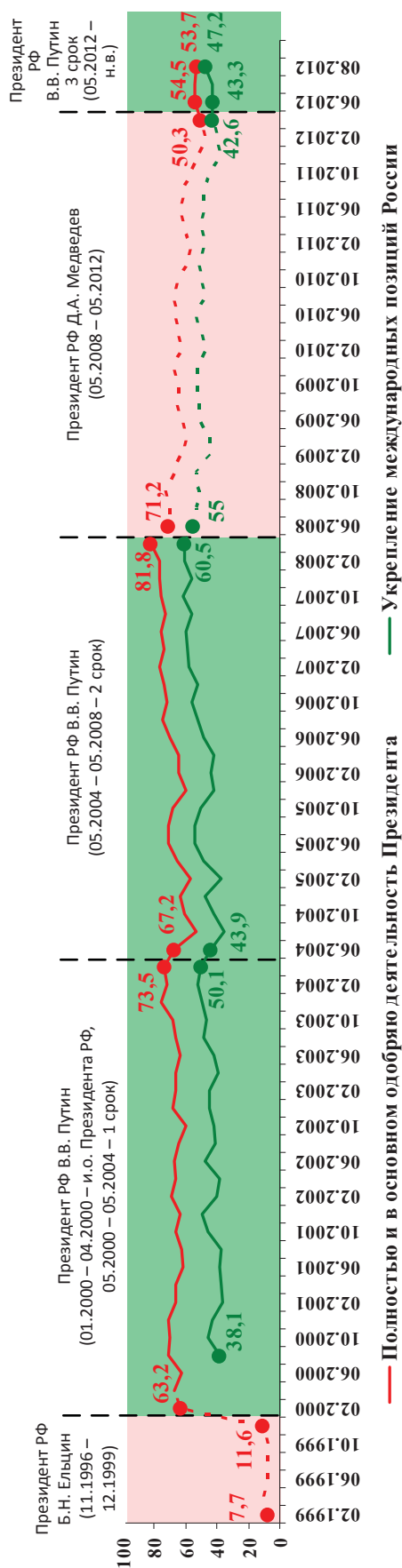

Рис. 9. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ и позитивных оценок его работы населением Вологодской области по решению проблемы укрепления международных позиций России (в % от числа опрошенных, вопрос задается с 2000 года)

Первые 10 статей журнала, опубликованные в 2010 – 2012 гг., по длительности их просмотра за последние 12 месяцев (сентябрь 2011 – август 2012)

Рейтинг	Статья	Суммарное время просмотра, минут за последние 12 месяцев	Суммарное время просмотра, минут за весь период учёта*	Количество просмотров за последние 12 месяцев	Количество просмотров за весь период учёта*	Среднее время просмотра, минут за весь период учёта*	Выпуск	Дата выхода	Авторы
1	Модернизация российской экономики как императив инновационного развития страны в будущем	5060	179	179	22	28	№16	Август 2011	Кондаков Игорь Анатольевич
2	Угрозы экономической безопасности региона и пути их преодоления	1921	133	96	7	19	№14	Апрель 2011	Ускова Тамара Витальевна Кондаков Игорь Анатольевич
3	Бюджетный федерализм и межбюджетные отношения в Российской Федерации	1907	184	134	14	14	№13	Март 2011	Аветисян Ишхан Арташович
4	Посткризисное экономическое развитие и перспективы инновационной деятельности Томской области	1209	42	42	3	29	№15	Июнь 2011	Мякота Екатерина Александровна Воробов Александр Григорьевич Путилов Александр Валентинович Жиганов Александр Николаевич
5	Методика сравнительной оценки научно-технического потенциала региона	1101	163	73	5	18	№12	Декабрь 2010	Задумкин Константин Алексеевич Кондаков Игорь Анатольевич
6	Сельское хозяйство Европейского Севера: итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи	1035	131	80	1	16	№11	Сентябрь 2010	Иванов Валентин Александрович Иванова Елена Валентиновна
7	Демографические проблемы Республики Беларусь и пути их решения	725	50	50	16	14	№16	Август 2011	Шахотько Людмила Петровна
8	Интеллектуальные ресурсы как фактор инновационного развития	677	161	42	7	20	№11	Сентябрь 2010	Ильин Владимир Александрович Гулин Константин Анатольевич Ускова Тамара Витальевна
9	Инвестиционный процесс региона: новое столетие – старые проблемы	641	78	36	3	15	№11	Сентябрь 2010	Губанова Елена Сергеевна Воронцова Татьяна Владимировна
10	Программно-проектная модернизация федерального устройства России	621	22	22	2	28	№18	Декабрь 2011	Татаркин Александр Иванович Лаврикова Юлия Георгиевна

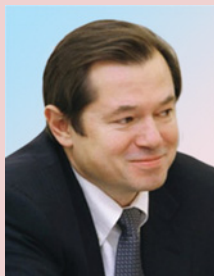
* Учёт посещений сайта ведётся с 12 декабря 2009 г.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

© С.Ю. Глазьев

© В.В. Локосов

Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием*

**Сергей Юрьевич
ГЛАЗЬЕВ**

академик РАН, доктор экономических наук

**Вячеслав Вениаминович
ЛОКОСОВ**

доктор социологических наук, директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
info@isesp-ras.ru

Метод предельно критических (пороговых) показателей изучения и конструирования объектов и их функциональных связей давно и плодотворно используется в различных областях научного знания.

Наиболее эффективно он применяется в технических разработках, например, при математическом обосновании надёжности машин: для технического объекта рассчитываются предельные параметры нагрузок,

* Данный текст опубликован в журнале «Вестник Российской академии наук (2012, том 82, № 7) под рубрикой «С кафедры Президиума РАН». Редакция журнала сопроводила текст следующей преамбулой: «Судя по официально публикуемым показателям, социально-экономическое развитие России выглядит относительно благополучным, особенно в сравнении с 1990-ми годами. Однако более подробный анализ ситуации на основе системы показателей, отражающих фундаментальные социальные и экономические процессы, убеждает в том, что российское общество и экономика балансируют на грани срыва. Этой теме было посвящено научное сообщение академика С.Ю. Глазьева и профессора В.В. Локосова на заседании Президиума РАН. Они предложили новый подход к оценке состояния социально-экономической системы. Мы публикуем расширенный текст их сообщения и материалы его обсуждения (в изложении)». [Примечание. В настоящем издании текст представляется без материалов обсуждения.]

превышение которых влечёт его поломку. При осуществлении подобных расчётов, как правило, используется набор имитационных условий, в которых опытным путём проверяется соответствие объектов требуемым параметрам.

Метод предельно критических показателей успешно применяется и при изучении живых систем: в медицине — при диагностике состояния организма человека, в экологии — при определении степени загрязнения биосферы. Косвенно он присутствует в широко распространённых методах микроэкономического анализа при оценке финансового состояния фирм, составлении рейтингов экономических агентов и вычислении страховых рисков.

В общественных науках данный метод используется относительно недавно. В 1994 г. в Институте социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН) была выдвинута идея применить метод предельно критических показателей для изучения общества и разработана шкала из 20 таких показателей [1, с. 556-568]¹.

В 1996 г. по поручению секретаря Совета безопасности РФ была разработана и утверждена система показателей экономической безопасности [2], которая прошла обсуждение и получила рекомендацию Отделения экономики РАН. В 2000 г. секция экономической и социальной безопасности Научного совета при Совете безопасности России одобрила перечень из 19 показателей и соответствующих пороговых значений [3]. С тех пор эти показатели применяются при оценке состояния экономической безопасности России, опубликовано немало интересных исследований в данной области [4, с. 36-38].

¹ Инициатором идеи разработки системы предельно критических показателей развития российского общества является В.В. Локосов.

Вместе с тем к настоящему времени не сложилось единого мнения как относительно обоснования предельно критических значений тех или иных показателей социально-экономического состояния, так и относительно самого набора последних, что связано с отсутствием общей теории устойчивости социально-экономических систем. Научные школы придерживаются разных представлений о должном и сущем в экономическом и общественном устройстве, вследствие чего по-разному оценивают те или иные социально-экономические процессы с точки зрения их причин и целей управления.

К примеру, в либертарианской доктрине вывоз капитала и «утечка умов» представляются как закономерные свойства открытой социально-экономической системы, борьба с которыми бесполезна, так как ведёт к отклонению от оптимального распределения ресурсов в условиях глобальной конкуренции. В рамках современной эволюционной парадигмы, исходящей из анализа реальных процессов воспроизводства и конкуренции национальных социально-экономических систем, вывоз капитала и «утечка умов», наоборот, оцениваются как результат «провалов» рыночных механизмов и дефектов в функционировании институтов государственного регулирования, которые должны преодолеваются системой управления социально-экономическим развитием.

Авторы исходят из комплексного междисциплинарного подхода к исследованию динамики состояния России с точки зрения её способности к самостоятельному воспроизводству и развитию как целостной общественной системы. Соответственно, состояние экономики и общества как динамических систем характеризуется различными показателями, отражающими их способность к воспроизводству и развитию.

Предельно критическим следует считать такое значение показателя, выход за границы которого свидетельствует о возникновении угрозы функционированию экономики и жизнедеятельности общества вследствие нарушения нормального течения отражаемых этим показателем процессов. Обычно в качестве предельно критического значения определяется одно число, превышение (при растущем показателе) или снижение (при падающем показателе) которого свидетельствует о вхождении системы в зону риска. Правильно было бы определять два предельно критических значения показателя, обозначающие границы интервала допустимых для нормального функционирования и развития системы значений. Например, обычно предельно критическое значение показателя рождаемости определяют как минимально допустимое для простого воспроизводства населения. В то же время, как показывает опыт Китая, в определённых условиях общество может быть заинтересовано в стабилизации и даже снижении численности населения, что влечёт установление максимально допустимого количества детей в одной семье. Аналогичная ситуация имеет место в связи с широко используемым показателем инфляции: её значение не должно превышать предельно критическую величину, отражающую переход экономической системы в турбулентное состояние, но вместе с тем и падение инфляции ниже нуля чревато нарушением воспроизводственных процессов в экономике.

Следует также различать показатели и соответствующие им предельно критические (пороговые) значения, определяющие способность системы *к простому воспроизводству* и *способность системы к развитию*. Выход за границы первых означает, что система утрачивает способность самосохранения — возникает угроза либо её разрушения, либо перехода в качественно новое состояние.

Выход за границы вторых отражает утрату системой конкурентоспособности, вследствие чего возникает угроза её подчинения или поглощения иной социально-экономической системой. Расширенное воспроизводство может казаться устойчивым развитием, но в реальной глобальной конкурентной среде оно не гарантирует от гибели в результате действия внешних вызовов и угроз. Эта очевидная — благодаря имеющемуся у нас историческому опыту — мысль часто игнорируется в традиционных эконометрических и социометрических исследованиях, основанных на экстраполяции сложившихся тенденций без учёта пределов устойчивости реальных социально-экономических систем.

Воспроизводство социально-экономической системы мы рассматриваем в единстве её демографической, социальной, ценностно-культурной, производственно-технологической, природно-ресурсной и макроэкономической составляющих. Все эти подсистемы должны находиться в гармоничной взаимосвязи и обеспечивать сбалансированное воспроизводство общественной системы в целом, что достигается путём должного функционирования соответствующих институтов.

Использование предельно критических значений показателей в управлении социально-экономическим развитием должно исходить не из идеологических доктрин, а из прагматичного системного подхода. Согласно ему общество есть система, взаимосвязь элементов которой хоть и подчиняется определённым закономерностям и поддерживается сложившимися воспроизводственными процессами, всё же подвержена неконтролируемым внешним воздействиям и внутренним напряжениям. Каждая из её подсистем имеет жизненно важные функции, и нарушение нормального режима функционирования одной из них может привести всю систему в состояние неустойчивости, слабой пред-

сказуемости и неуправляемости. Показатели, отражающие функционирование этих подсистем, имеют предельно критические значения, достижение которых означает резкое повышение вероятности распада этих подсистем или перехода их в новое состояние, что влечёт угрозу для безопасности общества в целом.

Управление обществом должно носить научно обоснованный характер, опираться на математическое моделирование социальных процессов, вычисление и предсказание последствий принимаемых решений. Для этого необходимо проводить систематические измерения множества показателей социально-экономического состояния и, определяя на основе анализа их отношение к предельно критическим значениям, выявлять угрозы общественной и экономической безопасности. Величина предельно критических значений устанавливается исходя из результатов специальных исследований, экспертных оценок и математического моделирования.

Ниже будет дана характеристика результатов измерений показателей социально-экономического состояния России по отношению к предельно критическим

значениям, систематизированных авторами по социальной, экономической и управленческой подсистемам.

Состояние общества. Наиболее изученными и хорошо интерпретируемыми являются демографические процессы. Предельно критическим здесь считается уровень, достижение которого делает невозможным поддержание простого воспроизводства населения. Из рисунка 1 видно, что российское общество по этим показателям уже длительное время находится за критическими пределами. Графики рождаемости и смертности населения образуют своеобразный «демографический крест», который отражает начавшийся с 1990-х годов переход от расширенного воспроизводства к суженному.

Оба ключевых демографических показателя – коэффициент рождаемости и коэффициент смертности – на протяжении длительного времени находятся далеко за пределами критических значений (табл. 1). Следствием этого является устойчивое снижение численности населения. Согласно имеющимся демографическим прогнозам, при сохранении сложившихся тенденций к 2030 г. оно может сократиться до 127 млн. человек с тенденцией дальнейшего уменьшения.

Рисунок 1. Общие показатели рождаемости и смертности в СССР и России в 1960 – 2010 гг.

1 – рожившихся; 2 – умерших

Источник: Демографический ежегодник России. 2010: стат. сб. – М.: Росстат, 2010.

Таблица 1. Оценки, характеризующие воспроизводство человеческого потенциала в России

Показатель	Предельно критическое значение	Фактическое состояние, 2010 г.	Фактическое значение к предельно критическому
Коэффициент рождаемости (на 1000 человек населения)	22	12,5	В 1,76 раза меньше
Уровень смертности (на 1000 человек населения)	12,5	14,2	В 1,14 раза выше
Естественный прирост (на 1000 человек населения)	12,5	-1,7	Убыль населения
Миграционный прирост населения (человек на 1000 жителей)	1,1	1,3	В 1,2 раза больше
Доля мигрантов (% к численному составу населения)	3	9	В 3 раза больше
Производительность труда (тыс. долл. на одного занятого в ценах и по паритету покупательной способности):	27,9	15,4	В 1,8 раза ниже
к среднемировой, %	142	82	В 1,7 раза ниже
к развитым странам, %	50	25	В 2 раза ниже
Темпы роста производительности труда, % в год	12	5,9	В 2 раза ниже
Продолжительность жизни населения, лет	75	68,7	На 6,3 года меньше
Разрыв между доходами 10% самых высокообеспеченных групп населения и 10% самых малообеспеченных, раз	8	16,6 (40 с учётом скрытых доходов)	В 2,08 раза больше
Коэффициент Джини (степень отклонения фактического распределения денежных доходов от равного распределения их между жителями страны)	0,3	0,4	В 1,3 раза больше
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, %	7	12,6	На 5,6% больше
Доля проживающих менее чем на 2,5 долл. в день, %	0,5	17	В 34 раза больше
Доля бездомных и других социально деклассированных групп населения (% к общей численности населения)	1,5	15	В 10 раз больше
Уровень безработицы по методологии Международной организации труда (МОТ)	5,0	10,2	В 2,04 раза выше
Уровень преступности (количество зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек населения)	1000	1839	В 1,84 раза выше
Минимальный медицинский уровень потребляемых килокалорий в сутки	3000	2564	На 14,5% ниже
Доля импорта лекарственных средств, %	45	81	В 1,8 раза больше
Уровень удовлетворённости получаемым образованием (% к общей численности населения)	40	24	В 1,67 раза ниже
Уровень удовлетворённости медицинским обслуживанием (% к общей численности населения)	40	14	В 2,86 раза ниже
Условный коэффициент депопуляции (отношение числа умерших к числу родившихся)	1	1,25	В 1,25 раза больше
Уровень социальной однородности общества (% к общей численности населения)	65	9–12	В 5,4–7,2 раза ниже
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения и величины прожиточного минимума, раз	3,5	3,3	В 1,06 раза меньше
Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рождённых женщиной в фертильном возрасте)	2,15	1,55	В 0,72 раза меньше
Коэффициент старения населения (доля лиц старше 65 лет к общей численности населения, %)	7	12,9	В 1,84 раза больше
Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), пунктов	0,800	0,719	На 0,081 пункта меньше
Уровень потребления алкоголя (литров абсолютного алкоголя на душу населения)	8	15,5	В 1,94 раза выше
Доля людей, потребляющих наркотики, %	3,5	7	В 2 раза больше
Число суицидов (на 100 тыс. человек населения)	20	23,4	В 1,17 раза больше
Уровень распространённости психической патологии (на 1000 человек)	360	354	В пределах нормы

Одновременно неудовлетворительным является состояние здоровья населения, что отражается в значениях такого показателя, как средняя продолжительность жизни. Несмотря на рост в последние годы, она по-прежнему ниже критического уровня, который оценивается нами в 75 лет (исходя из современных представлений о нормальной продолжительности жизни человека с учётом возможностей здравоохранения и времени творческой активности, а также среднемировых значений показателя). Хотя средняя продолжительность жизни является демографическим показателем, она характеризует и состояние общества в целом, отражая уровень и качество жизни населения.

Демографические показатели относятся к числу немногих, имеющих объективно точные пороговые значения, за пределами которых общество переходит в режим суженного воспроизводства, что влечёт за собой его ослабление вплоть до вымирания или поглощения другими общественными системами. Далеко не все показатели состояния общества имеют столь объективно точные предельно критические значения: последние могут в существенной степени зависеть от состояния общественного сознания, исторических условий, традиций и ценностей и даже генетических особенностей представителей данного социума. К примеру, в демографической статистике наряду с показателями физического воспроизводства населения используется понятие его механического воспроизводства, которое отличается от первого миграционным сальдо. В определённой мере режим суженного воспроизводства населения может компенсироваться притоком иммигрантов, как это сегодня происходит в России. Однако, как свидетельствует исторический опыт, если этот приток превышает определённый уровень, в обществе возникает напряжение, обусловленное

этническими или даже цивилизационными конфликтами, которые таят угрозу распада или поглощения социальной системы (примером является выделение Косова из состава Сербии, нанёсшее сербскому обществу колоссальный урон). Однозначно определить предельно критическое значение доли иммигрантов в составе населения невозможно: в зависимости от этнического состава самих иммигрантов, ассимиляционного потенциала принимающего их социума, присущей ему системы ценностей это значение может существенно различаться.

В подобных случаях предельно критические значения выявляются эмпирически на основе анализа имеющегося социального опыта. Например, было установлено, что в подразделениях немецкой армии количество переселенцев из бывших советских республик не должно превышать 10% от общего числа военнослужащих [5], а в Голландии доля иммигрантов, проживающих в многоквартирном доме, не должна превышать 10% от числа коренных жителей. Из этого можно сделать вывод, что для европейского социума доля людей, отличающихся по каким-то важным социокультурным характеристикам, должна составлять не более 10%, иначе целостность, управляемость и социокультурная безопасность всей общности оказываются под угрозой. Хотя эта предельно критическая величина не находит чёткого обоснования, она учитывается в практике социального управления. В России доля иммигрантов (с учётом экспертных оценок нелегальной иммиграции) в численности трудоспособного населения приближается к 10%, а в Москве — к 15%, что уже влечёт за собой известную социальную напряжённость.

В целом, как видно из таблицы 1, российское общество длительное время живёт в условиях запредельно критического состояния не только физического воспроиз-

водства населения, но и качества жизни. Об этом свидетельствует статистика самоубийств и алкоголизации населения.

Согласно оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), критический уровень самоубийств определяется как 20 суицидов на 100 тыс. человек населения. В России этот показатель превышен почти вдвое. На региональном уровне он превышен в 3,5 – 4 раза: например, в Республике Алтай, Читинской, Кировской, Архангельской областях, Удмуртии и Башкирии он достигает 69 – 85 суицидов на 100 тыс. жителей. Заметим, что в царской России данный показатель составлял 3 самоубийства на 100 тыс. человек.

Чрезмерное потребление алкоголя и других наркотиков также является характерным признаком неудовлетворительного качества жизни населения. Предельно критическим значением показателя потребления чистого алкоголя на душу населения, превышение которого приводит к деградации общества и превалированию смертности над рождаемостью, считается 8 л в год. В современной России величина этого показателя достигает 15 л. По оценке ВОЗ, если болезнь охватывает 11% населения, она квалифицируется как критическая пандемия, создающая угрозу сохранению социума. В России доля больных алкоголизмом и наркоманией уже составляет более 11%. О деградации общества свидетельствует и его чрезмерная криминализация: уровень преступности у нас более чем вдвое превышает предельно критическое значение.

Выход за предельно критические значения по уровню самоубийств и алкоголизации населения является признаком деморализации общества и утраты ценностных ориентиров. О выходе за критические пределы доли населения, утратившего основы жизнедеятельности, свидетельствует доля бездомных и других социальных групп,

выпавших из нормальной общественной жизни. По оценкам социологов [6], свыше 15% россиян находятся на социальном «дне», где утрачиваются основные моральные ценности и ограничения. Важнейшей причиной этого состояния является потеря возможности трудиться и смысла жизни – доля людей, оказавшихся в состоянии застойной безработицы и не имеющих шансов самореализоваться, намного превысила предельно критический уровень.

Согласно расчётам по методологии Международной организации труда, доля безработных среди экономически активного населения вдвое превысила предельно критический уровень, установленный Научным советом Совета безопасности РФ. Выше критического и показатель, широко используемый для характеристики социального неравенства, – разрыв в доходах 10% самых высокообеспеченных и 10% самых малообеспеченных групп населения. Российское общество, по международным стандартам, остаётся бедным: доля граждан с доходом ниже 2,5 долл. в день более чем в 30 раз превышает предельно критическую величину. Фактически происходит распад российского общества по уровню доходов, этническому составу, квалификационно-образовательному уровню на изолированные и потенциально враждебные по отношению друг к другу группы. Это провоцирует социальные конфликты, снижает человеческий потенциал и блокирует его развитие.

Сохранение сложившихся тенденций деградации человеческого потенциала лишает российское общество возможности даже простого воспроизводства, не говоря уже о способности к устойчивому развитию. Вместе с тем нельзя точно определить время, в течение которого эти тенденции приобретут необратимый характер – не существует обоснованных оценок максимально возможной для сохранения со-

циума продолжительности превышения предельно критических параметров. Имеется значительная временная задержка между состоянием, характеризующимся запредельно критическими нагрузками, и переходом к «точке невозврата», когда изменения становятся необратимыми и переходят в самоподдерживающийся процесс разрушения социально-экономической системы. Состояние российского общества давно преодолело пороговое значение по многим показателям без явных признаков распада общественной системы. В действительности этот распад происходит, но не ощущается властвующей элитой, которая старается не замечать разложения базовых социальных подсистем и механизмов воспроизводства — семьи, преемственности поколений, культурно-нравственных ценностей. Отсутствие явных проявлений массовых конфликтов создаёт иллюзию, что болезнь может пройти сама собой, а переход за критическую черту носит временный характер и не опасен.

Предельно критические значения основных показателей развития общества следует интерпретировать, принимая во внимание интеграционные взаимосвязи социальной системы. Существуют по крайней мере три важных особенности функционирования общества, которые следует учитывать при построении и использовании системы предельно критических показателей его развития: компенсаторный механизм взаимодействия структур и элементов социальной системы, синергетический эффект и «принцип домино» [7, 8]. Последний срабатывает как «цепная реакция» высвобождения деструктивной социальной энергии после распада связывающих общество в единое целое институтов вследствие прекращения действия механизмов его воспроизводства. Ситуация при этом напоминает картину протекания патологических заболеваний головного

мозга, которые становятся очевидными после разрушения более половины его клеток. До этого момента человек выглядит нормальным, хотя показатели функционирования его нервной системы длительное время превышают предельно критические значения. Когда же заболевание становится явным, дегенерация мозга приобретает необратимый и неизлечимый характер.

Исторический опыт свидетельствует, что распад общественной системы обычно происходит неожиданно как для большинства рядовых граждан, так и для управленческой элиты. Это объясняется нелинейностью и принципиальной сложностью социальных процессов. Они могут достаточно длительное время протекать с превышением критических значений основных показателей незаметно для общественного сознания вплоть до достижения системой точки бифуркации, в которой происходит распад связывающих её механизмов воспроизводства и либо переход в новое состояние, либо поглощение более жизнеспособными системами, либо гибель.

Ключевое значение в определении возможной длительности функционирования общества за пределами предельно критических значений характеризующих его состояние показателей имеет избирательная способность системы управления. Она должна быть достаточной для своевременной диагностики возникающих угроз, их нейтрализации, купирования деструктивных процессов, преодоления возникающих ограничений и открытия новых перспектив развития. Для характеристики её состояния тоже есть свой предельно критический уровень. Согласно известным исследователям К. Юнгу [9, с. 115] и М. Догану [10, с. 151], если более 40% граждан крайне не удовлетворены социально-политическим устройством общества и считают, что существующую политическую систему надо радикально менять, то утрачивается леги-

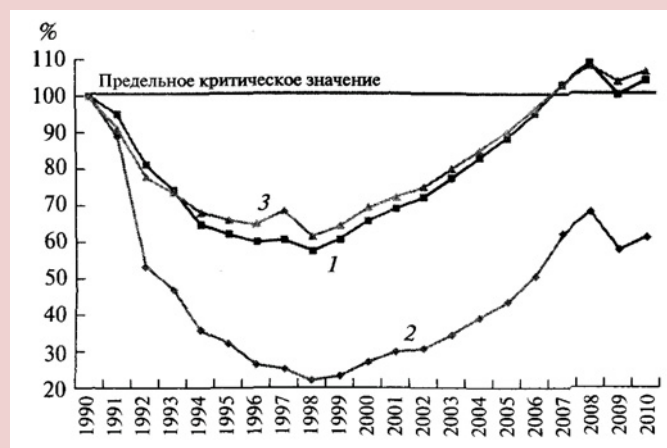
тимность политического режима и резко возрастает вероятность его крушения. Это не означает автоматического распада всей социальной системы, но делает её крайне уязвимой к внешним и внутренним угрозам. По данным ИСПИ РАН, если в 1990-е годы этот показатель превышал 40%-ный рубеж, то к 2008 г. его величина снизилась до 20%, после чего вновь пошла вверх и в настоящее время приблизилась к 30%.

Состояние экономики. В значительной мере показатели состояния общества определяются состоянием его экономики. Российская экономика уже в течение длительного времени деградирует, включая её структуру, производственно-технологический и инвестиционный потенциал. Хотя по объёму ВВП и производительности труда российская экономика вышла на дореформенный уровень 1990 г., по объёму инвестиций в основной капитал она уступает ему на 40% (рис. 2). Это означает, что экономика в течение двух последних десятилетий работает «на износ» — за счёт чрезмерной эксплуатации производственных мощностей, созданных в советское время.

Превышение уровня производства 1990 г. по объёму ВВП не свидетельствует о восстановлении экономического потенциала, его качество существенно ухудшилось: резко упала доля машиностроения и других отраслей обрабатывающей промышленности и материального производства в целом, в то время как выросла доля сферы обращения и сырьевых отраслей, переориентировавшихся на экспорт (рис. 3). Если объём добычи энергоносителей существенно превысил уровень, достигнутый в советский период, то объём производства машин и оборудования на 40% ниже дореформенного [11].

Экономика функционирует в единстве трудовой, природно-ресурсной, производственно-технологической, макроэкономической и институциональной подсистем (табл. 2). На протяжении постсоветских десятилетий природно-ресурсная подсистема пребывает в режиме суженного воспроизводства, которое характеризуется соотношением прироста запасов природных ресурсов и объёма их добычи. Длительное время практически по всем видам полез-

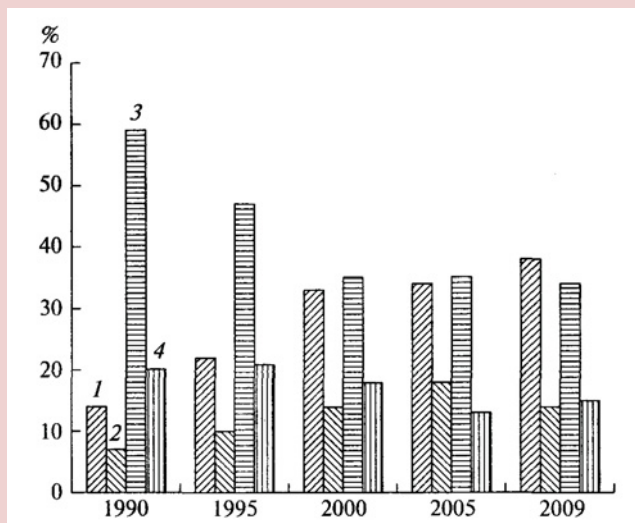
Рисунок 2. Темпы роста основных экономических показателей в СССР и России в 1990 – 2010 гг., % к 1990 г.

1 – ВВП; 2 – инвестиции в основной капитал; 3 – производительность труда

Источник: Российский статистический ежегодник: стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2001; Российский статистический ежегодник. 2009: стат. сб. – М.: Росстат, 2009.

Рисунок 3. Секторальная динамика структуры ВВП в СССР и России в 1990 – 2009 гг., %

1 – транзакционный сектор (финансы, торговля, операции с недвижимостью, аренда); 2 – экспортноориентированный сектор (ТЭК и металлургия); 3 – внутренне ориентированный сектор (машиностроение, обрабатывающая промышленность, транспорт, связь, строительство, сельское хозяйство); 4 – прочее

Источник: Народное хозяйство СССР в 1990 г., данные Росстата, расчёты авторов

Таблица 2. Оценки, характеризующие воспроизводство экономического потенциала России

Показатель	Предельно критическое значение	Фактическое состояние, 2010 г.	Фактическое значение к предельно критическому
Объёмы инвестиций в основной капитал, % к ВВП	25	20,4	В 1,23 раза меньше
Износ основных фондов, %	40	78	В 1,95 раза больше
Доля машиностроения в промышленности, %	25	14	В 1,79 раза меньше
Доля обрабатывающих отраслей в промышленности, %	70	64,8	В 0,93 раза меньше
Удельный вес убыточных организаций (% от общего количества действующих организаций)	25	27,3	В 1,1 раза больше
Рентабельность производства, %	15	11,4	На 3,6 ниже
Рентабельность активов, %	12	6,8	На 5,2 ниже
Уровень инфляции, %	15	8,8	В пределах нормы
Уровень социальной инфляции, %	15	24	В 1,6 раза выше
Доля отечественного производства в формировании ресурсов мяса и мясных продуктов на внутреннем рынке, %	70	61,3	На 8,7 меньше
Доля материального производства в ВВП, %	66	32	В 2,06 раза меньше
Уровень монетизации (M2) на конец года, % к ВВП	50	12	В 4,17 раза ниже

ных ископаемых указанное соотношение находится ниже предельно критического уровня, равного 1. Несмотря на это, сырьевая обеспеченность российской экономики и российского общества пока не вызывает особого беспокойства вследствие значительного количества ранее открытых и обустроенных месторождений полезных ископаемых, обширнейших земельных и водных ресурсов.

Состояние производственно-технологической подсистемы характеризуется за-критическим износом основных фондов. Согласно официальной статистике, их амортизация составляет 50%, но, по оценкам экспертов, физический износ основных фондов во многих, в том числе базовых, отраслях экономики достигает 80%, что намного превышает предельно критическое значение.

Последнее, в условиях современного НТП, оценивается в 35%, в том числе 25% — по активной части и 40% — по пассивной части основных фондов. Хотя при превышении этих значений и сохраняется способность экономики к расширенному воспроизводству, она теряет конкурентоспособность, уступая по научно-техническому уровню и эффективности другим странам.

Российская экономика уже длительное время функционирует в режиме суженного воспроизводства, многие жизненно важные отрасли машиностроения и обрабатывающей промышленности фактически прекратили своё существование. Доля машиностроения в промышленности упала вдвое по отношению к предельно критическому уровню, оцениваемому Неправительственным советом национальной безопасности России в 25%. В целом доля обрабатывающих отраслей в промышленности упала на 8% ниже предельно критического уровня, оцениваемого в 70%. Деградация российской промышленности отражается в показателе доли российской высокотехнологичной продукции на мировом рынке, которая снизилась до 0,2%.

Об утрате способности экономики страны к самостоятельному развитию свидетельствует доля импорта оборудования, которая превысила критический предел более чем вдвое, что означает переориентацию процессов воспроизводства на иностранную технологическую базу. Это также ведёт к утрате способности страны к самостоятельному развитию и втягиванию её в неэквивалентный внешнеэкономический обмен, чреватый вымыванием национального богатства.

Превышение 35%-ной доли импортных товаров в совокупном потреблении населения означает попадание страны в критическую зависимость от внешнего мира. При этом по продовольственным товарам

предельно критическим уровнем считается 25%-ная доля импорта, дальнейшее её увеличение создаёт угрозу продовольственной безопасности страны. По обоим показателям Россия уже длительное время находится за предельно критическим уровнем. На это пока не обращают внимания в силу устойчивого высокого положительного сальдо платёжного баланса и сверхнормативных валютных резервов, которые многократно покрывают потребность страны в импорте при сложившемся уровне платёжеспособного спроса.

В условиях высокой открытости и при отсутствии целенаправленной политики развития российская экономика фактически распалась на два сектора: внутренний, который деградирует, и экспортноориентированный (в основном сырьевой), который по механизмам воспроизводства приобретает анклавные черты и переходит на финансирование за счёт зарубежных источников. В результате российская экономика, специализирующаяся на экспорте сырьевых товаров в обмен на готовые изделия, приобретает колониальные черты, что ведёт к неэквивалентному внешнеэкономическому обмену и лишает её способности к самостоятельному воспроизводству и развитию. Это отражается в показателях доли сырьевых товаров в экспорте, которые существенно превышают предельно критическое значение, оцениваемое нами в 40%. Высокая доля экспорта энергоносителей относительно объёма их производства, равная 2/3, отражает фактическую деградацию обрабатывающей промышленности. Вследствие этого, а также переориентации на иностранную технологическую базу и высокого уровня импорта потребительских товаров, российская экономика оказывается в жёстких тисках внешней зависимости, которые определяют её эволюцию в соответствии с потребностями внешнего рынка, а не внутреннего развития (*табл. 3*).

Таблица 3. Оценки, характеризующие внешнеэкономическую зависимость России

Показатель	Предельно критическое значение	Фактическое состояние, 2010 г.	Фактическое значение к предельно критическому
Коэффициент достаточности международных резервов (% к трёхмесячному объёму импорта товаров и услуг)	9	20,4	В 2,3 раза больше
Объём совокупного внешнего долга (% к ВВП на конец года)	25	32,5	В 1,3 раза больше
Доля импортного оборудования во внутреннем спросе, %	30	65,6	В 2,18 раза больше
Доля импортного продовольствия в ВВП, %	25 – 30	32	В 1,07 – 1,28 раза больше
Доля экспорта в материальном производстве, %	25	94	В 3,76 раза больше
Доля иностранного капитала в инвестициях, %	25	36	В 1,44 раза больше
Объём иностранных обязательств коммерческих банков и прочих секторов, % к ВВП	25	29,5	В 1,18 раза больше
Доля просроченных и невозвращённых иностранных кредитов (% от общего объёма полученных кредитов)	25	50	В 2 раза больше
Доля иностранных инвесторов в структуре собственности свободно обращающихся акций, %	30	60	В 2 раза больше
Доля иностранных кредитов к М2, %	20	36,4	На 16,4 больше
Дефицит торгового баланса: по методологии платёжного баланса, %	15	Профицит 26,3	В пределах нормы
ВВП к мировому объёму, %	7,5	2,5	В 3 раза меньше
на душу населения, %	100	107	В пределах нормы
ВВП к объёму стран ЕС, %	25	10	В 2,5 раза меньше
на душу населения, %	75	35	В 2,14 раза меньше
Объём иностранной валюты по отношению к рублёвой массе в национальной валюте, %	10	50	В 5 раз больше
Объём иностранной валюты в наличной форме к объёму наличных рублей, %	25	100	В 4 раза больше
Доля расходов на обслуживание внешнего государственного долга (% к общему объёму расходов федерального бюджета)	20	1,9	В пределах нормы
Отношение объёма внешнеторгового оборота, % к ВВП	30	41,6	На 11,6 больше

Разумеется, многие приведённые в таблице 3 показатели носят относительный характер. В подавляющем большинстве стран их значения выходят за критические пределы. Вместе с тем они характеризуют устойчивость национальной экономики к внешним и внутренним угрозам. Для России как великой державы, игравшей на протяжении большей части своей тысячелетней истории ведущую роль в мировом развитии, такая устойчивость имеет фундаментальное значение.

Стабильно высокое значение положительного сальдо платёжного баланса и многократное превышение критического уровня по объёму валютных резервов часто

воспринимаются как признаки устойчивого и независимого внешнеэкономического положения России. Однако анализ причинно-следственных связей в механизмах взаимодействия макроэкономических и внешнеэкономических подсистем высвечивает противоположную картину. Положительное сальдо российского платёжного баланса является следствием деградации структуры экономики, приобретающей сырьевую специализацию, систематического занижения курса рубля по отношению к его равновесному значению, сдерживания конечного спроса за счёт ограничения количества денежной массы путём стерилизации части бюджетных доходов.

Иными словами, механизмы денежной и валютной политики подчинили экономику России интересам экспортёров сырья и международного спекулятивного капитала, сделали её критически зависимой от конъюнктуры мирового рынка. Эта зависимость усугубляется привязкой денежного предложения к приросту валютных резервов, вследствие чего воспроизводство российской экономики направляется внешним спросом на её товары и предложением иностранных кредитов. При этом одновременно с ростом валютных резервов и запредельным вывозом капитала увеличивается внешняя задолженность — становится закритической зависимость российской экономики от внешнего кредита. И хотя доля иностранных банков в банковских активах России пока не достигает порогового значения, вес иностранных кредитов российским корпорациям по отношению к денежной массе намного превышает критический предел, который установлен нами на уровне, обеспечивающем защиту банковской системы страны от внешних шоков (см. табл. 3).

Таким образом, при хороших значениях показателей, традиционно отражающих внешнеэкономическое положение государства (сальдо платёжного баланса, объём государственного внешнего долга к ВВП, коэффициент достаточности валютных резервов и др.), в действительности, в силу объективных результатов проводившейся макроэкономической политики, экономика страны находится в запредельно критической зависимости от мировых цен на энергоносители и сырьё и от иностранных кредиторов. К этому следует добавить «оффшоризацию» прав собственности на ключевые российские предприятия, а также значительную долю депозитарных расписок в их уставном капитале, достигающую по базовым отраслям экономики 60%, что в 5 раз превышает предельно критический уровень, установленный исходя

из объективных требований к избирательной способности национальной системы управления экономикой. Доля иностранных инвесторов в структуре собственности обращающихся на российском рынке акций устойчиво в 1,5 – 2 раза превышает предельно критическое значение, рассчитанное с учётом требований к устойчивости финансового рынка к колебаниям притока иностранного спекулятивного капитала.

Искусственное сведение всех механизмов денежной эмиссии к приобретению иностранной валюты существенно ограничило возможности развития российской банковской системы. Воспроизводство экономики не обеспечивается её финансовой подсистемой. Банки не обладают достаточными для развития экономики возможностями кредитования, что отражается в показателях отношения кредитов нефинансовому сектору к ВВП, которые в 3 – 5 раз ниже уровня развитых стран. Общий объём монетизации экономики на протяжении всех постсоветских лет остаётся существенно ниже предельно критического уровня, необходимого для обеспечения нормального кругооборота капитала, оцениваемого экспертами в 50% ВВП. При этом российская финансовая система является донором мировой экономики. Отдавая свои валютные резервы во внешнюю среду под 2 – 3% годовых, наши предприятия и банки привлекают иностранные кредиты под 7 – 8% годовых. Финансовая система теряет значительные ресурсы вследствие неэквивалентного внешнеэкономического обмена. Таков результат распада экономики на внутренний сектор, определяющий воспроизводство экономического и человеческого потенциала, и внешние сырьевой и финансовый сектора, ориентированные на вывоз капитала и фактически не участвующие в механизмах воспроизводства внутренне ориентированного сектора экономической системы, обеспечивающего её жизнедеятельность.

Неразвитость банковской системы и отсутствие механизмов её рефинансирования Центральным банком являются одними из основных причин запредельно низкой нормы накопления, которая на протяжении длительного времени значительно уступает не только уровню, необходимому для простого воспроизводства, но и в 1,5 раза – норме сбережений (рис. 4). При этом снижение инфляции до приемлемого значения в отсутствие механизмов рефинансирования банковско-кредитной системы не позволяет поднять инвестиционную активность до нормального уровня.

Внутренние механизмы воспроизводства не обеспечивают сохранение имеющегося экономического потенциала, не говоря уже о его развитии. Сложившаяся структура цен блокирует возможности простого воспроизводства отраслей обрабатывающей промышленности и строительства, значительная часть производств убыточна или низкорентабельна, и это делает невозможными капиталовложения в обновление

и модернизацию их основных фондов. К примеру, рентабельность таких ключевых, определяющих инвестиционные возможности отраслей, как машиностроение и строительство, находится ниже нормы рефинансирования Центрального банка. Это означает, что заёмный капитал для воспроизводства указанных отраслей недоступен, вследствие чего происходит их сужение и деградация.

Большинство показателей состояния российской экономики находится за пределами критических значений, отражающих её способность к воспроизводству. Уже длительное время она функционирует в режиме суженного воспроизводства, несмотря на имеющиеся возможности трансформации накапливаемых сбережений в инвестиции и конвертации гигантской природной ренты в технологическое развитие. Ещё хуже обстоят дела с показателями, отражающими способность российской экономической системы к развитию и её конкурентоспособность (табл. 4).

Рисунок 4. Валовое накопление и валовые сбережения в российской экономике в 1995 – 2010 гг., % к ВВП

1 – валовые сбережения; 2 – валовые накопления; 3 – валовое накопление основного капитала

Источник: Национальные счета России в 2003 – 2010 годах: стат. сб. – М.: Росстат, 2011

Таблица 4. Оценки, характеризующие конкурентоспособность российской экономики

Показатель	Предельно критическое значение	Фактическое состояние, 2010 г.	Фактическое значение к предельно критическому
Доля инновационно-активных предприятий, %	40	9,3	В 4,3 раза меньше
Доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте, %	50	23	В 2,17 раза меньше
Отгруженная инновационная продукция (% ко всей промышленной продукции)	15 – 20	1,7	В 8,82 – 11,76 раза меньше
Доля инноваций, % к ВВП	3,2	0,9	В 3,6 раза меньше
Доля новых видов продукции в общем объеме машиностроительной продукции, %	7	2,6	В 3,7 раза меньше
Расходы на научные исследования, % к ВВП	3	1,5	В 2 раза меньше
Удельные показатели энергопотребления (т нефти на тыс. долл. ВВП):			
общие затраты энергоресурсов	0,15	1,65	В 11 раз больше
затраты электроэнергии	0,02	0,17	В 8,5 раза больше
затраты нефти и газа	0,10	1,16	В 11,6 раза больше
Потери полезных ископаемых в процессе добычи (% к общему объёму)	3 – 8	10 – 65	В 3,3 – 8,1 раза больше
Среднегодовой темп прироста производительности труда, %	6	1	В 6 раз ниже
Удельный вес российских высоких наукоёмких технологий в мире, %	12	0,3	В 40 раз меньше
Доля интеллектуальной собственности в стоимости бизнеса, %	25	10	В 2,5 раза меньше
Доля государственных расходов на экологию, % к ВВП	5	0,8	В 6,3 раза меньше

По доле инновационно-активных предприятий, доле новой продукции в общем объеме машиностроительной продукции и отношению расходов на НИОКР к ВВП российская экономика в 3 раза уступает уровню развитых стран, который в данном случае следует принять в качестве предельно критического. По показателям эффективности экономики этот разрыв составляет многократную величину.

За последние два десятилетия произошло многократное снижение научно-технического потенциала России, резко сократилась его доля в мировой системе. После 20-кратного падения в начале 1990-х годов объем расходов на НИОКР несколько вырос и стабилизировался на низком уровне – немногим более 1% ВВП, что не обеспечивает не только воспроизводства, но и сохранения имеющегося научно-технического потенциала. При современных темпах наращивания новых знаний, общий объем которых

удваивается каждую четверть века, прекращение научных исследований на один год приводит к обесцениванию имеющихся знаний на 25%. Стремительное отставание от мирового уровня институтов, формирующих интеллектуальный потенциал (табл. 5), затрудняет преодоление тенденций деградации и создание необходимых условий для устойчивого развития экономики. Доля России в мировой наукоёмкой экономике снизилась до маргинального уровня.

При нынешнем состоянии отсутствуют предпосылки к восстановлению способности экономики к нормальному воспроизводству: норма накопления находится на предельно низком уровне, который мы оцениваем в 25%, а показатели прироста производительности труда в 6 раз отстают от предельно критического значения, установленного с учётом необходимости преодолеть отставание российской экономики в обозримой перспективе.

Таблица 5. Место России среди 58 стран в рейтинге институтов, формирующих трудовой потенциал (по данным The Global Competitiveness Report за 2007 – 2008 гг.)

Направление сравнения	Россия	Китай	Индия	США	Германия	Япония
Соответствие системы образования потребностям конкурентоспособной экономики	43	32	26	16	20	23
Качество математического и естественного образования	27	37	10	30	26	20
Качество высшего образования и обучения	35	49	39	5	20	22
Качество начального образования	30	32	46	23	22	21
Расходы на образование	44	55	39	24	32	47
Доступность Интернета в школах	38	32	39	11	20	22
Качество школ бизнеса	49	54	8	6	24	47
Распространение обучения персонала компаний	54	41	29	11	9	4
Наличие местных исследовательских и учебных центров	49	34	28	2	3	6

Выход на траекторию устойчивого развития требует, по нашим оценкам, повышения нормы накопления, как минимум, до 35%. Это возможно, поскольку объём сбережений в экономике в 1,5 раза превышает объём инвестиций и имеются другие резервы, которые не используются вследствие многих причин, в том числе огромного вывоза капитала.

Оценивая приведённые выше результаты измерений, необходимо отметить, что, несмотря на свою ограниченность, они тем не менее объективно отражают социально-экономическое состояние России. Страна длительное время находится далеко за пределами критических значений по большинству показателей, характеризующих способность экономики и общества как к воспроизводству, так и к развитию. Это свидетельствует о наличии вполне определённых угроз национальной безопасности, для нейтрализации которых и восстановления способности страны к устойчивому росту остаётся всё меньше времени. Вместе с тем выведение измеряемых показателей из зоны за пределами критических значений не является самоцелью. Общество и экономика пребывают в постоянных изменениях, а их динамика носит нелинейный и неравновесный характер. Быстро трансформируются технологическая структура экономики и интеллектуальная структура общества.

Пытаться обеспечивать устойчивость путём поддержания простого и даже расширенного воспроизводства имеющихся социальных и экономических подсистем в условиях резких структурных изменений мировой экономики — явно недостаточно для успешного и даже просто устойчивого развития.

При обосновании выводов из проведённого анализа и задач обеспечения устойчивого социально-экономического развития необходимо учитывать закономерности современного экономического роста. Сегодня можно считать доказанным, что мировое экономическое развитие происходит неравномерно, образуя последовательность длинных волн, связанных со сменой технологических укладов [12]. Эта смена сопровождается кардинальными сдвигами в технологической структуре экономики.

В ходе нынешнего глобального кризиса происходит переход к новому (шестому) технологическому укладу. В связи с этим в политике модернизации и развития России следует ставить задачу скорейшего становления нового технологического уклада. Согласно имеющимся оценкам, к настоящему времени период «эмбрионального развития» этого уклада пройден [13]. Через несколько лет он выйдет на экспоненциальный рост, в результате чего начнётся следующая длинная волна экономического развития.

Ядро нового технологического уклада составляет комплекс нано-, био-, информационно-коммуникационных и социальных технологий. Хотя сегодня мир пребывает в депрессивном состоянии и сохраняется кризисная турбулентность, комплекс отраслей, определяющих новый технологический уклад, характеризуется устойчивыми темпами роста, составляющими 35% в год.

Принимая это в расчёт и опираясь на имеющиеся у нас возможности и научно-технический потенциал, следует стремиться к тому, чтобы сконцентрировать ресурсы именно в этих областях. Нужно не просто заниматься обновлением основных фондов, но делать упор прежде всего на модернизацию технологической структуры, вкладывать средства в развитие принципиально новых направлений, которые сегодня становятся локомотивами экономического роста и формирования шестого технологического уклада. После того как мир выйдет из экономической депрессии и начнётся длинная волна развития, страны, сумевшие своевременно занять лидирующие позиции в ключевых для нового технологического уклада отраслях экономики, получат колоссальное преимущество и обеспечат долгосрочные источники сверхприбыли (интеллектуальной ренты) путём наращивания научно-технического превосходства.

Выявленные закономерности долгосрочного экономического развития позволяют обосновать стратегию опережающего развития российской экономики на волне роста нового технологического уклада [14]. Для России, промышленность и наука которой обладают немалыми ресурсами в ряде ведущих для становления шестого технологического уклада областей, открывается возможность раньше других освоить перспективные направления глобального экономического роста.

Состояние системы управления. Хотя показатели социально-экономического положения России существенно улучшились по сравнению с серединой 1990-х годов, когда впервые формировался их перегиб, наблюдаемые значения большинства из них превышают предельно критический уровень. Страна вышла из опасной зоны по показателям состояния государственной финансовой системы, но остаётся за критической чертой по показателям состояния производственно-технологической сферы, человеческого и научно-технического потенциала. Запредельно низкими остаются параметры инвестиционной и инновационной активности, а также другие показатели, отражающие эффективность экономики и её способность к развитию.

Восстановление способности российской экономики к расширенному воспроизводству и модернизации требует учёта закономерностей долгосрочного экономического развития и разработки правильной стратегии наравне с механизмами её эффективной реализации.

Для этого необходимо качественное улучшение системы управления, преодоление запредельной коррупции, теневой активности и потерь. Последние, измеренные в целом по российской экономике, составляют около половины ВВП, многократно превышая предельно критическое значение, соответствующее современным представлениям об эффективном управлении экономикой. По оценкам В.М. Симчеры [15], уровень полных народно-хозяйственных издержек в Российской Федерации по счёту межотраслевого баланса кратно превышает объём ВВП, что свидетельствует об отрицательном вкладе системы управления в экономический рост (табл. 6).

В результате неудовлетворительного состояния системы управления коэффициенты полезного использования ресурс-

Таблица 6. Оценки качества управления российской экономикой

Показатель	Предельно критическое значение	Фактическое состояние, 2010 г.	Фактическое значение к предельно критическому
Уровень народно-хозяйственных потерь, % к ВВП	7	50	В 7,1 раза выше
Уровень народно-хозяйственных потерь, млрд. долл.:			
по обменному курсу рубля	105	750	В 7,1 раза выше
по паритету покупательной способности	175	1250	В 7,1 раза выше
Уровень народно-хозяйственных издержек, % к ВВП	0,8	1,2	В 1,5 раза выше
Коэффициент полезного использования общего ресурсного потенциала России (% ВВП к национальному богатству, то есть совокупному стоимостному объёму природных, трудовых, золотовалютных и интеллектуальных ресурсов)	75	18	В 4,2 раза меньше
Коэффициент полезного использования фактически освоенного потенциала	18	9	В 2 раза меньше
Доля ренты и прибыли в цене сырьевых ресурсов, %	25	65	В 2,6 раза больше
Коэффициент использования земель сельскохозяйственного назначения, %	100	50	В 2 раза меньше
Доля «серой» экономики, % к ВВП	25	45	В 1,8 раза больше
Доля «серой» зарплаты, % к официальной	25	39,6	В 1,58 раза больше
Дифференциация субъектов федерации:			
по ВРП на душу населения, раз	5	21,1	В 4,22 раза больше
по денежным доходам, раз	5	6,5	В 1,3 раза больше
Индекс доверия к официальной информации	100	18	В 5,56 раза меньше
Недоверие граждан к органам власти, протестные акции, уровень коррупции, рейтинг условий ведения бизнеса, вывоз капитала и прибыли	35	85	В 2,43 раза больше
Удельный вес коррупции и теневой экономики, % к ВВП	5	40	В 8 раз больше
Дефицит федерального бюджета, % к ВВП	3	4,2	В 1,4 раза больше
Коэффициент общих экономических потерь России, % к ВВП	7	50	В 7,1 раза больше
Объём совокупного внутреннего долга (% к ВВП на конец года)	60	6,5	В пределах нормы
Доля граждан, выступающих за кардинальное изменение политической системы, %	40	31	В пределах нормы
Уровень удовлетворённости деятельностью исполнительных органов власти субъектов РФ	40	30	В 1,3 раза ниже
Уровень доверия населения к центральным органам власти	50	39	В 1,28 раза ниже
Уровень доверия населения к армии	40	46	В пределах нормы

ного потенциала России более чем вдвое ниже предельно критического значения, включая коэффициент использования сельскохозяйственных земель [16]. Громадные объёмы вывоза капитала, достигшие за два десятилетия астрономической величины в 1 трлн. долл., не менее разорительная для экономики и общества «утечка умов», утрата большой части научно-производственного и человеческого потенциала —

следствие неудовлетворительной работы механизмов рыночной самоорганизации и институтов государственного регулирования.

Фактическая самоизоляция властвующей элиты от общества и лишение подавляющего большинства граждан реальных прав на участие в процессах управления блокируют обратные связи между обществом и государством.

Последнее подчиняется олигархическим интересам и становится инструментом получения административной ренты коррумпированной бюрократией, защищенной от ответственности перед обществом благодаря действующей политической системе. Следствием этого становится запредельно высокий уровень административно-коррупционной ренты в цене издержкообразующих ресурсов при крайне низких оплате труда и инновационной активности.

Запредельно высокий уровень коррупции отражает неспособность органов государственной власти к решению сложных задач социально-экономического развития, связанных с необходимостью реализации крупномасштабных проектов и концентрацией ресурсов на прорывных направлениях НТП. Едва ли возможно в этих условиях ожидать повышения деловой и инновационной активности, о чём свидетельствует состояние условий ведения бизнеса. Предпринимательские круги отвечают государству уклонением от налогов, бегством капитала, переводом прав собственности в оффшоры: показатели доли «серой» экономики в ВВП, доли вывоза капитала к объёму генерируемой экономикой прибыли, доли активов в базовых отраслях экономики, переведённых в оффшоры, намного превышают предельно критические значения. Аналогичным образом граждане отвечают на отстранение их от участия в управлении недоверием к органам государственной власти (см. табл. 6). Иными словами, государственные институты делают вид, что управляют, а граждане — что подчиняются.

Вместе с тем традиционно используемые показатели состояния государственного управления выглядят вполне благополучно. Российское государство имеет сбалансированный бюджет, умеренную задолженность, обменный курс рубля

демонстрирует устойчивость, неплохо растут номинальные объёмы ВВП и доходы граждан, которые редко прибегают к каким-либо протестным акциям. Митинги недовольных результатами парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг. были восприняты руководством страны с удивлением. Однако даже беглый анализ относительно небольшого числа показателей состояния экономики и общества свидетельствует, что основные механизмы их воспроизводства работают в условиях крайнего напряжения.

Приведённый выше анализ свидетельствует в пользу необходимости официального установления и систематического измерения совокупности предельно критических показателей общественного развития, что позволит получать достоверную информацию о результатах принимаемых решений и использовать её в последующей деятельности. Экспертную апробацию метода предельно критических показателей следует расширить за счёт имитационного конструирования и моделирования общественных процессов на основе анализа статистики, эмпирических данных, вероятностного анализа, построения графов угроз. Разработка метода предельно критических показателей развития общества может стать важным шагом на пути включения общественных наук в систему управления современным российским обществом. Сама эта система нуждается в кардинальной модернизации, приведении в соответствие с объективной сложностью задач социально-экономического развития России.

Для реализации возможностей опережающего развития и вывода показателей экономического состояния из запредельно критической зоны необходим переход к целенаправленной политике развития, подкреплённой адекватной денежно-кредитной, промышленной, научно-технической и структурной политикой.

Перечень мер по обеспечению опережающего развития российской экономики был разработан учёными Секции экономики Отделения общественных наук РАН, представлен Правительству РФ и опубликован в журнале «Экономическая наука современной России» [17]. Он должен быть дополнен мерами по расширению возможностей участия граждан в управлении обществом, а также созданию реальных механизмов

ответственности лиц, принимающих решения, за объективные результаты проводимой социально-экономической политики. В кардинальных изменениях нуждается и государственная политика в сфере образования и культуры, которая должна ориентироваться на консолидацию российского общества, гармонизацию доминирующих в нём нравственных ценностей и ориентиров созидательной деятельности.

Литература

1. *Осипов Г.В., Локосов В.В.* Пределы падения // Осипов Г.В. Социология и политика. М.: ИСПИ РАН, 1995.
2. Глазьев С.Ю. За критической чертой. (О концепции макроэкономической политики в свете обеспечения экономической безопасности страны). М.: Российский экономический журнал, 1996.
3. Экономическая безопасность России. Учебник. Общий курс / Под ред. Сенчагова В.К. 2-е изд. М.: Дело, 2005.
4. *Рябова Т.Ф., Колпакова Т.В.* Критерии и индикаторы обеспечения экономической безопасности // Экономика, статистика и информатика. 2007. № 2.
5. *Комаров И.* «Дед» и в Австралии «дед» // Аргументы и факты. 2001. № 21 (1074).
6. Римащевская Н.М. Радикальное изменение негативного тренда здоровья в России // Народонаселение. 2010. № 1 (47).
7. *Локосов В.В.* Стабильность общества и система предельно критических показателей его развития // Социологические исследования. 1998. № 4.
8. *Локосов В.В.* Построение системы предельно критических показателей развития общества как метод социальной диагностики // Современные методы социально-политического исследования общества. Материалы международной научной конференции. Москва, 27 мая 2010 г. М.: ИСПИ РАН, 2011.
9. *Руткевич А.М.* К.Г. Юнг о современности // Философские науки. 1989. № 8.
10. *Доган М.* Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. 1994. № 6.
11. Модернизация и экономическая безопасность России / Под ред. акад. Петракова Н.Я. Т. 1. М.: ИД «Финансы и кредит», 2009.
12. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993.
13. *Глазьев С.Ю., Дементьев В.Е., Ёлкин С.В. и др.* Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада / Под ред. Глазьева С.Ю. и Харитоновой В.В. М.: Тробант, 2009.
14. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
15. *Симчера В.М.* Успехи, которых нет // Завтра. 2011. № 21(914).
16. *Симчера В.М.* Обнародована шокирующая правда об истинном положении дел в России // KM.RU. 2011. <http://www.km.ru/v-rossii/2011/11/14/ekonomicheskaya-situatsiya-v-rossii/obnarodovana-shokiruyushchaya-pravda-ob-isti>
17. *Глазьев С.Ю., Ивантер В.В., Макаров В.Л. и др.* О стратегии развития экономики России // Экономическая наука современной России. 2011. № 3 (54).

К вопросу о социально-экономической модернизации российских регионов

По мнению автора, осуществление модернизации без досконального учета социально-территориальных особенностей страны может привести к неравномерному распределению «модернизационных эффектов», что обусловит еще большие по сравнению с уже существующими диспропорции в развитии территорий. Долгосрочные стратегии и планы развития, направленные на модернизацию социально-экономической системы, должны строиться на основе учета имеющегося потенциала регионов. Вводится понятие «социально-экономический потенциал модернизации», включающее не только совокупность ресурсов, но и качественные характеристики самих региональных систем. Социально-экономическая модернизация представляет собой комплекс взаимосвязанных направлений, охватывающих промышленную политику, развитие научно-технического и инновационного потенциала, совершенствование социальной инфраструктуры.

Модернизация, социально-экономический потенциал, пространство, регионы, региональная политика, стратегическое планирование, государственно-частное партнерство, промышленная политика, региональные инновационные системы, человеческое развитие.

**Константин Анатольевич
ГУЛИН**

кандидат исторических наук, заместитель директора ИСЭРТ РАН
gil@vscc.ac.ru

В настоящее время категория «модернизация» широко используется в политических выступлениях, периодической печати, научных исследованиях и по-разному трактуется: как обновление, реформирование, развитие, позитивные изменения и т.д.

Согласно классическому определению, под модернизацией (от греч. «*moderne*» — новейший) понимается усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества.

Отечественными специалистами разработан ряд концепций модернизации экономики страны: концепция долгосрочного развития Российской Федерации на период до 2020 года; стратегия «Инновационная Россия — 2020» [10]; «Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика» (группа В.А. Мау — Я.И. Кузьмина) [20]; стратегия опережающего развития С.Ю. Глазьева [5; 6]; стратегия интерактивной модернизации В.М. Полтеровича [17; 18; 19]; стратегия сбалансирования экономики и стимулирования внутреннего спроса

Р.И. Нигматулина [14; 15]; стратегия инновационно-технологического прорыва А.А. Акаева [1; 2; 3; 4] и др.

Участники дискуссии по проблеме модернизации, развернувшейся в российском научном и экспертном сообществе, в целом сходятся во мнении о том, что основными целями социально-экономического развития России выступают становление подлинно демократического социально ориентированного государства с сильной инновационной экономикой, способной обеспечить высокий уровень и качество жизни населения, а также поддерживать конкурентоспособность страны в глобальной экономике.

Большинство экспертов и разработчиков стратегий модернизации российской экономики полагают, что эффективная стратегия достижения указанных целей должна предусматривать: создание инновационной экономики; обеспечение высокого уровня человеческого капитала; проведение эффективной социальной и промышленной политики; повышение качества институтов, улучшение делового и инвестиционного климата; наличие сильного и эффективного государства; расширение частной инициативы и свободной конкуренции; налаживание взаимодействия государства, бизнеса и общества в решении модернизационных задач.

Наиболее дискуссионными, вызывающими полярные точки зрения, выступают следующие вопросы: что имеет первоочередную значимость: ускорение темпов экономического роста или сдерживание инфляции; с какой модернизации начинать: институциональной (улучшение институтов) или технологической (стимулирование экономического роста); на какой спрос ориентироваться: внутренний или внешний?

Принципиально важен также выбор пути из двух альтернатив модернизации: или сверху, или снизу. В случае выбора первого пути роль государства сводится к жесткому регулированию, к перераспределению валового внутреннего продукта в свою пользу, к концентрации ресурсов, необходимых для массивных инвестиций в реконструкцию хозяйства, к выбору отраслевых приоритетов и усилению администрирования. Второй путь предполагает доминирующую роль низовых звеньев экономики — предприятий и их корпоративных объединений, рыночных сил, частной инициативы, государству здесь отводится задача создания условий инициативного хозяйствования.

Общей особенностью рассматриваемых подходов является недостаточный учет пространственного фактора, формируемого широкой совокупностью территориальных особенностей страны. Между тем, долгосрочные стратегии и планы развития, направленные на модернизацию социально-экономической системы, должны строиться на основе учета имеющегося потенциала регионов.

Модернизация национальных экономик может осуществляться как при использовании собственных ресурсов государства и частного бизнеса (креативный тип), так и путем привлечения внешних инвестиций, новых знаний, разработок и технологий (адаптивный тип). Представляется, что в российских регионах необходима модернизация смешанного типа с органичным использованием и передовых зарубежных достижений, и возможностей собственного научно-инновационного потенциала.

Выбор конкретного типа модернизации для той или иной территории необходимо предварять детальным анализом социально-экономического потенциала региона. Он должен охватывать такие аспекты,

как состояние производственной базы, уровень развития технологий, уровень профессиональной компетенции различных категорий трудовых ресурсов, имеющийся научно-технический потенциал, финансовые возможности территорий и т.д.

В связи с этим представляется целесообразным оперировать понятием «*социально-экономический потенциал модернизации*», включающим ту совокупность структурных элементов социально-экономического потенциала, которая может быть использована для решения модернизационных задач.

Понятие «*социально-экономический потенциал модернизации*» включает в себя не только совокупность ресурсов, но и качественные характеристики самих региональных систем. Эти характеристики позволяют судить о том, насколько существующая система производственных отношений, приоритеты развития, социальная политика в регионах направлены на решение задач модернизации. Структура социально-экономического потенциала модернизации представлена на *рисунке 1*.

В основе концепции управления социально-экономическим потенциалом модернизации, на наш взгляд, должны лежать следующие принципы: потенциал является динамической характеристикой и обнаруживается только в процессе его

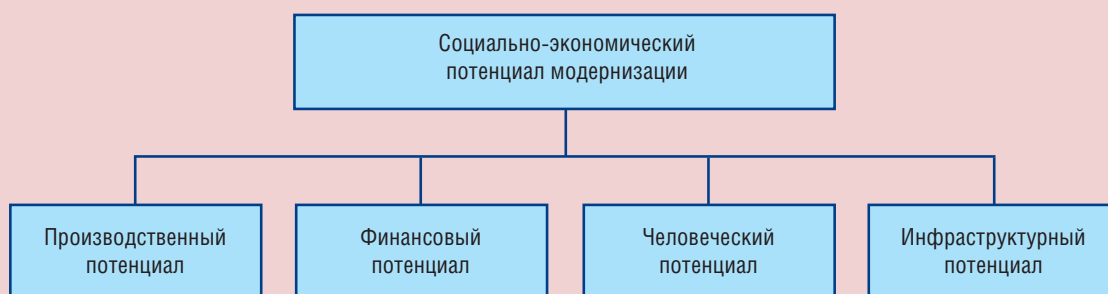
использования; использование потенциала социально-экономической системы должно сопровождаться постоянным его приростом; процессы использования и наращивания потенциала являются непрерывными и дополняют друг друга.

Определяющей особенностью модернизационного потенциала регионов выступает приоритетный характер не только достигнутого уровня важнейших объемных параметров, но и динамики экономического и социального развития соответствующей территории.

Это принципиальным образом отличает потенциальную способность того или иного региона к модернизации от общего уровня его экономического развития, характеризуемого исключительно статическими (уровневыми) индикаторами, такими как, например, валовой региональный продукт.

Анализ, проведенный коллективом авторов ИСЭРТ РАН в рамках проекта «Социально-гуманитарный потенциал модернизации России» (рук. — академик Н.Я. Петраков), выявил низкую готовность большинства регионов России к осуществлению модернизационных преобразований [9]. Основными препятствиями для их осуществления являются: недостаточно высокий уровень ВВП на душу населения в большинстве регионов РФ;

Рисунок 1. Структура социально-экономического потенциала модернизации регионов

значительный износ основных фондов в целом по России, а также значительная дифференциация регионов России по фондовооруженности; низкий уровень инвестиций в основной капитал; недостаточное финансовое обеспечение науки и научных разработок, низкая степень инновационной активности, что является причиной низкой наукоемкости производства; неравномерность расселения трудовых ресурсов, создающая трудоизбыточные и трудодефицитные регионы; низкий уровень ожидаемой продолжительности жизни, старение населения; высокий уровень социально-экономической дифференциации населения.

В контексте задач социально-экономической модернизации страны целесообразно устранение недостатков существующей государственной региональной политики, совершенствование методического инструментария управления социально-экономическим развитием регионов.

Общая экономическая динамика и динамика развития отраслей на федеральном уровне являются наиболее значимыми для формирования показателей развития производственной и социальной сфер регионов. С другой стороны, достижение общероссийских макроэкономических индикаторов на стратегическую перспективу будет складываться в результате функционирования региональных социально-экономических систем страны.

Однако, в силу различий уровня обеспеченности ресурсами и степени их использования, вклад того или иного региона в общероссийскую экономику будет иметь свои количественные параметры и качественные характеристики.

Исследование существующей практики управления показало ряд недостатков государственной региональной политики в современной России.

Наиболее заметные из них:

✓ отсутствуют единая научно обоснованная система планирования социально-экономического развития страны, субъектов РФ, а также четкие механизмы согласования и синхронизации стратегий развития регионов, муниципальных образований и отраслей;

✓ централизация власти и концентрация значительных финансовых ресурсов на федеральном уровне не стимулирует региональные органы власти к повышению эффективности управления;

✓ набор инструментов управления региональным развитием ограничен и сводится в основном к бюджетным трансфертам и федеральным целевым программам, крайне медленно внедряются современные инструменты и технологии управления;

✓ политика выравнивания уровня социально-экономического развития не дает ощутимых результатов, сохраняющаяся неоднородность регионов продолжает оказывать значительное негативное влияние на структуру и эффективность экономики [22, с. 22].

Для комплексной социально-экономической модернизации регионов необходимо совершенствование государственной региональной политики, усиление государственного регулирования, внедрение современных эффективных форм и методов воздействия на социально-экономические процессы, а также качественное изменение системы управления.

Основным условием повышения эффективности управления социально-экономическим развитием регионов в направлении их модернизации является формирование системы стратегического планирования, включающей макро-, мезо- и микроуровни. Необходимо создание пространственно-отраслевой системы стратегического программного управления социально-экономическим развитием (рис. 2).

Рисунок 2. Пространственно-отраслевая система стратегического управления региональным социально-экономическим развитием

Обеспечение необходимого потенциала для осуществления комплексной модернизации социально-экономических систем отдельных регионов может оказаться труднореализуемой задачей (исключение могут составлять лишь отдельные, наиболее развитые субъекты РФ). Поэтому большое значение имеет межрегиональное взаимодействие, основанное на кооперации и специализации различных регионов. В связи с этим представляется оправданным повышение в системе регионального управления роли макрорегионов, в роли которых выступают федеральные округа РФ.

В рамках макрорегионов более эффективно обеспечивается решение многих экономических задач, наиболее важными с точки зрения стратегии модернизации являются: реализация крупных целевых проектов и программ; мобилизация и рациональное использование финансовых, материальных, трудовых и других

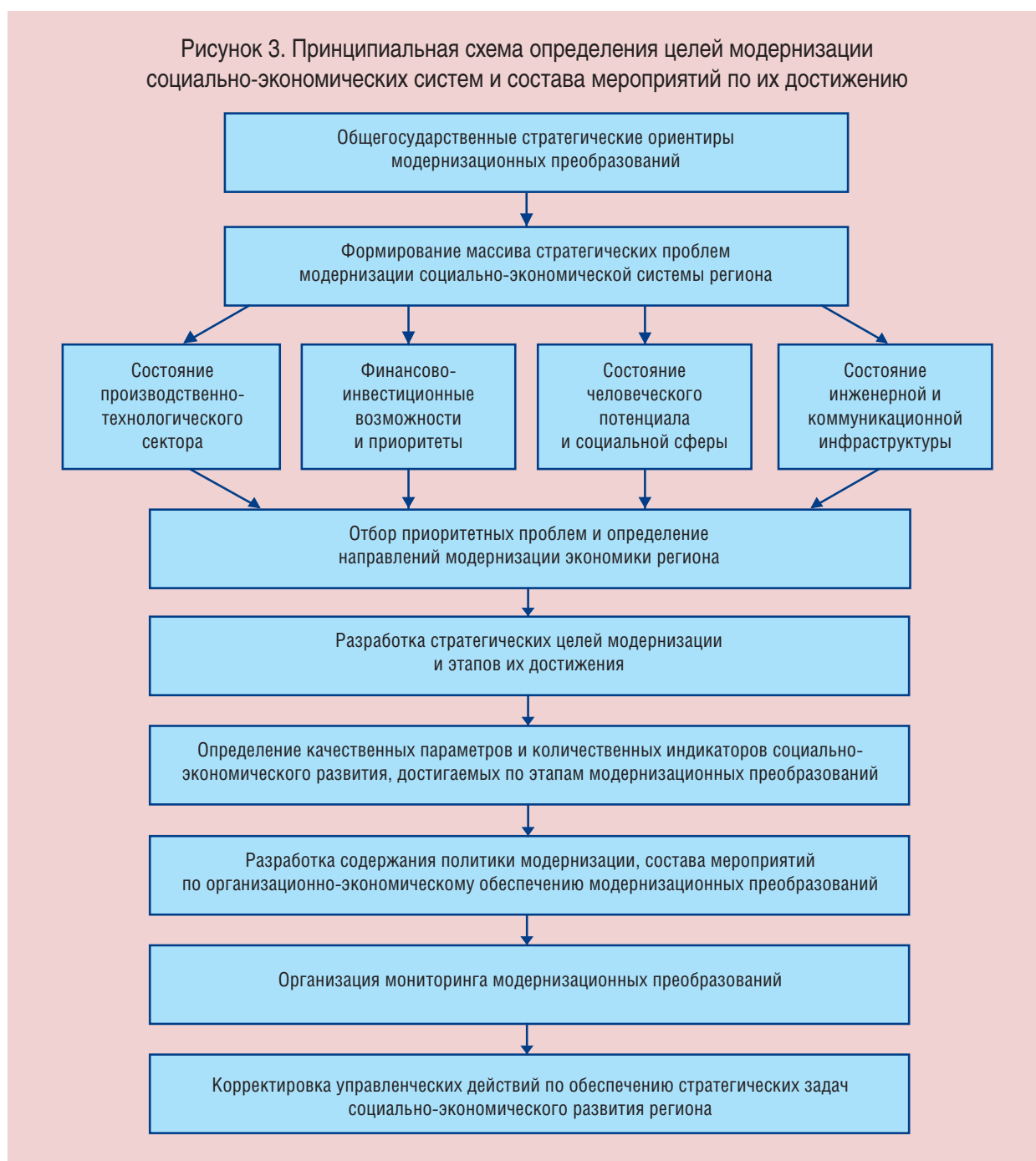
ресурсов; развитие межрегиональной интеграции производства, формирование повышающих рыночную маневренность и устойчивость систем корпоративных производственно-коммерческих объединений (корпораций, концернов, ассоциаций и т.д.), научно-производственных комплексов, тесно связанных с малым бизнесом, крупных и диверсифицированных территориально-хозяйственных комплексов и региональных (зональных) рынков со значительными товарными ресурсами и рыночной инфраструктурой; налаживание устойчивых межрайонных рыночных связей; эффективное регулирование научно-технического прогресса, использования и охраны природных ресурсов, установление ведущих направлений интенсификации производства и ресурсосбережения; определение региональных и отраслевых приоритетов структурной перестройки, инвестиционной активности, организация системы государствен-

ной поддержки слаборазвитых регионов, saniруемых предприятий и объединений; налаживание рациональных и устойчивых народнохозяйственных пропорций и связей, способствующих стабильности единого национального экономического пространства.

Принципиальная схема проведения этих работ представлена на *рис. 3*.

Особенностью предлагаемой схемы является ее нацеленность на общероссийские задачи и параметры модернизационных преобразований.

В последние годы в субъектах Федерации были выполнены концептуальные стратегические (а во многих территориях и программные) разработки по социально-экономическому развитию регионов на

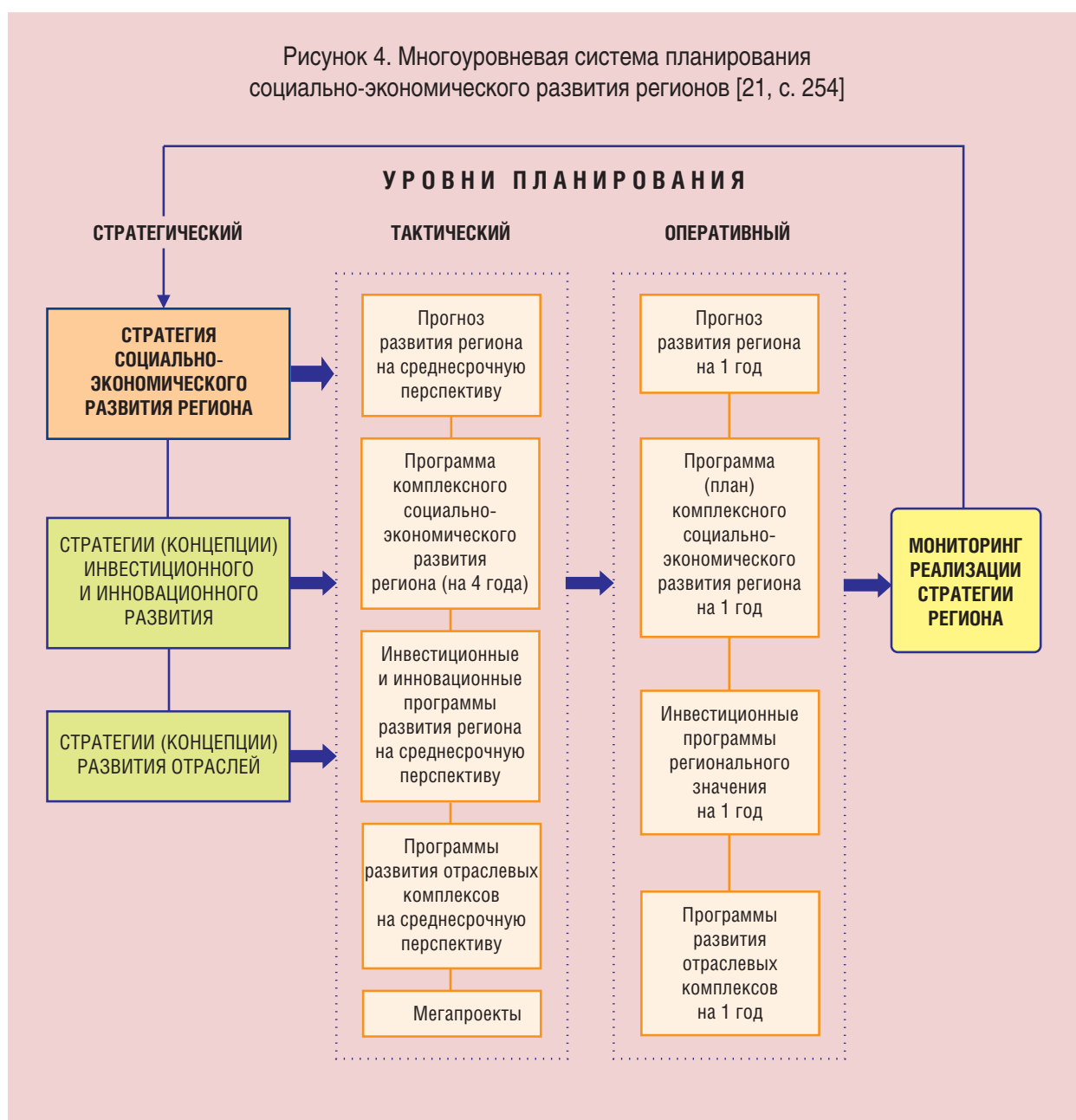

период до 2020 г. Актуальной является их корректировка, направленная на увязку современного состояния экономики регионов с долгосрочной стратегией развития страны, предусматривающей реализацию модернизационного сценария социально-экономического развития.

Необходимо создание в регионах многоуровневой системы планирования как эффективного способа реализации стратегических целей и приоритетов развития.

Эта система включает в себя стратегический, тактический и оперативный уровни планирования и опирается на регулярный мониторинг (рис. 4). При этом представляется целесообразным объединить процесс разработки среднесрочных и краткосрочных планов (программ), то есть создать систему непрерывного планирования, органично сочетающую элементы тактического (среднесрочного) и оперативного планирования.

Рисунок 4. Многоуровневая система планирования социально-экономического развития регионов [21, с. 254]

Сущность непрерывного планирования состоит в разработке единого документа — комплексного плана (программы) развития региона на 5 лет. При этом первый год рассматривается в плане (программе) детально, с месячной (квартальной) разбивкой мероприятий и планируемых показателей, второй год — более укрупненно (с полугодовой разбивкой мероприятий и показателей), третий и последующий годы — без поквартальной разбивки, в годовых параметрах. При подготовке плана (программы) на очередной год уточняются и дополняются мероприятия на последующие годы. Тем самым обеспечивается непрерывность и преемственность планирования и управления реализацией стратегии.

Значительным потенциалом для реализации задач модернизации региональных социально-экономических систем обладает институт государственно-частного партнерства.

Одним из условий формирования эффективной экономической политики, повышения инвестиционной и инновационной активности, роста конкурентоспособности страны, а также развития производственной и социальной инфраструктуры выступает развитие эффективных институтов взаимодействия государства и бизнеса.

Такое взаимодействие позволит увеличить темпы роста ВВП, повысить эффективность бюджетного сектора с точки зрения соответствия потребностям развития экономики, снизить издержки всех уровней при реализации инфраструктурных проектов. Наряду с этим, сотрудничество обеспечивает повышение качества и рост доступности социально-экономической инфраструктуры и факторов производства, капитала, рабочей силы, технологий, а также развитие межфирмен-

ных кооперационных связей, содействует экспорту и привлечению иностранных инвестиций.

Наиболее эффективной для решения задач социально-экономической модернизации является такая форма взаимодействия, как государственно-частное партнерство (ГЧП). При имеющемся разнообразии определений под ГЧП чаще всего понимается взаимовыгодное среднесрочное и долгосрочное сотрудничество между государством и бизнесом, реализуемое в различных формах (начиная с контрактов на выполнение работ, акционирования и заканчивая консультациями государства и бизнес-ассоциаций) и ставящее своей целью решение политических и общественно значимых задач на национальном, региональном и местном уровнях.

Реализация проектов, основанных на взаимодействии органов власти и бизнеса, — это важный шаг на пути устранения инфраструктурных ограничений роста, создания новых либо модернизации (технического, технологического обновления) существующих производств, формирования новых точек роста, способствующих повышению уровня социально-экономического развития регионов, расширению спектра и повышению качества услуг.

Процесс создания и использования механизмов ГЧП в России находится только в начальной стадии. Расширить партнерство бизнеса и власти возможно путем создания комфортных условий для развития предпринимательской среды. Наряду с реализуемыми мерами, стимулирующими бизнес к эффективному инвестированию, очень важны и практические шаги по развитию институтов государственно-частных консультаций, формированию планов партнерства, расширению активности общероссийских, отраслевых и региональных объединений предпринимателей. Исходя

из этого, партнерские отношения между государством и бизнесом следует развивать на территориальном (региональном, муниципальном) и отраслевом уровнях.

Важным условием развития ГЧП выступает решение ряда таких организационных вопросов, как [16]:

- расширение доступа предприятий к финансовым ресурсам (запуск механизма инвестирования средств инвестиционного фонда; увеличение капитала банков развития; предоставление государственной поддержки формированию венчурных фондов; повышение эффективности механизмов поддержки лизинга);

- разработка долгосрочных и среднесрочных программ функционирования институтов развития экономики (инвестиционные, венчурные и гарантийные фонды, крупные инвестиционные банки и госкорпорации, институты поддержки малого и среднего предпринимательства и т.п.), совершенствование их деятельности;

- развитие информационно-методического инструментария взаимодействия бизнес-структур и органов власти: формирование нормативно-правовой базы, способствующей эффективному развитию взаимоотношений бизнеса и власти; консультирование органов управления по вопросам организации проектов партнерства бизнеса и власти, разработка соответствующей методологии; информационное обеспечение рынка проектов ГЧП, в том числе ведение базы данных проектов ГЧП; мониторинг и распространение лучших практик деятельности объединений работодателей и органов исполнительной власти в сфере социально-экономической модернизации, конкурсное софинансирование реализуемых ими проектов; участие в формировании и отборе программ повышения квалификации кадров государственного и муниципального управления по вопросам организации и управления проектами ГЧП.

Развитию сотрудничества бизнеса и власти по вопросам модернизации экономики на отраслевом и региональном уровне будет способствовать решение следующих задач: преодоление инфраструктурных ограничений экономического роста; развитие высокотехнологичных производств обрабатывающей промышленности и агропромышленного комплекса; поддержка экспорта высокотехнологичной продукции промышленного назначения; раскрытие инновационного и производственного потенциала малого и среднего предпринимательства.

Решение данных задач возможно посредством формирования и дальнейшего развития особых экономических зон, промышленных парков, механизмов субконтрактации, создания производственных кластеров и т.д.

Государственно-частное партнерство выступает эффективным механизмом привлечения частных инвестиций к решению задач экономической модернизации. Учитывая потенциал этого института, можно констатировать, что дальнейшее развитие взаимовыгодного сотрудничества может стать базой для повышения эффективности использования ресурсов и решения задач поступательного социально-экономического развития территорий.

Определяющее значение в осуществлении социально-экономической модернизации регионов имеет неоиндустриализация, наиболее оптимальной организационно-экономической формой реализации которой является целенаправленная промышленная политика.

Анализ зарубежного опыта реализации промышленной политики показывает, что локомотивом индустриального развития в разное время становились различные инструменты государственного стимулирования.

Выбор конкретной группы механизмов осуществления государственных задач в направлении повышения конкурентоспособности страны зависит от ее стартового социально-экономического положения. Тем временем, в основе концепции государственной промышленной политики ряда стран лежит принцип создания благоприятных условий для развития приоритетных отраслей.

Основными инструментами реализации региональной промышленной политики являются: создание условий для улучшения инвестиционного климата; установление благоприятного налогового режима; предоставление льгот предприятиям по кредитным ставкам и упрощение системы кредитования в целом; увеличение инвестиций в НИОКР; развитие государственной политики, нацеленной на инновации и научно-технический прогресс.

Изучение мировой и отечественной практики позволяет сформировать большой набор методов, которые можно представить несколькими функциональными группами: структурные, инвестиционные, финансово-кредитные, внешнеэкономические, научно-технические, бюджетно-налоговые, ценовые.

Наиболее эффективными представляются следующие методы регулирования промышленности регионов: применение мер прямого и косвенного регулирования (уровня налогового обременения, иностранных инвестиций, процедур реструктуризации, приватизации государственных предприятий, цен на ресурсы и промышленные товары); применение мер по привлечению инвестиций в промышленность региона; изучение опыта внедрения инноваций в промышленность в других развитых странах; коммерциализация технологий, инноваций, разработок; финансирование фундаментальных исследований и

НИОКР, а также развитие инфраструктуры за счет средств регионального бюджета; формирование и поддержание спроса на промышленную продукцию путем заключения государственных заказов и закупок.

Развитие наукоемких производств на промышленных предприятиях регионов охватывает такие аспекты действия, как: реализация мер по стимулированию инновационной деятельности в промышленности; активизация формирования промышленных кластеров; развитие региональной нормативно-правовой базы инвестиционной деятельности; мониторинг инвестиционной деятельности; участие регионов в федеральных целевых программах; поддержка и развитие имиджа инвестиционно привлекательного региона; повышение кадрового потенциала отрасли; поддержка создания и развития корпоративных университетов; создание центров коллективного пользования (ЦКП); развитие процессов коммерциализации технологий; укрепление финансового положения предприятий; совершенствование инструментов бюджетной, налоговой, кредитной, инвестиционной политики; развитие предпринимательской активности населения; формирование положительного имиджа предпринимателя; развитие системы информационно-консультационных услуг, оказываемых он-лайн; развитие сети центров малого бизнеса; повышение экспортного потенциала продукции малых предприятий; упрощение доступа к жилой недвижимости.

Важнейшим условием социально-экономической модернизации регионов является реализация модели управления региональной инновационной системой, учитывающей особенности современного состояния экономики российских регионов, слабую координацию в них процесса генерации инновационных идей и опыта их продвижения.

Преращение научно-технического потенциала в ведущий элемент обеспечения количественного и качественного роста экономики, как показывает опыт развитых стран, невозможен без формирования конкурентоспособной в глобальном масштабе национальной инновационной системы (НИС). Эта система представляет собой совокупность взаимосвязанных организаций (структур), занятых производством и (или) коммерческой реализацией знаний и технологий, и комплекса институтов правового, финансового и социального характера, обеспечивающих взаимодействие образовательных, научных, предпринимательских и некоммерческих организаций и структур во всех сферах экономики и общественной жизни.

Национальные инновационные системы не могут эффективно функционировать без соответствующих региональных инновационных систем (РИС). Опыт формирования РИС в Свердловской, Томской, Новосибирской областях и ряде других субъектов РФ показывает, что характеристики и особенности региональных моделей инновационных систем зависят от уровня развития научно-технического потенциала в том или ином регионе, спроса на инновации со стороны отраслей региональной экономики, а также степени заинтересованности региональных органов власти и управления в развитии инновационной деятельности.

Пока в большинстве регионов имеет место фрагментарность инновационных структур, что не позволяет поддерживать инновационные процессы на стадиях генерации, коммерциализации и внедрения инноваций. К тому же большинство разработанных программ и других документов, определяющих развитие региональных инновационных систем, приняты сравнительно недавно — после 2000 г. Поэтому оценки их эффективности в стратегическом плане пока затруднительны.

Потребность в переходе к созданию региональных инновационных систем базируется на необходимости решения следующих задач: формирование региональной инновационной стратегии, включая межведомственные и межрегиональные стратегии; создание благоприятной экономической и правовой среды для инновационной деятельности, включая защиту интеллектуальной собственности; обеспечение комплексной системы поддержки инновационной деятельности; формирование развернутой инфраструктуры инновационной деятельности; развитие кооперации между научными организациями, промышленностью и другими секторами экономики; совершенствование механизмов государственного содействия коммерциализации результатов научных исследований и экспериментальных разработок; разработка и организация системы мониторинга инновационной деятельности.

Организационно-экономическое обеспечение модернизации научно-технического потенциала регионов в современных условиях может осуществляться по трем основным направлениям.

Во-первых, через прямую и косвенную государственную поддержку, в том числе в виде выделения бюджетных средств на разработку и реализацию модернизационных программ инновационного развития и льготы для ее участников. Во-вторых, путем более полного использования ресурсов предпринимательских, банковских, финансовых структур, средств промышленности, региона, а также привлечения инвестиций из других регионов страны и зарубежья. Однако в любом случае регионы должны производить ощутимые инвестиции в преобразование научно-технического потенциала и инновационную деятельность. Речь идет при этом как о возможном нормативном закреплении фикси-

рованного процента расходов на развитие науки из средств регионального бюджета на достаточно длительный период, так и о гарантированном объеме финансирования среднесрочных и перспективных проектов, входящих в инновационную программу и способных наиболее эффективно повлиять на ускорение социально-экономического развития регионов.

Успешная модернизация невозможна без повышения качества человеческого потенциала, что, в свою очередь, требует изменения существующих принципов, направлений и механизмов реализации социальной политики в регионах.

Степень успешности модернизации напрямую зависит от уровня развития социальной среды, ее восприимчивости к процессам совершенствования существующих или внедрения новых технологий, продуктов и услуг, реализации новых принципов организации экономической жизни, новых моделей и механизмов управления и т.д. Модернизация априори затрагивает ценностно-мотивационную среду индивидов и больших социальных групп. Примеры наиболее успешных «модернизационных прорывов» в истории были связаны с существенными качественными изменениями в состоянии человеческих ресурсов. Эти изменения происходили под воздействием как сверху (государство реализовывало масштабные программы социального развития, стимулировало формирование соответствующих институтов и т.п.), так и снизу (менялись потребности и целевые установки граждан, заметно повышался уровень энтузиазма и социальной мобильности и т.п.).

Сегодня на первый план в модернизационной повестке дня выходят именно задачи человеческого развития, поскольку именно оно обеспечивает конкурентные преимущества экономик с высоким технологическим укладом.

При этом проблемы развития человеческого потенциала имеют глобальный характер. Большинство развитых стран вынуждены перестраивать свои социальные системы, отвечая на современные вызовы: старение населения и возрастание социальной нагрузки на трудоспособную часть граждан, рост численности городского населения, изменение ценностных ориентаций основных социальных групп.

В связи с необходимостью перехода к модернизационной модели развития как на национальном, так и на региональном уровнях необходимо становление социально ориентированной институциональной политики [13]:

1. Значительное усиление внимания к социальным инновациям, приведение существующих на региональном (местном) уровне формальных и неформальных норм, правил и традиций в социальной сфере в соответствие с современными требованиями жизни. Социально ориентированная институциональная политика предполагает включение социальных инноваций во все сферы жизнеобеспечения при четком определении функций управляющих структур с учетом использования современных научно обоснованных механизмов и инструментов.

2. Принятие определяющего значения масштабов, источников и результативности социального инвестирования. Доминирующим источником социальных инвестиций в современных российских условиях является государственный (федеральный и региональный) бюджет. Вместе с тем инновационные подходы необходимы для привлечения бизнес-структур к решению наиболее острых социальных проблем.

3. Институциональные преобразования в регионах должны быть сориентированы не на точечную инновационную деятельность, а на создание широкой институциональной среды, массовое вовлечение граждан в творческую деятельность во всех сферах жизнеобеспечения.

Реализация модернизационного сценария требует переоценки государством и обществом роли вложений в социальную сферу. В условиях модернизации центральным звеном и целевой установкой социальной политики, в том числе социальной политики на региональном уровне, должно стать человеческое развитие. Следовательно, расходы, связанные с выполнением социальных обязательств, прежде всего в сферах здравоохранения, образования, культурной политики, требуются рассматривать как приоритетные стратегические инвестиции.

Необходимо создание в регионах систем целенаправленной подготовки высококвалифицированных кадров и реализация соответствующих организационно-экономических механизмов повышения эффективности региональной образовательной политики.

Модернизация неразрывно связана с обеспеченностью региональной экономики высококвалифицированными кадрами, способными быстро адаптироваться к требованиям рабочих мест и рынка труда. Решение проблемы подготовки работников, обладающих подобными характеристиками, всё более смещается на региональный уровень. Однако готовность региональных систем образования к обеспечению предприятий и организаций квалифицированными специалистами является недостаточной, о чем свидетельствует наличие целого комплекса структурных проблем. Это обуславливает объективную необходимость проведения структурной перестройки социально-экономических подсистем кадрового обеспечения экономики регионов [8].

Существует также настоятельная потребность в выработке и применении новых механизмов региональной образовательной политики. Перспективным представляется организационно-экономический механизм повышения эффективности региональной образовательной политики,

который включает систему мер по созданию единого и открытого образовательного пространства, а также функционирующие на постоянной основе инструменты интеграции структур науки и образования.

Целесообразна реализация модели научно-образовательного пространства, которое можно определить как высокоорганизованную среду, оснащенную многофункциональным «пакетом» инфраструктур, необходимых для наращивания человеческого и интеллектуального потенциала территории, целенаправленного социокультурного воспроизводства человека, формирования и развития личности, привлечения бизнеса, способного производить новые виды высокотехнологичной, конкурентоспособной продукции и внедрять современные технологии в промышленности.

Субъектами научно-образовательного пространства при этом являются: учреждения системы образования (общеобразовательные, профессиональные: СПО, НПО, ВПО; учреждения дополнительного образования); учреждения научной сферы (НИИ, академические институты, проектные организации и подразделения в корпорациях); учреждения инновационной сферы (венчурные фонды, технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, инновационно-технические центры и т.д.); интегрированные структуры (базовые кафедры, НОЦ и т.д.); учреждения культурной сферы (музеи, библиотеки, театры, объекты исторического туризма и т.д.); домашние хозяйства (школьники, абитуриенты, студенты и выпускники системы профессионального образования, квалифицированные трудовые ресурсы); бизнес-сообщество (предприятия реального сектора экономики и ассоциации, союзы и общественные организации промышленников и предпринимателей, ТПП и т.п.); государственные органы власти и управления (стратегии и программы развития) [12, с. 172].

Для координации действий в сфере управления единым образовательным пространством необходимым является применение мер организационного, кадрового, информационного, научно-методического, экономического и социального характера. Учитывая то, что на региональном уровне функционируют системы образования, относящиеся к различным уровням управления, целесообразно создание в регионах межведомственных координационных советов [20]. Цель их работы – координация действий в сфере управления единым научно-образовательным пространством для повышения эффективности управления подготовкой квалифицированных кадров для региональной экономики. Это позволит регионам быстрее перейти к эффективной системе подготовки специалистов новой формации, а также организовать полноценное партнерство между наукой, образованием, властью и бизнесом для дальнейшего развития региональной системы образования.

Предложенный подход позволит органам регионального управления решать приоритетные задачи инновационного развития за счет рационального использования такого нематериального актива, как человеческий капитал. Это позволит обеспечить:

1. Совершенствование прогнозирования кадровых потребностей региональной экономики, формирование и распределение государственного задания и заказа на подготовку кадров, в том числе создание нормативной базы формирования государственного регионального заказа системе профессионального образования, на основе которого будут определяться объемы и направления подготовки в учреждениях профессионального образования.

2. Повышение востребованности выпускников учреждений профессионального образования на региональном рынке труда через организацию информационных

и профориентационных кампаний по профессиям и специальностям приоритетных отраслей экономики; заключение договоров с организациями на подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров; профориентационную работу, повышение престижа востребованных на рынке труда рабочих профессий и специальностей.

3. Формирование эффективной территориально-отраслевой организации ресурсов учреждений начального и среднего профессионального образования посредством выстраивания оптимальной структуры учреждений профессионального образования, организации эффективного сетевого взаимодействия учреждений профессионального образования всех уровней (школа/НПО/СПО/ВПО) и их сотрудничества с работодателями (оборудование новых ресурсных центров учреждений профессионального образования по приоритетным направлениям экономического развития; модернизация содержания учреждений профессионального образования в соответствии с потребностями регионального рынка труда и требованиями работодателей).

Указанные механизмы позволят сориентировать образовательную деятельность на решение практических задач, стоящих перед региональной экономикой; значительно расширятся возможности для повышения качества подготовки специалистов и конкурентоспособности научно-образовательных учреждений; будут созданы необходимые профессионально-кадровые предпосылки для перехода к инновационно ориентированной экономике.

Необходимым условием модернизации и качественного экономического роста, наряду с высоким интеллектуальным потенциалом, выступает поддержание высокого уровня общественного здоровья, требующее совершенствования региональных систем управления здравоохранением.

Осуществление социально-экономической модернизации опирается на высокую производительность труда, одним из базисов которой, в свою очередь, является высокий уровень общественного здоровья. В связи с этим модернизационная политика должна быть ориентирована на достижение наилучших показателей т.н. «здорового долголетия». Для достижения этой цели требуется формирование в обществе высокой ценности здоровья, условий для здорового образа жизни и профилактической активности населения. В свете этого принципиальное значение имеют два момента.

Во-первых, эффективное решение вопросов здоровья населения в настоящее время возможно только в контексте межведомственного (функционального, межсекторального, межотраслевого) управления, с активным вовлечением в этот процесс институтов гражданского общества. Признаётся значительная роль человека, активно включающегося в контур управления собственным здоровьем в процессе регулярно решаемых жизненных дилемм и перманентного осуществления индивидуального выбора.

Во-вторых, ключевым звеном в системе здравоохранения становится первичное звено, первичная медико-санитарная помощь, которая составляет неотъемлемую часть как национальной системы здравоохранения, выполняя её главную функцию и являясь её центральным звеном, так и всего процесса социально-экономического развития общества.

Анализ региональной системы здравоохранения (проведенный на материалах Вологодской области) показал, что структура медицинской помощи имеет существенные недостатки, снижающие эффективность расходования средств, выделяемых на нужды здравоохранения, и ограничивающие возможности медицинских

служб удовлетворять потребности граждан и адекватно отвечать на их ожидания. В связи с этим реструктуризация медицинской помощи должна проводиться параллельно с процессом модернизации здравоохранения, состоящим в технологическом оснащении и кадровом обеспечении медицинских служб и активном внедрении компенсаторных механизмов (дневных стационаров, центров амбулаторной хирургии, диагностических и консультативных служб) [11, с. 143].

В качестве альтернативы существующим методам экономического анализа, сводящимся к оценке финансовой составляющей деятельности системы здравоохранения, предлагается методика, основанная на объединённом анализе финансовых и демографических показателей в структурном (в разрезе основных классов заболеваний) и пространственном (в разрезе муниципальных районов Вологодской области) аспектах общественных расходов и социальных результатов, выраженных с помощью показателя «потерянные годы потенциальной жизни» (ПППЖ).

Суть методологического подхода «затраты – потери», апробированного на материалах Вологодской области [11], заключается в сопоставлении совокупных затрат бюджета и внебюджетных государственных фондов на финансирование здравоохранения с масштабами демографических потерь территории (региона в целом и отдельных муниципальных образований) от преждевременной смертности. Использование такого механизма в режиме мониторинга позволит повысить научную обоснованность принятия управленческих решений. Результаты экономического анализа могут найти применение на всех основных этапах проведения региональной здравоохранительной политики: при её формировании – как основа для определения приоритетов финансирования

здравоохранения; в процессе её принятия — как доказательство объективности выдвигаемых финансовых требований; при реализации — для разработки конкретных мероприятий; наконец, инструментарий анализа «затраты — потери» может быть использован для оценки достигнутых результатов, то есть организации механизма обратной связи.

Подводя итог рассмотрению возможных направлений социально-экономической модернизации российских регионов, необходимо отметить следующее.

1. Социально-экономическая модернизация представляет собой комплекс взаимосвязанных направлений, включающих в себя систему национальных интересов, целей и приоритетов общественного развития, проблемы преобразования российской экономики, ее институционального устройства и содержания социально-экономической политики.

2. Осуществление модернизации без досконального учета социально-территориальных особенностей страны может привести к неравномерному распределению «модернизационных эффектов», что обусловит еще большие по сравнению с уже существующими диспропорции в развитии территорий и дальнейшей неоднородности социального и экономического пространства страны.

3. Долгосрочные стратегии и планы развития, направленные на модернизацию региональных социально-экономических систем, должны строиться на основе учета имеющегося потенциала регионов, оценки сбалансированности его развития.

4. Модернизация выступает сложным ресурсоемким процессом, реализуемым на основе сочетания теории, методологии и практики стратегического планирования, теорий, концепций и методов государственного и регионального управления экономикой.

5. Управление процессом социально-экономической модернизации регионов обеспечивается путем формирования многоуровневой системы планирования, включающей в себя стратегический, тактический и оперативный его виды и опирающейся на регулярно проводимый мониторинг.

6. Необходимым условием успешной модернизации является повышение роли и места института государственно-частного партнерства в реализации задач модернизации региональных социально-экономических систем, разработка соответствующих механизмов партнерства государства и бизнеса.

7. Определяющее значение в осуществлении социально-экономической модернизации регионов имеет неоиндустриализация, наиболее оптимальной организационно-экономической формой реализации которой является целенаправленная промышленная политика.

8. В российских регионах необходимо осуществление модернизационных мероприятий, предусматривающих органичное использование как передовых зарубежных достижений, так и возможностей собственного научно-инновационного потенциала.

9. Необходимым условием успешной модернизации является формирование в регионах благоприятной среды генерации знаний, опирающейся на создание региональных инновационных систем и реализацию организационно-инструментальных проектов по модернизации научно-технического потенциала.

10. Учитывая возрастающую роль социальной компоненты (образования и здорового долголетия) в качестве фактора успешной модернизации, необходимо обеспечить приоритетное инвестирование в отрасли, способствующее сохранению и преумножению человеческого потенциала.

Литература

1. Акаев, А.А. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом / А.А. Акаев // Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 230-258.
2. Акаев, А.А. Технологическая модернизация промышленности и инновационное развитие – ключ к экономическому возрождению России в XXI веке / А.А. Акаев, И.Е. Ануфриев, Г.Н. Попов // Инновации. – 2010. – №11. – 15-28.
3. Акаев, А.А. О стратегии инновационно-модернизационного развития российской экономики / А.А. Акаев, И.Е. Ануфриев, Д.И. Кузнецов // Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – С. 178-209.
4. Акаев, А. О стратегии интегрированной модернизации экономики России до 2025 г. / А. Акаев // Вопросы экономики. – 2012. – №4. – С. 97-116.
5. Глазьев, С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – 255 с.
6. Глазьев, С.Ю. Какая модернизация нужна России? / С.Ю. Глазьев // Экономист. – 2010. – № 8. – С. 3-17.
7. Головчин, М.А. Организационно-экономический механизм региональной образовательной политики в субъекте Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / М.А. Головчин. – Апатиты, 2012. – 26 с.
8. Иванов, С.А. Научные основы структурной перестройки социально-экономической подсистемы кадрового обеспечения экономики региона: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук / С.А. Иванов. – СПб., 2009. – 38 с. – С. 13.
9. Ильин, В.А. Социально-экономический потенциал модернизации российских территорий / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Т.В. Ускова, И.А. Кондаков [и др.] // Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под ред. акад. Н.Я. Петракова; Российский государственный научный фонд; Российская академия наук. – М.; СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 305-346.
10. Инновационная Россия – 2020. Электронный документ. – Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/doc20101231_016
11. Калашников, К.Н. Организационно-экономические факторы управления региональной системой здравоохранения [Текст]: монография / К.Н. Калашников, А.А. Шабунова, М.Д. Дуганов. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 153 с.
12. Леонидова, Г.В. Теория и практика формирования научно-образовательного пространства: монография [Текст] / Г.В. Леонидова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 272 с.
13. Мыслякова, Ю.Г. Особенности становления региональной социально ответственной институциональной политики / Ю. Г. Мыслякова, С. Б. Бронштейн // Экономика региона. – 2011. – № 1. – С. 130-136.
14. Нигматулин, Р.И. Как обустроить экономику и власть России / Р.И. Нигматулин. – М.: Экономика, 2007. – 462 с.
15. Нигматулин, Р.И. Кризис и модернизация России – тринадцать теорем / Р.И. Нигматулин, Б.И. Нигматулин. – М: Новости, 2010. – 47 с.
16. О приоритетных направлениях развития частно-государственного партнерства как механизма повышения конкурентоспособности экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gov.cap.ru/home/24/chgp.htm>
17. Полтерович, В.М. Стратегии модернизации, институты и коалиции / В.М. Полтерович // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – С. 2-24.
18. Полтерович В.М. Региональные институты модернизации / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2011. – №4 (55). – С. 17-29.
19. Полтерович, В.М. Стратегия модернизации российской экономики: система интерактивного управления ростом / В.М. Полтерович // Журнал новой экономической ассоциации. – 2010. – № 7. – С. 158-160.
20. Стратегия – 2020: новая модель роста – новая социальная политика. Электронный документ. – Режим доступа: <http://www.2020strategy.ru>
21. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст]: монография / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009.
22. Ускова, Т.В. Теория и методология управления устойчивым социально-экономическим развитием региона. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук / Т.В. Ускова. – Вологда, 2010. – 38 с.

УДК 316.42:330.59(470)

© Перова М.Б.

© Перов Е.В.

Социально-экономическая трансформация российского общества

В России происходят радикальные перемены, которые охватывают все стороны жизни общества. Они вызывают проблемы в обществе и способствуют возникновению конфликтов в различных сферах жизнедеятельности. Ключевым моментом, формирующим напряженность в обществе, является уровень жизни населения. В общественно-политической системе происходит трансформация института собственности, общественных условий жизни и социально-политического устройства общества. Эти изменения повлекли за собой эволюцию ментальности населения. Анализ и управление процессом трансформации всех систем позволяет снизить напряженность в обществе.

Трансформация, уровень жизни, общественно-политическая система, ментальность населения.

**Маргарита Борисовна
ПЕРОВА**

доктор экономических наук, профессор Вологодского государственного технического университета
mperova@mail.ru

**Евгений Викторович
ПЕРОВ**

кандидат экономических наук, председатель комитета по экономической политике и муниципальной собственности Вологодской городской Думы
perov.ru@gmail.com

Создание стабильного государства требует анализа изменений, происходящих в обществе. На рубеже тысячелетий в России произошли радикальные перемены, охватывающие все стороны жизни общества. Трансформация экономической системы повлекла за собой изменения общественно-политической системы, а также ментальности граждан и общества в целом. Анализ и управление процессом трансформации всех систем позволяет снизить

напряженность в обществе, способствующую возникновению конфликтов в различных сферах его жизнедеятельности.

Трансформация экономической системы

В начале перестройки в качестве цели радикальной трансформации экономической системы был провозглашен переход к рыночной экономике. Государству в этом процессе отводилась роль проводника идей либерализации, приватизации и макроэкономической стабилизации.

Темпы динамики макроэкономических показателей России*

Показатели в постоянных ценах	Темпы динамики: конец 1998 г. к 1991 г., %
Валовой внутренний продукт	60,5
Промышленное производство	48,2
- добывающее	67,2
- обрабатывающее	40,7
Объем выполненных работ в строительстве	31,0
Грузооборот всех видов транспорта	57,4
Сельскохозяйственное производство	50,7
Инвестиции в основной капитал	24,8
Реальные располагаемые денежные доходы населения	52,5

* Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // www.gks.ru.

В результате в 2002 г. России на международном уровне был присвоен статус страны с рыночной экономикой. Однако достижение этой цели на начальном этапе перестройки сопровождалось снижением объемов производства и падением уровня жизни большинства населения (таблица).

Период восстановления начался в 1999 г. и продолжался до начала финансового кризиса 2008 г. В 2007 г. был достигнут объем дореформенного ВВП (102% к уровню 1989 года). Реальные располагаемые денежные доходы населения превысили уровень 1991 года на 9,8%. Объемы производства добывающих отраслей составили 103,1% по отношению к 1991 г. В то же время объемы производства обрабатывающих и сельскохозяйственных отраслей составляли лишь 3/4 от уровня 1991 г. (77,4 и 75,5% соответственно). Инвестиции в основной капитал были вдвое меньше, чем в 1990 г. (56,6%). Наблюдалось существенное отставание в производстве машин и оборудования (55,8% по отношению к 1991 г.).

Это самая общая картина. Большой интерес представляет динамика основных показателей, характеризующих уровень жизни населения, поскольку он является ключевым фактором, формирующим напряженность в обществе. Среди показателей, отражающих уровень жизни населения, можно выделить, прежде всего,

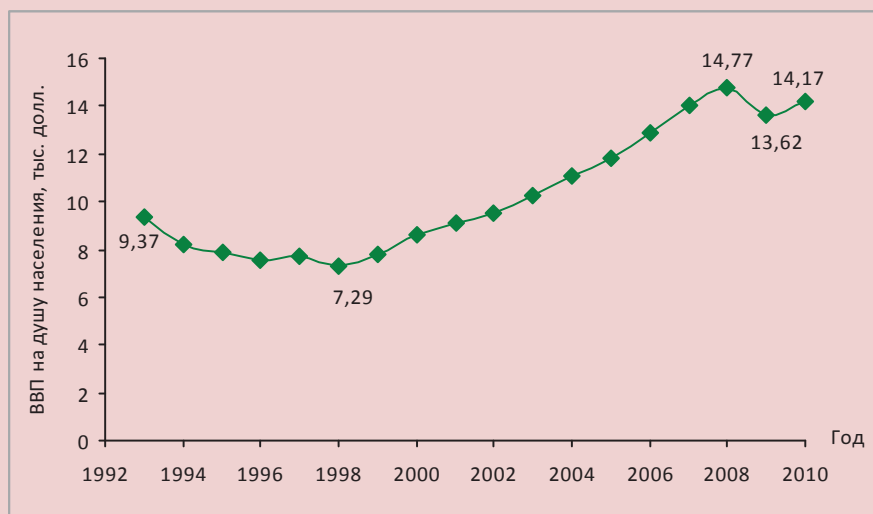
такие показатели, как валовой внутренний продукт на душу населения в сопоставимых ценах, среднедушевые денежные доходы населения, начисленная среднемесячная заработная плата в сопоставимом выражении, доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, индекс потребительских цен на товары и услуги, оказываемые населению, уровень безработицы.

ВВП на душу населения является одним из главных показателей страны, определяющим уровень жизни населения: доходы, здравоохранение, образование и пр. Еще более точно уровень жизни населения отображается размером ВВП в расчете на одного жителя страны по паритету покупательной способности (стоимость всех конечных товаров и услуг, оцененная в долларах США 2005 г.).

Анализируя динамику этого показателя¹ с 1993 по 2010 г., можно видеть, что в начале периода он снижался до 1998 г. включительно (в среднем на 4,9% в год). Затем наблюдается его непрерывный рост, продолжавшийся до наступления финансового кризиса 2008 г., со среднегодовым темпом прироста 7,3% (рис. 1). Финансовый кризис вызвал падение производства продукции и ВВП на душу населения.

¹ База данных Отдела статистики ЕЭК ООН // <http://w3.unece.org/pxweb/?lang=14>

Рисунок 1. ВВП на душу населения в ценах и ППС (США) 2005 г.

Только за 2009 г. ВВП на душу населения снизился на 7,8%. Однако уже в следующем году этот показатель увеличился на 4% и несколько превысил уровень 2007 г.

Среднедушевые денежные доходы населения. Основными источниками доходов населения являются:

- факторные доходы: заработная плата, доходы от собственности (арендная плата, проценты, дивиденды), доходы от предпринимательской деятельности (прибыль);
- трансфертные платежи: пенсии, пособия, стипендии и т. д.;
- другие поступления: страховые возмещения, доходы от продажи иностранной валюты и пр.

В текущих ценах среднедушевые денежные доходы населения постоянно повышались². За анализируемый период они увеличились в 417 раз, возрастая ежегодно в среднем на 42,6% (рис. 2).

Однако доходы населения в текущих ценах не отражают их покупательной способности. Нагляднее реальные доходы

населения отражает показатель среднемесячной заработной платы в твердой валюте.

Среднемесячная заработная плата в твердой валюте (долл. США). Начисленная среднемесячная заработная плата включает общую сумму заработной платы в денежной и натуральной форме до налоговых вычетов и взносов на социальное обеспечение.

Динамика доходов населения в твердой валюте (рис. 3) отличается от динамики доходов, показанной на рисунке 2. Среднемесячная заработная плата в 1993 – 1997 гг. в целом возрастала: на конец периода она в 2,8 раза превышала уровень 1993 г.³ Затем в результате финансово-экономического кризиса 1998 г. (дефолта) она в течение двух лет снижалась. В 1999 г. уровень среднемесячной заработной платы в твердой валюте составлял всего 38% от уровня 1997 г. С 2000 года наблюдается устойчивый рост этого показателя. За последующие годы до начала финансового кризиса 2008 г. уровень среднемесячной заработной платы увеличился в 11 раз. Реальный рост доходов населения происходил на фоне устойчивого экономического роста.

² Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики www.gks.ru

³ База данных Отдела статистики ЕЭК ООН // <http://w3.unece.org/pxweb/?lang=14>

Рисунок 2. Среднедушевые доходы населения

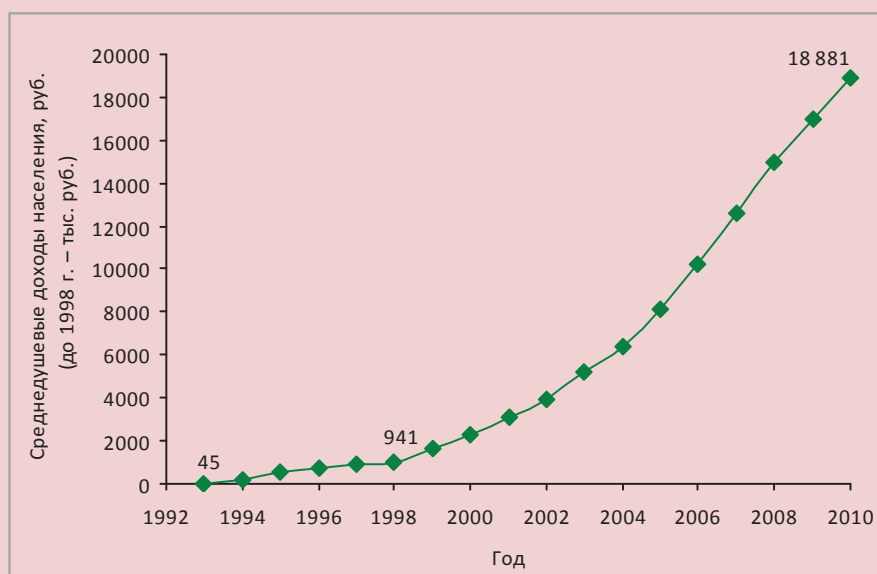
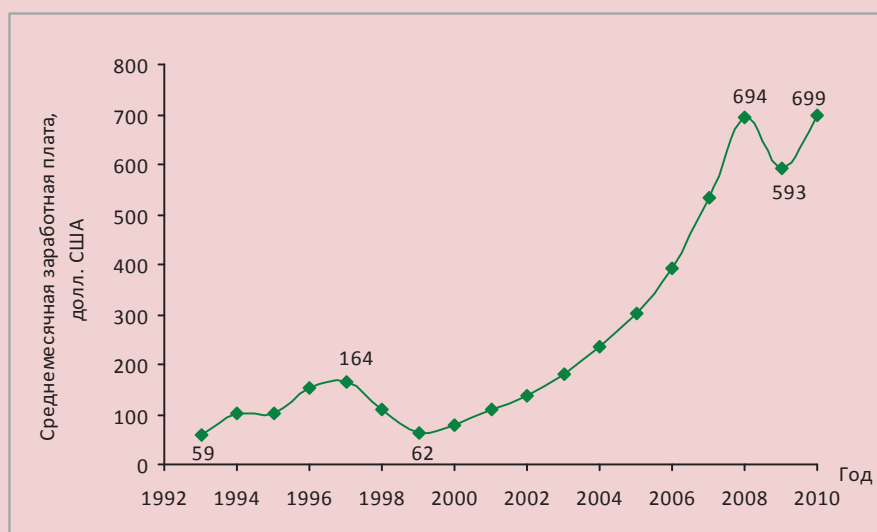

Рисунок 3. Начисленная среднемесячная заработная плата, в долларах США

Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Бедность признана в мире глобальной проблемой. Поскольку уровень экономического развития государств разнообразен и неравномерен, то отсутствует общепризнанная методика определения уровня бедности. В большинстве стран Европы уровень бедности определяется исходя минимального размера оплаты труда. Типичный европеец считается бедным,

если уровень его дохода не достигает 60% от средней заработной платы. В соответствии с методикой ООН, жителя планеты можно назвать бедным, если уровень его дохода равен 2 долл. в сутки, а нищим — при доходе 1 долл. В России человек признается малоимущим, если ежемесячный уровень его дохода ниже прожиточного минимума, который устанавливается правительством исходя из стоимости потребительской корзины.

На Западе в категорию бедных попадают, как правило, неадаптированные граждане, безработные, многодетные иммигранты. В России в этой категории оказались также инвалиды и пенсионеры. К особенностям России относится и то, что более 60% неимущего населения является работающим населением, т.е. эти люди получают заработную плату, которая не покрывает стоимости потребительской корзины. Важно, что за чертой бедности, особенно в первые годы перестройки, оказались и высококвалифицированные специалисты (врачи, инженеры, ученые). Это размывает средний класс, который служит основой социальной стабильности общества.

В 1993 г. треть населения (46,1 млн. человек) имела доходы ниже прожиточного минимума (рис. 4). Затем до 1998 г. этот показатель в целом уменьшался и снизился до 21%⁴. В результате дефолта 1998 г. доля бедного населения снова выросла и составила 29% (1999 г. — 41,6 млн. чел., 2000 г. — 42,3 млн. чел.). В последующие годы наблюдалось постоянное снижение этого показателя. В 2010 г. доля бедного населения равнялась 12,6% (17,9 млн. человек).

Однако следует помнить, что вычисляемая доля бедного населения зависит не только от уровня его доходов, но и от размера потребительской корзины. Изменение набора товаров, включаемых в потребительскую корзину, или снижение норм потребления также приводит к изменению доли бедного населения.

Индекс потребительских цен на товары и услуги является основным показателем уровня инфляции. Он отражает динамику стоимости корзины потребительских товаров и услуг, изменение стоимости жизни в стране, являясь ранним индикатором

потребительской инфляции и изменения покупательной силы национальной валюты.

В 1992 г. либерализация цен на потребительские товары и услуги вызвала гиперинфляцию, когда цены увеличивались в сотни раз в год. В 1992 г. цены на потребительские товары и услуги выросли в 26 раз⁵. В 1993 г. индекс потребительских цен составил 940%, в 1994 г. — 315% (рис. 5).

Стремительный рост цен привел к искажению товарно-денежного обращения, оно часто стало заменяться натуральным обменом. В качестве эквивалентов начинают выступать ликвидные товары, внутренняя стоимость которых не зависит от государственной политики, прежде всего свободно конвертируемая валюта. Дегградация денежной системы, обесценивание сбережений и долговых облигаций привели к еще большему экономическому спаду.

В последующие годы удавалось снизить темпы инфляции, но она оставалась галопирующей: 1995 г. — 231%, 1996 г. — 111%. Финансовый кризис 1998 г. снова подхлестнул рост цен. При галопирующей инфляции велики риски, связанные с заключением контрактов в номинальных ценах, поэтому по-прежнему часто используется конвертируемая валюта. Высокие темпы инфляции влияют на поведение домохозяйств и фирм, большую роль играют инфляционные ожидания. Каждое повышение цен приводит к росту заработной платы и издержек.

Экономический рост, увеличение ВВП на душу населения после 1998 г. способствовали снижению индекса потребительских цен. С 2000 г. он находился, снижаясь, в пределах 120 — 106%. Исключение составляют 2007 и 2008 годы, когда индекс потребительских цен увеличился соответственно на 2,9 и 1,4 п. п.

⁴ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // www.gks.ru

⁵ Там же.

Рисунок 4. Доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума

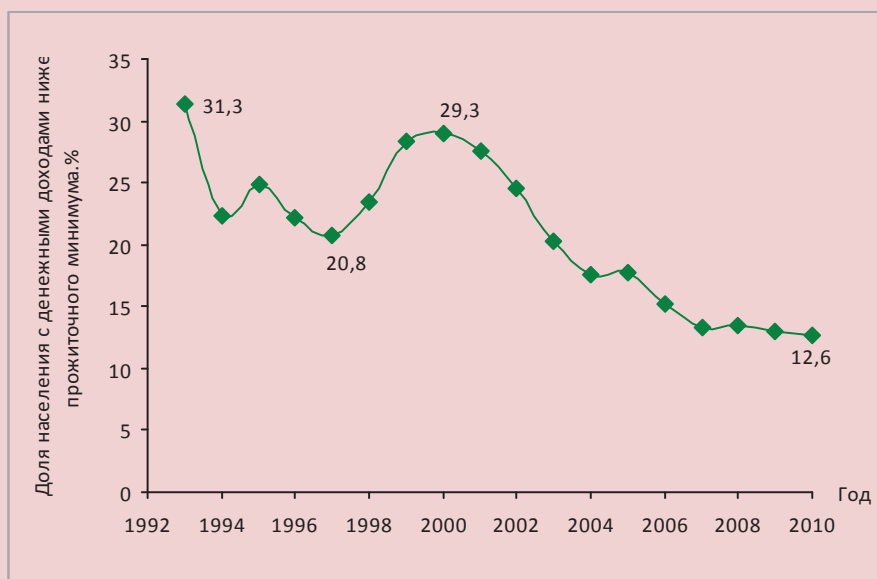
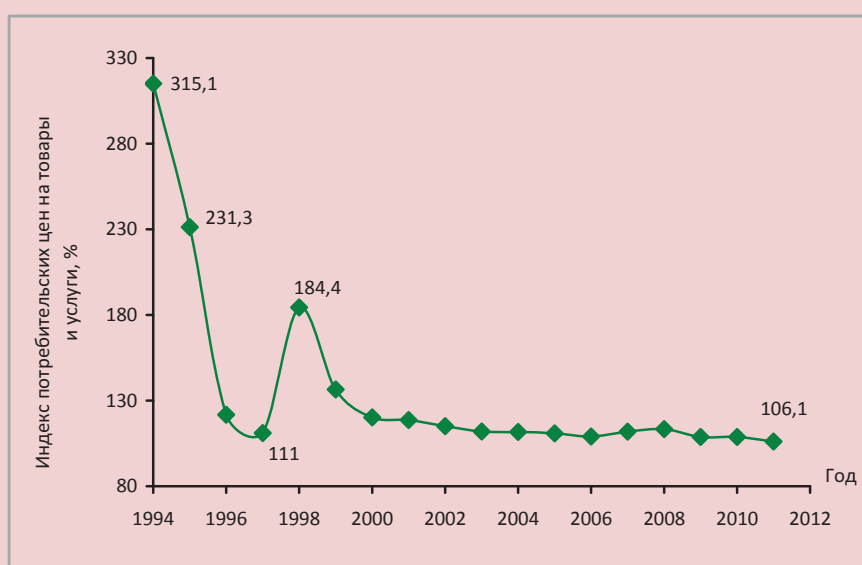

Рисунок 5. Индекс потребительских цен

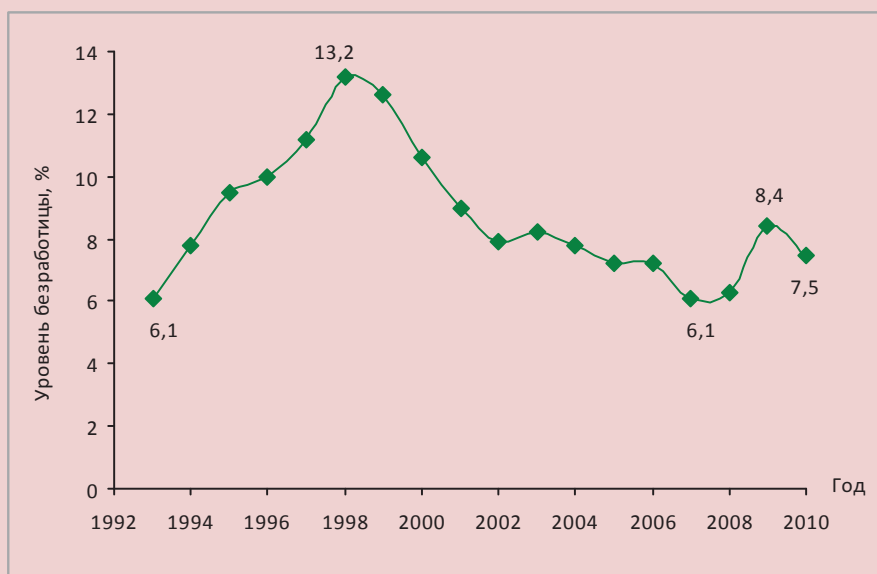

Показатель уровня безработицы отражает долю числа безработных в общей численности занятых или в численности интересующей группы населения. Безработица приводит к снижению доходов, вызывает проблемы с психическим здоровьем, к потере квалификации, ухудшению криминогенной обстановки, усилению напряженности в обществе.

В анализируемом периоде уровень безработицы увеличивался до 1998 года (13,2%, 8,9 млн. чел.), за этот период она выросла в 2,3 раза⁶. Начиная с 1999 г. уровень безработицы непрерывно снижался — вплоть до 2007 года, когда он составил 6,1% (рис. 6).

⁶ Там же.

Рисунок 6. Динамика уровня безработицы, %

В период финансового кризиса уровень безработицы несколько возрос (на 2,3 п. п.), оставаясь все же ниже уровня 1998 г.

Таким образом, в трансформации экономической системы выделяются три очевидных периода:

- ◆ 1993 — 1998 гг. — характеризуются спадом экономического производства, снижением объемов ВВП на душу населения, увеличением доли бедного населения, ростом безработицы, высокими темпами инфляции;

- ◆ 1999 — 2007 гг. — наблюдался рост экономической активности, увеличение объемов ВВП на душу населения, снижение доли бедного населения, уровня безработицы и темпов инфляции;

- ◆ 2008 — 2010 гг. — развитие финансового кризиса вызвало новое снижение экономической активности и негативные тенденции на рынке труда. Однако негативные тенденции этого периода не носили столь серьезных последствий, как в первом периоде.

Изменения в экономической системе определяют системные изменения в политической, социальной и культурной сферах.

Трансформация общественно-политической системы

К фундаментальным изменениям в общественно-политической системе можно отнести трансформацию института собственности, общественных условий жизни и социально-политического устройства общества.

Трансформация института собственности. Трансформация российского общества сопровождалась перераспределением объектов и прав собственности. Институт собственности включает набор стандартов поведения определенных лиц в определенных типичных ситуациях, которые закреплены нормами права или иными социальными нормами, определяющими стандарт поведения собственника и отношения к нему других членов общества.

Проблемы взаимодействия бизнеса и власти являются ключевыми для современной России. Несмотря на передачу в частные руки множества предприятий, в стране не сформирована система их эффективного взаимодействия. Трансформация института собственности включает принятие новых законодательных актов, их

иерархическое упорядочивание и согласование, а также изменение неформальных практик отношений между формальными и неформальными институтами [12].

Частная собственность в России не имеет равных прав с государственной. В основе этого лежит исторический приоритет общественного над личным. По мнению О.Э. Бессоновой, институт собственности в России всегда имел общественно-служебный, прогосударственный характер и ни одно частное лицо или группа лиц никогда не обладали всей полнотой прав на объект собственности. Права собственности на все виды материальных и нематериальных объектов (земля, рабочая сила, жилье, услуги, должности) принадлежали государству [2]. Государственное вмешательство в частную собственность традиционно для России, поэтому, не имея гарантий от возможной экспроприации, собственники стремятся к быстрому достижению своих экономических интересов.

В кризисные для экономики периоды неоднократно происходила трансформация института прогосударственной собственности посредством передачи прав собственности на многие объекты частным лицам или коллективам. Общество не участвовало в процессе распределения значительных объектов собственности. В начале перестройки большая часть государственной собственности была распределена между ограниченным кругом лиц, в результате около 15% россиян владели 92% национальных богатств [11].

В настоящее время борьба за возможность распоряжаться наиболее значимыми объектами собственности происходит между федеральным центром, региональной властью и крупным капиталом. В российской экономике наблюдается диффузия власти в бизнес, вытеснение независимого собственника собственником, так или иначе подконтрольным государству [3].

Продолжается передел собственности в российской промышленности. Субъектами собственности становятся крупнейшие банки страны, естественные монополии, субъекты федерации. Региональные власти стремятся закрепить легитимность своих действий, некоторые законодательные акты, принятые в субъектах федерации, противоречат Конституции РФ и федеральному законодательству.

С другой стороны, предприниматели стремятся во власть, чтобы удержать бизнес в своих руках. Олигархи оказываются во власти, одновременно контролируя назначения на важнейшие государственные должности.

Органы власти не стремятся к принятию эффективных для всего общества прав собственности, поскольку это может привести к недовольству крупного бизнеса, что сделало бы их положение ненадежным.

В итоге институт собственности в России сложился в результате особого типа взаимодействия власти и бизнеса. Причем такое взаимодействие строилось по различным схемам – «белым», «серым» или «черным». «Белые» схемы построены на взаимодействии лишь в границах существующей юридической базы. «Черные» схемы представляют собой взаимодействие в рамках неформальных институтов, нередко в нарушение принятых юридических норм. «Серые» схемы, являющиеся наиболее распространенными практиками, включают неформальное взаимодействие с органами власти с целью установления особого режима функционирования легального бизнеса (лоббирование собственных интересов, получение льготных кредитов, экспортно-импортные квоты и пр.). Тесное сотрудничество с властными структурами дает бизнесу конкурентное преимущество. При этом существует взаимная заинтересованность бизнеса и власти. За оказание услуг по созданию льготных условий функ-

ционирования бизнеса власть приобретает возможность в значительной степени переложить свои прямые обязательства социальной ответственности на плечи бизнеса, а также она нуждается в финансовой поддержке [12].

В трансформации института собственности можно выделить несколько этапов. На начальном этапе перестройки доступ к собственности предоставлялся в значительной степени в зависимости от позиции во властных структурах советской власти, поэтому управленцы высшего уровня власти имели всю полноту контроля над экономической деятельностью в стране. Затем на фоне трансформации политической системы начинает изменяться и институт собственности. Появляется возможность организовать бизнес вне структур советской власти. Происходит приватизация чиновниками той части государственной собственности, которая находилась в сфере их управления, под полным контролем государственной власти.

Следующий этап совпал с началом открытой приватизации и продолжался до 1999 г. Это самый драматичный период в современной истории России. В этот период увеличивается вариативность схем организации бизнеса, возникает бизнес, построенный на «серых» схемах работы. Нарастают противоречия между бизнесом и властью, усложняются взаимоотношения между ними. Стремясь к независимости в организации бизнеса, предприниматели проводят активную политику участия во власти. Бизнес стремится к государственной поддержке для обеспечения безопасности. Возникает коррупция.

С 2000 г., после смены президента, власть получила возможность формирования институциональной среды в собственных целях, а ее взаимоотношения с бизнесом начали носить прагматический характер.

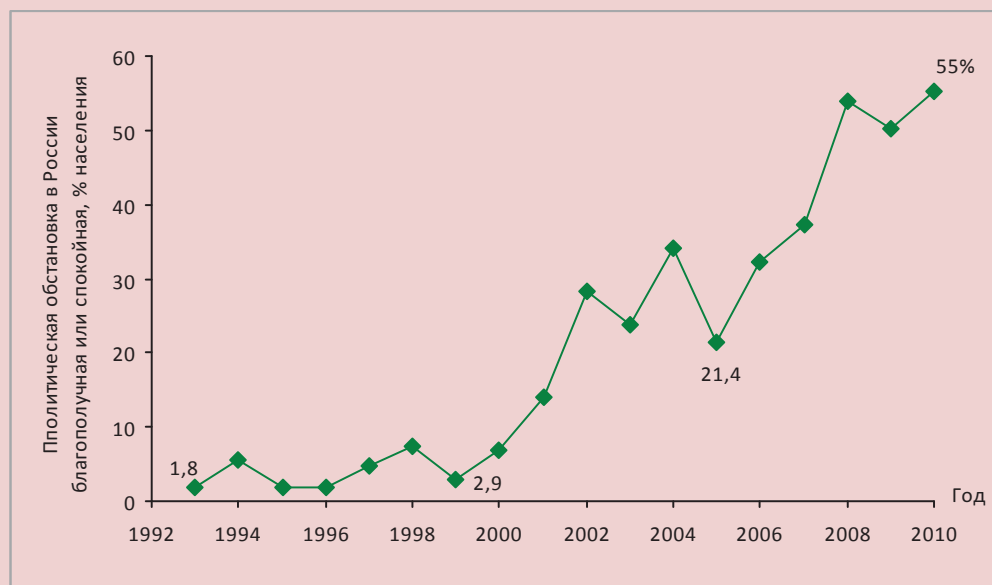
Общественно-политическая трансформация. За последние два десятилетия российское общество пережило серию коренных общественно-политических изменений. В соответствии с этим менялась оценка населением общественно-политической ситуации в стране⁷. Если в начале анализируемого периода политическую обстановку в стране оценивало как благополучную или спокойную не более 8% населения, то в 2010 г. — более половины населения (*рис. 7*).

С переходом к новым условиям хозяйствования появилась необходимость адаптации политического сознания к изменяющимся экономическим условиям. Возникли проблемы трансформации политической культуры на уровне индивида, социальной группы и государства в целом. Политическая культура отражает политическое сознание и систему ценностей, доминирующих в обществе. Трансформация политической культуры ведет к смене основных ценностей. Нецеленаправленная, бессистемная трансформация общества приводит к различным политическим конфликтам на государственном, этническом, национальном и прочих уровнях.

Под процессом общественно-политической трансформации понимается кардинальная перестройка всех сфер общественных отношений, и прежде всего политической, сопровождаемая естественным переходом от одной общественно-политической системы к другой со сменой идеологических ориентиров, с социальными, экономическими и политическими изменениями в самом обществе. Трансформация политической сферы в России отмечается появлением и качественным обновлением политической элиты и приобретением исполнительной властью черт монархизма.

⁷ Там же.

Рисунок 7. Благополучная политическая обстановка в России, по оценкам населения

Это, с одной стороны, повлекло за собой создание массовых центристских партийных организаций, а с другой — способствовало росту социально-политической апатии среди больших групп населения, поскольку оно не заинтересовано результативно участвовать в функционировании политической системы. Следствием этого явилось отсутствие альтернативных общественно-политических программ. Кроме того, сказывается отсутствие в обществе постоянного «ценностного ядра». Эти процессы характеризуются как общественно-политический кризис [5]. Отсутствие идейно-ценностной основы объективно ставит протекающие в обществе процессы в зависимость от интересов определенных лиц, призванных регулировать преобразования в российской общественно-политической системе.

В начале перестройки на всех уровнях властной вертикали отсутствовали какие-либо единые представления о перспективах развития государства, нарастала оппозиционность некоторых социальных групп, что усугубляло кризисные процессы во власти.

Отсутствие среднего класса позволило экономической и политической элите выступить в качестве регуляторов экономических процессов.

В этот период началась системная трансформация мировоззрения современного российского общества. Люди, еще вчера мечтавшие о достатке и демократии, теперь думали о том, как выжить [4]. Обнищание широких слоев населения привело к росту числа маргинальных групп, распространению различных видов девиантного поведения, криминализации межличностных отношений, осложнило межнациональные отношения. Все это затруднило создание условий для формирования самодостаточного гражданского общества и дееспособного правового государства. Усилилась напряженность в обществе, возросло количество внеправовых действий.

У населения отмечаются различия в понимании демократических ценностей. Если положительную роль демократии как определенной мировоззренческой системы, на основе ценностных требований которой будет строиться дальнейшее раз-

витие общественных и политических процессов в современной России, в 2001 г. отмечали 50,5% опрошенных, то роль в этих процессах политической партии считали положительной только 6,1% респондентов [14].

Результаты социологических опросов показывают, что представления респондентов о демократии различны. Большинство опрошенных, позитивно воспринимая демократические ценности на вербальном уровне, вкладывают неодинаковый смысл в понятие демократии в разных возрастных группах. У молодежи преобладают акценты на таких ценностях демократии, как свобода, права человека, личная независимость. Замыкают список ценностей участие граждан в управлении и ответственность. Чем старше опрошенные, тем более важными для демократии они считают ответственность и равенство [18].

Политические партии, отслеживающие мнения своих потенциальных избирателей в предвыборной кампании, отмечают в разной вариации одни и те же объединяющие общество ценности: законность и порядок, стабильность, достойную жизнь, сильную державу, равенство и справедливость. Однако общественно-политические процессы развиваются в условиях социально-экономических и политических противоречий. Эти противоречия придают отрицательную динамику развитию общественно-политической системы, поскольку социальные и политические институты не могут выработать для объединения своих действий общую программу, которая основывалась бы на единых ценностях для большинства населения.

По мнению В.Б. Исхакова, современный уровень развития российского общества выдвигает на первый план базовые ценности, которые мало влияют на общественно-политические процессы в России.

В обществе наметилось преобладание двух групп ценностей, объединенных идеей обеспечения стабильности и правопорядка. Уставшее от постоянных изменений, общество объективно нуждается в стабильности и общественном порядке. Однако для отдельных социальных, экономических и политических групп это необходимо в различных целях. Политической и экономической элите, государственной бюрократии стабильность необходима для проведения нужного им политического курса и для налаживания стабильных отношений в экономической сфере, где взаимоотношения продолжают оставаться неустойчивыми.

Для общества в целом источником и гарантом стабилизации общественных отношений выступает власть в лице президента, поэтому электорат, не заинтересованный в дестабилизации ситуации, отдавал свои голоса в поддержку проводимого властью политического курса. Наиболее важными являются ценности, подразумевающие стабильность и общественный порядок, а не отдаленные идеалы общественно-политического мироустройства [5].

Эти высказывания подтверждаются результатами социологического опроса, проведенного ВЦИОМ в 2004 г. Положительные чувства у респондентов вызывали понятия «порядок» (61% респондентов) и «стабильность» (40% респондентов). Для сравнения: понятие «социализм» вызывало положительные эмоции только у 12% респондентов [6].

Декларирование стабильности и порядка в качестве основополагающих ценностей общественного развития отражается на общественно-политической системе переходного периода. Она постепенно приобретает черты монархизма, когда монопольным носителем власти становится глава государства и подконтрольная ему политическая элита.

Базовые принципы монархии, в свою очередь, находят поддержку в больших и малых социально-политических группах.

Монархическое политическое управление в условиях трансформации общественно-политической системы имеет свои положительные и отрицательные стороны. Положительным является ограничение числа регуляторов трансформационных процессов на политическом уровне. Управление преобразованием осуществляется группой лиц, разделяющих общие политические, экономические и иные цели. Однако это ведет и к негативным последствиям – к центризму. Центризм позволяет политической элите в условиях переходных общественных процессов сохранять устойчивое положение и своевременно реагировать на общественное мнение, вводя в свою идеологическую конструкцию ценности, которые пользуются наибольшей поддержкой электората [5].

Результаты социологического опроса, проведенного РАГС в 2003 г., показывают высокое значение фигуры президента в современной России. На вопрос: «Что, на Ваш взгляд, может способствовать решению наиболее волнующих Вас проблем нынешней российской жизни?» 66 % респондентов отметили политическую волю и сильную власть президента [9].

Однако общественно-политическая система, где так много зависит от отдельных личностей, не является стабильной. Другие политические партии или группы будут пытаться использовать силу, применять давление для достижения контроля и власти. В таком обществе опасно быть вне власти.

Появлению конфликтных ситуаций могут способствовать также непреходящие, структурные и периферийные ценности. Непреходящие, заложенные в подсознании ценности (социокультурные, религиозные и др.) вызывали и вызывают противоречия на протяжении всего исторического развития

человечества, поскольку являются объективной основой большинства сфер деятельности общества. Структурные и периферийные ценности обусловлены специфическими особенностями конкретной общественно-политической системы. Они включают все те принципы, нормы и правила, которые служат фундаментом взаимоотношений между людьми, группами лиц и народами в рамках единого государства. Доминирование в общественных процессах сугубо национальных ценностей более всего ощущается в среде национальных меньшинств, имеющих в России статус политической автономии [5, 16].

Таким образом, общественно-политические трансформации российского общества имеют специфические особенности. У происходящих изменений нет исторических аналогов, поскольку они соответствуют модели инверсивного развития общественно-политической системы при отсутствии четкой политики возврата к устойчивому состоянию.

Социально-экономические изменения были кардинальными для экономики и очень болезненными для общества. Поспешный перевод централизованной государственной экономики на рыночные рельсы при неумелых действиях реформаторов привел к упадку ведущих отраслей промышленности и вызвал недовольство в обществе.

Стремительное обнищание больших социальных групп породило чувство напряженности и страха, большинству граждан не понятно, во имя чего они переносят такие трудности. Общество постепенно теряет интерес к политическим процессам, что позволило властной элите регулировать политические и экономические процессы по собственным схемам. Однако общество нуждается в четких ориентирах, достижение которых будет способствовать социальному, экономическому и политическому благополучию России.

Трансформация ментальности населения России

В результате трансформации форм собственности, изменения общественно-политической среды изменились и социокультурные условия жизни людей, углубилось социальное неравенство, появились новые социальные группы (предприниматели, свободные профессионалы, безработные и др.). Это потребовало эволюции ментальности населения, которая видоизменяется медленнее, чем экономическая действительность.

Здесь под ментальностью понимается совокупность присущих народу, проживающему в стране, социально-психологических установок, привычек сознания, способов видения мира, представлений людей, принадлежащих к той или иной социокультурной, этнической общности, способ мышления, в основе которого лежит система ценностей [1].

Ментальность формируется в процессе воспитания и обретения жизненного опыта. Различают ментальность отдельной личности, групповую и общенациональную при преобладании коллективной ментальности над ментальностью личности. Специалисты выделяют различные виды ментальности народа: политическую, экономическую, социальную, этническую, религиозную и др. Национальная ментальность интегрирует ментальности отдельных слоев и социальных групп в рамках государства-нации.

Когда изменяется система ценностей (их набор или иерархия), изменяется и ментальность народа в целом или его отдельных групп. Переходные периоды в общественно-экономической жизни общества сопровождаются нестабильностью общественного сознания.

Социологические исследования, проводившиеся в конце советского периода, выявляли следующие приоритетные цен-

ности россиян: доброжелательное отношение, независимость, творчество, надежное будущее, хороший заработок. Затем следуют такие ценности, как уважение людей, польза обществу, долг перед ним, не слишком тяжелый труд, профессиональное совершенствование. Эти ценности характеризуют стабильное советское общество в конце советского периода [8].

Экономические преобразования сопровождаются осознанием изменения социальных ориентиров. Уже в последние годы существования СССР основные ценности начали претерпевать значительные изменения: так, труд декларировался как главная ценность строителя коммунизма, однако уровень жизни населения мало зависел от его трудового вклада. Постепенно происходит вытеснение ценностей, поддерживаемых социалистической идеологией и замена их новыми.

На переходном этапе традиционные ценности сменились кризисными формами ментальности. Множество россиян переживают чувство пустоты, одиночества, покинутости, неудовлетворенности, жажду внутренней жизни, целостности.

В новых условиях в государстве, переживающем трудности развития, население не чувствует себя достаточно защищенным, возникают социальные страхи, ощущение социальной незащищенности. Эти переживания являются результатом распада структуры существовавшей российской ментальности, потери социальных ориентиров. Начинается отрицание ценностей советского периода и установок, которые лежали в основе советской ментальности. Создается новая российская ментальность, с новой ценностной структурой, изменились способы и формы восприятия действительности. Снижается значимость ценностей самопожертвования, следования традициям при распространении ценностей свободы, независимости, инициативности.

Появляются новые черты, например, принятие конкуренции. Отмечается возврат к традиционным ценностям (семья, здоровье, материальное благополучие).

Ценности связывают человека с социальной системой. В современном российском социуме присутствует несколько систем ценностей (традиционная, переходная и инновационная), формирующих соответствующую ментальность. Одни из них направлены на общинные, коллективистские формы жизнедеятельности, а другие — на обособленные, индивидуалистические.

Традиционная ментальность предполагает следование традициям, ее ценности более жестко регламентированы. Традиционной ментальности свойственно также предпочтение «равенства в бедности» «неравенству в богатстве», ожидание отеческой заботы от государства, особое отношение к российской державности.

Важным элементом российского типа культуры является также правовой нигилизм, государственный пиетет, самоограничение потребности политической свободы и чувство политической ответственности.

Инновационная ментальность предполагает менее закрытые отношения, активную позицию в жизни, рациональность, ориентацию на личные достижения. Ценности инновационной ментальности допускают больше свободы в жизни коллективных субъектов. Переходная ментальность не имеет четких ценностных ориентаций, образ мира более хаотичный и угрожающий, люди колеблются в своих выборах [7, 10, 17].

Данные социологических исследований ценностных составляющих российского менталитета [7, 8, 15] подтверждают, что человек и коллективный субъект выбирают новые социальные ценности для самоопределения, социальные роли, позиции для

идентификации, они акцентируются на новых социально-психологических качествах, востребованных в изменяющихся социально-экономических условиях. Происходит процесс частичной трансформации ментальности коллективного субъекта. При этом остаются неизменными базовые ценности. Остались устойчивыми традиционные ценности здоровья, семьи, работы, но смысловое наполнение этих ценностей несколько отличается от традиционного.

В традиционной ментальности здоровье связывалось с активным образом жизни, занятиями спортом. В настоящее время ведущая ценность «здоровье» не сочетается с ведением здорового образа жизни. В 60% случаев респонденты ассоциируют слово «здоровье» со словом «таблетки». Плохую службу в этом служит реклама лекарственных препаратов.

Несмотря на приоритетное положение ценности семьи, она также претерпевает заметные изменения, меняется ее смысл, программа семейных отношений. Современная семья предполагает развитие обоих супругов, оба родителя в большей степени стремятся к личностному росту, более дистанцируются. Уходит обязательное условие регистрации брака при создании семьи. «Один семейный кошелек» заменяется разделением материальных доходов.

В профессиональной сфере в традиционном понимании ценность «работы» согласовывалась с целью «на благо общества». В современных условиях цель работы состоит в достижении личного материального благополучия. Утверждается приоритет частных целей над общественными. Появилось стремление к «легким» деньгам, заработанным не всегда честным трудом. Наблюдается понижение общей профессиональной образованности при повышении амбиций и низкой социальной компетентности.

С изменением смысла работы поменялось значение работы и ее ценность. Слово «труд» ассоциируется не с общественно полезным трудом, а с доходами.

Дружественные связи стали похожи на дружбу, основанную больше на деловой полезности, чем на личной симпатии. Отношения становятся более дистанцированными. Сократилось количество друзей и время встреч.

Печать, радио, телевидение, Интернет также являются важным инструментом изменений ментальности современного общества. С использованием Интернета увеличился объем получаемой информации, скорость ее нахождения. Информация стала более доступной.

Как показывают опросы населения последних лет, приоритетными ценностями являются ценности безопасности, здоровья, семьи и высокооплачиваемой работы, при этом на первое место выходят проблемы выживания.

При трансформации ментальности возникли широкие ценностные разрывы между молодым и взрослым поколениями. Старшее поколение является представителем традиционного менталитета, ему присущ коллективизм, а молодежи – в большей степени индивидуализм. Молодое поколение готово меняться, быть активным, мобильным, поэтому постепенно утрачивает российскую менталь-

ность и приобретает ментальность кризисную. Цели жизни молодежи остаются в рамках традиционных ценностей – образование, работа, семья. При этом все большее значение придается карьере, материальному благополучию, высокооплачиваемой работе, т.е. материальной стороне жизни. Молодежь сейчас более ориентирована на собственные силы в решении проблем. Общей тенденцией является усиление значимости личностных ценностей по сравнению с общественными [13].

Ментальность народа не только объединяет, но и разделяет людей по разным, в том числе этническим, группам. Важнейшим свойством этнической формы ментальности является рост этнического самосознания и одновременный разрыв с русскими национальными культурными традициями. Ведущиеся на границах России внутригосударственные национальные войны специалисты определяют как «рост этничности».

Таким образом, в ментальности россиян произошли существенные изменения, отражающие разрушение коммунистической идеологии, изменение социального статуса и социальной роли значительной части населения при сохранении традиционных ценностей. Просматривается стремление к объединяющей общенациональной идее, носящей ценностный характер для большинства россиян.

Литература

1. Андреева, Е.А. О понятии ментальности/менталитета в современной России [Электронный ресурс] / Е.А. Андреева. – Томск: Томский областной краеведческий музей. – Режим доступа: <http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/andreeva1.htm>
2. Бессонова, О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации / О.Э. Бессонова. – М.: РОССПЭН, 2006.
3. Губарь, О.В. Национальные особенности трансформации собственности [Электронный ресурс] / О.В. Губарь // Вестник академии. – 2001. – №1. – Режим доступа: <http://профессор-экономики.рф/index.php>
4. Зеленко, Б.И. Партии и выборы в современной России / Б.И. Зеленко. – М.: Современная экономика и право, 2003.

5. Исхаков, В.Б. Общественно-политические трансформации в России на рубеже столетий: социально-политические аспекты / В.Б. Исхаков // Проблемы национальной стратегии. – 2010. – № 1 (2).
6. Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2005.
7. Карпова, Ю.А. Введение в социологию инноватики / Ю.А. Карпова. – СПб.: Питер, 2004.
8. Динамика ценностей населения реформируемой России / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.Ф. Наумова, А.Г. Здравомыслов. – М.: Едиториал УРСС, 1996.
9. Ледяев, В.Г. Социология власти: концептуальные проблемы / В.Г. Ледяев // Власть и элиты в современной России / под ред. А.В. Дуки. – СПб: 2003.
10. Лубский, А.В. Россия как цивилизация. Сайт Хронос. Всемирная история в Интернете [Электронный ресурс] / А.В. Лубский. – Режим доступа: <http://www.hrono.ru/statii/2003>
11. Львов, Д.С. Экономическая наука ищет своё лицо / Д.С. Львов // Экономическое обозрение. – 2002. – № 5.
12. Марьин-Островский, А.Н. Трансформация института собственности в современной России / А.Н. Марьин-Островский // Трансформация «политического» и социальные институты в современной России: сб. статей аспирантов факультетов прикладной политологии и социологии ГУ-ВШЭ. – М.: ГУ-ВШЭ, 2008.
13. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2007.
14. Петухов, В.В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян / В.В. Петухов // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6.
15. Пищик, В.И. Трансформация ценностно-смысловых составляющих менталитета населения юга России / В.И. Пищик // Вопросы психологии. – 2008. – № 3.
16. Семёнов, В.С. Россия в сети конфликтности / В.С. Семёнов // Социологические исследования. – 1993. – № 7.
17. Сикевич, З.В. Русское самосознание в начале XXI века / З.В. Сикевич // Русский менталитет и вызовы современности / Русское географическое общество. – СПб., 2011.
18. Шестопал, Е.Б. Перспективы демократии в сознании россиян / Е.Б. Шестопал // Общественные науки и современность. – 1996. – № 2.

Социально-экономическое положение «регионов-металлургов»: итоги 2011 года

В 2010 году ИСЭРТ РАН приступил к исследованию проблем бюджетной обеспеченности Вологодской области, оказавшейся самым уязвимым субъектом Российской Федерации с точки зрения воздействия мирового финансового кризиса на региональную экономику, развитие которой происходит в основном за счёт металлургического производства. Изучение направленности и степени действия кризисных последствий предопределило необходимость проведения сравнительного анализа социально-экономического положения Вологодской области с другими субъектами Российской Федерации, в которых проявляются важнейшие типологические характеристики регионов с металлургической специализацией, – Липецкой и Челябинской областями. Результаты этого анализа, выполненного в 2010 – 2011 гг., были опубликованы в изданиях ИСЭРТ РАН.*

В текущем году исследование данной проблемы в ИСЭРТ РАН было продолжено. В настоящей статье представлен анализ основных тенденций социально-экономического развития регионов-металлургов в 2011 году, служащий исходной базой для оценки состояния территориальных бюджетных систем.

Региональная экономика, чёрная металлургия, мировой финансовый кризис, финансовые результаты, промышленное производство, уровень жизни населения.

**Анна Ивановна
ПОВАРОВА**
научный сотрудник ИСЭРТ РАН
aip150663@yandex.ru

Металлургическая отрасль играет определяющую роль в формировании конечных экономических и финансовых результатов Вологодской, Липецкой и Челябинской областей. Предприятия чёрной металлургии занимают в среднем 60% в промышленном производстве, обеспечивают 60 – 80% прибыли и 60 – 90% экспортных ресурсов соответствующих территорий.

Особенностью металлургического комплекса является и то, что он выполняет функции основного наполнителя региональных бюджетов, формируя 50 – 70% поступлений налога на прибыль.

Как известно, мировой финансовый кризис в первую очередь ударил по экспортно-ресурсным регионам, в том числе со специализацией на чёрной металлургии,

* См.: Ильин В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на национальное и региональное развитие // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 3 (15). – С. 14-38; Поварова А.И. Влияние интересов собственников металлургической корпорации на финансовые результаты головного предприятия (на примере ОАО «Северсталь») // Там же. – 2011. – № 5 (17). – С. 36-51; Ильин В.А., Поварова А.И., Сычев М.Ф. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие: препринт. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012.

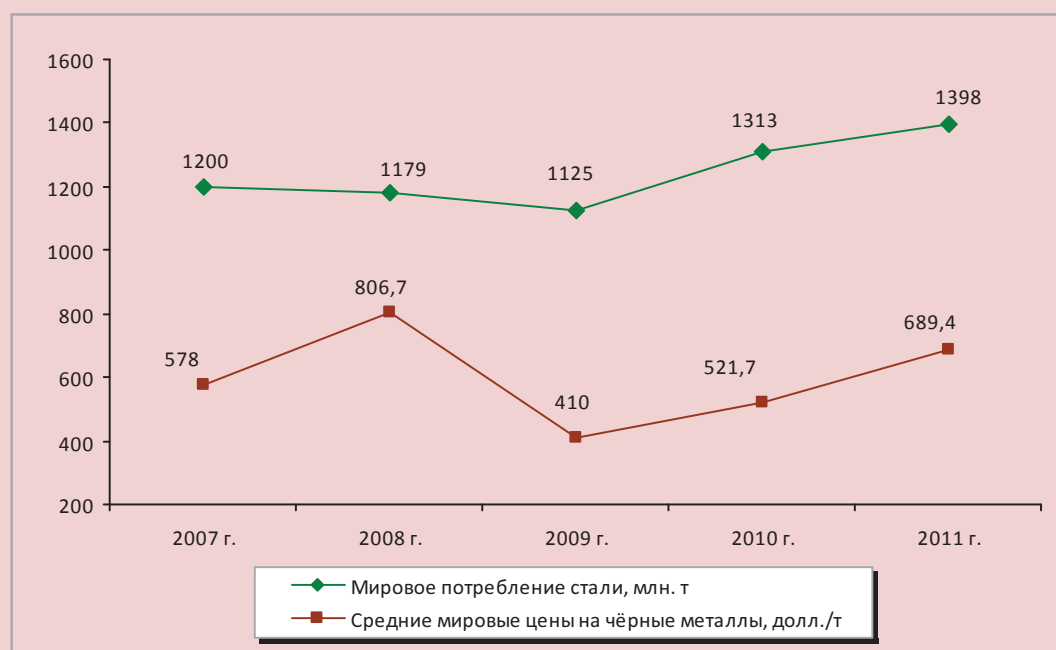
поскольку они наиболее тесно связаны с глобальной экономикой. В 2008 – 2009 годах спрос на продукцию металлургии на внешних рынках сократился на 4% по сравнению с 2007 годом, прежде всего, за счёт кризиса строительного, трубопрокатного и машиностроительного секторов, являющихся основными потребителями металлургической продукции. Экспортные цены на чёрные металлы, в 2008 году превышавшие 800 долларов за тонну, упали до 410 долларов или в два раза (рис. 1).

Ухудшение мировой конъюнктуры сопровождалось интенсивным свёртыванием

металлургического производства. По итогам 2011 года кризисный спад выпуска стали был восстановлен только в Липецкой области (табл. 1) благодаря значительному увеличению производственных мощностей Новолипецкого металлургического комбината, осуществлённому в рамках реализации программы технического перевооружения предприятия.

Резкое снижение объёмов производства в ключевой отрасли в 2009 году (13 – 18%) не позволило Липецкой и Челябинской областям выйти на докризисные показатели роста промышленности в целом.

Рисунок 1. Динамика мирового потребления стали и мировые цены на чёрные металлы в 2007 – 2011 гг.

Источник: Аналитика. Мировые цены [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.metaltorg.ru.

Таблица 1. Производство стали в субъектах РФ в 2007 – 2011 гг., млн. т

Субъект	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. к 2007 г., %
Вологодская область	11,9	11,1	9,5	11,1	11,35	95,4
Липецкая область	9,1	8,5	8,5	9,3	9,76	107,3
Челябинская область	20,0	18,2	15,2	17,7	17,8	89,0
Российская Федерация	72,37	68,7	59,36	66,9	68,5	94,7

Источники: данные Росстата; расчёты ИСЭРТ РАН.

Таблица 2. Индекс производства в субъектах РФ в 2007 – 2011 гг., % к предыдущему году

Субъект	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. к 2007 г., %
<i>Вологодская область</i>						
Промышленное производство	104,9	95,3	90,5	111,1	104,7	100,3
Металлургическое производство	105,9	91,5	90,2	113,8	105,2	98,8
<i>Липецкая область</i>						
Промышленное производство	103,7	100,1	85,0	110,7	102,9	96,9
Металлургическое производство	102,3	95,2	86,7	108,3	104,0	95,1
<i>Челябинская область</i>						
Промышленное производство	112,5	96,3	80,1	112,2	106,3	92,0
Металлургическое производство	107,3	90,2	81,8	117,7	105,2	98,0
<i>Российская Федерация</i>						
Промышленное производство	106,8	100,6	90,7	108,2	104,7	103,4
Металлургическое производство	104,5	97,8	85,3	112,4	102,9	96,5

Источники: данные Росстата; расчёты ИСЭРТ РАН.

Таблица 3. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал в субъектах РФ в 2007 – 2011 гг., % к предыдущему году

Субъект	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. к 2007 г., %
Вологодская область	103,8	85,9	71,5	96,9	153,4	91,3
Липецкая область	129,8	118,4	93,7	116,5	106,9	138,2
Челябинская область	126,9	113,8	79,4	99,2	106,2	95,2
Российская Федерация	122,7	109,9	84,3	106,0	108,3	106,4

Источники: данные Росстата; расчёты ИСЭРТ РАН.

В Вологодской области, где спад в металлургии был менее выражен (9,8%) и где заметно возрос выпуск продукции в лесопромышленном комплексе¹, уровень промышленного производства был восстановлен (табл. 2).

Инвестиционный спад оказался сильнее, чем промышленный, в подавляющем большинстве субъектов РФ, а не только в регионах с металлургической специализацией. Это было обусловлено сужением инвестиционной сферы – строительства, машиностроения, производства стройматериалов. Самым значительным сокращением инвестиций, начавшимся ещё в 2008 году, выделялась Вологодская область (табл. 3).

¹ По данным Росстата, в 2011 г. индекс производства в целлюлозно-бумажной отрасли составил 116,7%, в обработке древесины – 109,5%.

Итоги 2011 года свидетельствуют о том, что инвестиционный кризис в Вологодской и Челябинской областях ещё не завершён. Липецкая же область демонстрирует существенный инвестиционный рост за счёт реализации крупных проектов².

Одним из факторов, обусловивших сильнейший спад инвестиций в основной капитал в Вологодской области, стало сокращение государственных инвестиций из федерального бюджета (табл. 4).

² Согласно данным Правительства Липецкой области за 2011 г., в 8-ми особых экономических зонах регионального уровня зарегистрирован 31 участник с инвестиционным потенциалом 60 млрд. руб. и крупными проектами в сфере машиностроения, станкостроения, электроэнергетики. Липецкая область на протяжении семи лет входит в группу лидеров с минимальными рисками инвестирования (в 2011 г. – 3 место среди субъектов РФ). Доля инвестиций в ВРП вдвое превышает среднероссийский показатель и составляет более 41% (по РФ – 19%).

Таблица 4. Инвестиции из федерального бюджета субъектам РФ в 2008 – 2011 гг.

Субъект	2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		
	млрд. руб.	%*	млрд. руб.	%*	млрд. руб.	%*	млрд. руб.	в % к 2008 г.	%*
Вологодская область	2,7	0,4	3,1	0,3	2,6	0,3	1,5	57,5	0,1
Липецкая область	7,1	1,0	12,6	1,4	15,9	1,7	9,8	137,0	0,9
Челябинская область	10,0	1,4	9,0	1,0	10,0	1,1	11,2	112,1	1,1
Российская Федерация	701,2	100,0	917,2	100,0	915,1	100,0	1056,1	150,6	100,0

* Удельный вес в общем объёме инвестиций из федерального бюджета субъектам РФ.
Источники: данные Росстата; расчёты ИСЭРТ РАН.

Таблица 5. Прибыль прибыльных организаций субъектов РФ в 2007 – 2011 гг., млрд. руб.

Субъект	2007 г., млрд. руб.	2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		
		млрд. руб.	в % к 2007 г.	млрд. руб.	в % к 2008 г.	млрд. руб.	в % к 2009 г.	млрд. руб.	в % к 2010 г.	в % к 2007 г.
Вологодская область	75,8	99,5	131,3	37,7	37,9	43,8	116,2	41,9	95,7	42,1*
Липецкая область	69,2	104,9	151,6	39,0	37,2	51,5	132,1	57,8	112,2	55,1*
Челябинская область	138,5	68,7	49,6	66,4	96,6	76,8	115,7	53,8	70,0	38,8
Российская Федерация	6,4	5,4	84,4	5,8	107,4	7,35	126,7	8,55	116,6	133,6

* В % к 2008 году, в котором получен максимальный объём прибыли за 2007 – 2011 годы.
Источники: данные Росстата; расчёты ИСЭРТ РАН.

Как показывают данные таблицы 4, Вологодской области, наиболее пострадавшей от кризисных последствий, федеральный центр выделял минимальные суммы инвестиционных ресурсов, а всего за 2008 – 2011 годы объём инвестиций из федерального бюджета уменьшился почти в два раза. В то же время Липецкой области федеральные инвестиции в пик кризиса были увеличены вдвое. В Челябинской области также происходило наращивание капиталовложений из федерального бюджета.

Однако ключевым фактором инвестиционного кризиса явилось резкое ухудшение финансовых результатов деятельности хозяйствующих субъектов, вызванное снижением спроса на промышленную продукцию, недостаточным объёмом оборотных средств, необходимым для осуществления взаиморасчётов и платежей. В наибольшей степени оно затронуло регионы-металлурги, предприятия и организации которых в 2009 году потеряли 52 – 62% докризисных объёмов прибыли. В последующие

два года, несмотря на улучшение динамики прибыли, эти регионы так и не смогли компенсировать её кризисный спад. Напротив, в 2011 году в Вологодской и Челябинской областях он вновь усилился. По итогам года объём прибыли, полученной реальным сектором экономики Вологодской области, был на 60% ниже уровня 2008 года. Столько же прибыли недополучили хозяйствующие субъекты Челябинской области (табл. 5).

Безусловно, как и объёмы производства, финансовый результат деятельности промышленных предприятий данных регионов напрямую зависел от ситуации, складывавшейся в металлургическом комплексе.

Обвал цен на чёрные металлы, начавшийся со второй половины 2008 года, был настолько глубоким, что даже в 2011 году ведущие предприятия чёрной металлургии Вологодской, Липецкой и Челябинской областей не смогли выйти на докризисные объёмы продаж. Это кардинально изменило конечный финансовый результат металлургических предприятий (табл. 6).

В 2009 году чистая прибыль Череповецкого металлургического комбината (ЧерМК) уменьшилась на 41 млрд. руб. и составила чуть более 3% от её объёма в 2007 году. Последующие два года ЧерМК завершил с чистым убытком.

Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) в 2008 году потерял 80,5% чистой прибыли, что в 2009 – 2010 годах не позволило ему восстановить уровень 2007 года, а по итогам 2011 года был получен отрицательный чистый финансовый результат.

Новолипецкий металлургический комбинат (НЛМК) в 2007 – 2011 годах сработал прибыльно, однако в 2011 году объём чистой прибыли был в два раза меньше, чем в 2008 году.

Ухудшение финансового результата деятельности предприятий чёрной металлургии было вызвано не только неустойчивой рыночной конъюнктурой, но и высокой долговой нагрузкой, обусловленной эскалацией заимствований в период 2008 – 2009 годов. Обязательства по кредитам и займам на конец 2011 года выросли в 6 раз по сравнению с 2007 годом, а расходы на их обслуживание уменьшили налогооблагаемую прибыль НЛМК и ММК на 3,5 млрд. руб., ЧерМК – более чем на 10 млрд. руб.

Падение прибыли, естественно, повлекло за собой резкое снижение поступлений налога на прибыль, создав прямую угрозу наполняемости региональных бюджетов (табл. 7).

Таблица 6. Основные производственно-финансовые показатели деятельности металлургических комбинатов в 2007 – 2011 гг.

Показатели	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. к 2007 г., %
<i>Череповецкий металлургический комбинат</i>						
Объём продаж, тыс. т	10707	10044	8701	10142	10457	97,7
Чистая прибыль, (убыток), млрд. руб.	42,1	38,6	1,4	(39,6)	(1,9)	
Задолженность по кредитам, млрд. руб.	26,2	127,2	141,1	147,8	158,5	+6,0 п.
Процентные платежи, млрд. руб.	2,4	4,7	8,8	10,8	10,3	+4,3 п.
<i>Магнитогорский металлургический комбинат</i>						
Объём продаж, тыс. т	12205	10911	8764	10245	10645	87,2
Чистая прибыль, (убыток), млрд. руб.	51,7	10,1	27,4	24,4	(1,7)	
Задолженность по кредитам, млрд. руб.	17,2	24,2	39,3	72,9	107,7	+6,3 п.
Процентные платежи, млрд. руб.	1,2	1,1	1,6	2,3	3,5	+2,9 п.
<i>Новолипецкий металлургический комбинат</i>						
Объём продаж, тыс. т	9127	8927	9518	9508	8933	97,9
Чистая прибыль, (убыток), млрд. руб.	40,2	71,7	24,0	32,4	34,7	86,3
Задолженность по кредитам, млрд. руб.	19,4	63,5	62,0	78,6	105,9	+5,5 п.
Процентные платежи, млрд. руб.	0,1	2,0	2,1	3,2	3,7	+37,0 п.
Источники: годовые отчёты ОАО «Северсталь», ОАО «ММК» и ОАО «НЛМК» за 2007 – 2011 гг. (по РСБУ).						

Таблица 7. Налог на прибыль, поступивший от металлургического производства в консолидированные бюджеты субъектов РФ в 2008 – 2011 гг.

Субъект	2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		
	млрд. руб.	% *	млрд. руб.	% *	млрд. руб.	% *	млрд. руб.	в % к 2008 г.	% *
Вологодская область	11,1	51,0	0,6	12,5	4,4	41,0	4,3	38,7	35,8
Липецкая область	12,1	72,7	1,3	26,0	4,5	48,0	5,6	46,2	50,7
Челябинская область	13,2	43,3	-4,4	0	3,7	19,5	4,4	33,3	21,0
Российская Федерация	125,0	7,1	8,5	0,8	71,6	4,7	77,3	61,8	4,0
* Удельный вес в общем объёме налога на прибыль консолидированных бюджетов субъектов РФ. Источники: данные Росстата; расчёты ИСЭРТ РАН.									

Металлургические предприятия, выполнявшие до кризиса роль основных мобилизаторов налога на прибыль в территориальные бюджеты, в 2009 году оказались лидерами спада в поступлении данного дохода. Так, в Вологодской и Липецкой областях платежи налога на прибыль составили всего 5 – 10% от уровня 2008 года. Metallургические предприятия Челябинской области и вовсе не вносили в бюджет налог на прибыль, напротив, региональный бюджет возвратил им образовавшиеся в период кризиса переплаты по налогу.

В 2011 году металлургическое производство так и не восполнило потери, понесённые в период кризиса. Поступления налога на прибыль в регионах-металлургах не составили и половины от объёмов его поступлений в 2008 году.

Промышленный и инвестиционный спад привёл к замедлению экономического роста субъектов Российской Федерации. По итогам 2011 года только Липецкой области удалось преодолеть кризисное падение валового регионального продукта (ВРП) за счёт увеличения инвестиций в основной капитал. Вологодская и Челябинская области в 2011 году демонстрировали ускорение динамики ВРП. Вместе с тем в 2009 году в этих регионах был отмечен самый сильный в стране спад ВРП, который не позволил восстановить докризисные темпы экономического роста: ВРП Вологодской и Челябинской областей в 2011 году вырос на 6%, а в 2009 году сократился на 13 – 14% (табл. 8).

В 2011 году в Российской Федерации и её субъектах зафиксирован минимальный уровень потребительской инфляции, сложившийся под воздействием как монетарных (замедление темпов прироста денежного предложения, начавшееся в конце 2010 года), так и немонетарных (стабильный курс рубля, медленное увеличение ВВП, высокий урожай сельхозпродукции) факторов.

Рассматривая динамику инфляционных процессов за период 2007 – 2011 годов, нетрудно заметить, что главной причиной их замедления в 2011 году стал значительно более низкий темп прироста цен на продовольственные товары (табл. 9).

Прирост потребительских цен в Вологодской и Липецкой областях составил соответственно 5,7 и 4,7%, что ниже среднего показателя в Российской Федерации. В Челябинской области прирост цен был заметно выше в группе и продовольственных, и непродовольственных товаров.

Главную же основу для инфляционного роста цен создаёт повышение стоимости услуг жилищно-коммунального хозяйства. За 2007 – 2011 годы при росте инфляции в 1,4 раза жилищно-коммунальные услуги подорожали в 1,7 раза.

Отличительной чертой 2010 – 2011 годов явилось быстрое восстановление потребительского рынка (табл. 10). Вместе с тем оборот розничной торговли в регионах-металлургах в 2011 году по сравнению с 2007 годом, как и в целом по России, увеличился несущественно – 2 – 9% против 16 – 20%.

Таблица 8. Индекс физического объёма валового регионального продукта в субъектах РФ за 2007 – 2011 гг., % к предыдущему году

Субъект	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. к 2007 г., %
Вологодская область	105,1	96,7	87,1	105,7	106,0	94,4
Липецкая область	108,0	103,6	93,5	104,0	105,6	106,4
Челябинская область	113,4	101,5	85,9	106,0	105,8	97,8
Российская Федерация	108,3	105,7	92,4	104,6	104,3	106,6

Источники: данные Росстата; правительств Вологодской, Челябинской областей; администрации Липецкой области.

Таблица 9. Темпы прироста потребительских цен в субъектах РФ в 2007 – 2011 гг., (декабрь к декабрю предыдущего года, %)

Субъект	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2007 – 2011 гг.
<i>Вологодская область</i>						
<i>Все товары и услуги</i>	12,7	14,3	7,2	9,2	5,7	41,4
Продовольственные товары	16,4	17,6	4,4	12,9	2,6	42,2
Непродовольственные товары	6,1	9,0	8,8	5,4	7,4	34,2
Услуги ЖКХ	16,7	17,1	20,5	7,4	13,6	72,1
<i>Липецкая область</i>						
<i>Все товары и услуги</i>	13,6	16,0	8,7	8,1	4,7	42,7
Продовольственные товары	19,1	17,5	4,8	12,7	2,5	42,2
Непродовольственные товары	8,5	12,2	10,8	4,1	7,3	38,9
Услуги ЖКХ	14,3	21,9	20,2	13,9	7,2	78,9
<i>Челябинская область</i>						
<i>Все товары и услуги</i>	11,0	12,8	8,6	9,6	8,3	45,4
Продовольственные товары	16,1	16,1	5,3	11,5	5,3	43,5
Непродовольственные товары	5,7	6,4	10,7	8,4	9,8	40,2
Услуги ЖКХ	15,2	20,3	11,1	19,7	12,9	80,5
<i>Российская Федерация</i>						
<i>Все товары и услуги</i>	11,9	13,3	8,8	8,8	6,1	42,3
Продовольственные товары	15,6	16,5	6,1	12,9	3,9	45,0
Непродовольственные товары	6,5	8,0	9,7	5,0	6,7	32,5
Услуги ЖКХ	14,0	16,4	19,6	12,95	11,7	75,6

Источники: данные Росстата; расчёты ИСЭРТ РАН.

Таблица 10. Индекс физического объема оборота розничной торговли в субъектах РФ в 2007 – 2011 гг., % к предыдущему году

Субъект	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. к 2007 г., %
Вологодская область	118,0	108,5	89,4	116,3	106,0	119,6
Липецкая область	120,0	117,3	100,0	106,9	109,2	136,9
Челябинская область	119,1	120,1	93,0	100,8	101,7	114,5
Российская Федерация	116,1	113,5	95,1	106,3	107,2	123,0

Источники: данные Росстата; расчёты ИСЭРТ РАН.

Таблица 11. Кредиты, предоставленные физическим лицам в субъектах РФ в 2009 – 2011 гг., млрд. руб.

Субъект	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. к 2009 г., раз
Вологодская область	12,0	23,0	40,2	3,4
Липецкая область	9,8	25,0	29,5	3,0
Челябинская область	33,7	87,6	136,1	4,0
Российская Федерация	2613,6	3649,1	5438,6	2,1

Источники: данные Банка России; расчёты ИСЭРТ РАН.

Внутренний потребительский спрос в основном поддерживался за счёт интенсивного роста спроса на потребительские кредиты.

Номинальный объём кредитов, выданных населению рассматриваемых регионов Российской Федерации в 2009 – 2011 годах, увеличился в 3 – 4 раза (табл. 11).

В период же экономического роста основным двигателем внутреннего потребительского спроса была высокая динамика денежных доходов населения.

Прирост средней номинальной начисленной заработной платы в регионах-металлургах составлял 23 – 27% ежегодно. В 2009 году эта тенденция была прервана – темпы прироста средней заработной платы упали до 1,3 – 3,7%, а по итогам 2010 – 2011 годов они так и не вернулись к докризисным показателям (табл. 12).

Необходимо отметить, что, несмотря на наличие крупнейших предприятий чёрной металлургии, уровень средней заработной платы в Вологодской, Липецкой и Челябинской областях ниже среднего уровня по России. Дело в том, что большая часть населения этих регионов занята на низкооплачиваемых работах. Так, по статистическим данным, в 2011 году в металлургическом производстве, где заработная плата в 1,3 – 1,8 раза превышала средний уровень по экономике, работало всего 5,5 – 6,5% от численности занятых.

В сельском же хозяйстве, торговле и бюджетной сфере трудилось более 40% работников. Между тем оплата труда в этих отраслях составляла 60 – 80% от среднего по экономике регионов уровня.

Снижение темпов роста заработной платы оказало существенное влияние на динамику реальных доходов населения. Их рост в докризисный период (более чем на 12% ежегодно) в 2009 году в Липецкой области замедлился до 6%. В Вологодской и Челябинской областях впервые за последние десять лет темпы прироста реальных доходов населения перешли в область отрицательных значений (табл. 13).

В 2010 году кризисный спад реальных доходов был преодолен благодаря повышению пенсий и пособий, профинансированному из федерального бюджета. В 2011 году началось повторное падение реальных доходов населения, и по итогам года Вологодская область, в которой снижение денежных доходов фиксировалось ещё в 2008 году, так и не смогла восстановить их докризисный уровень.

Таблица 12. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в субъектах РФ в 2007 – 2011 гг.

Субъект	2007 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		
	тыс. руб.	в % к 2006 г.	тыс. руб.	в % к 2007 г.	тыс. руб.	в % к 2008 г.	тыс. руб.	в % к 2009 г.	тыс. руб.	в % к 2010 г.	в % к РФ
Вологодская область	12,9	121,1	16,1	124,8	16,6	102,8	18,5	111,9	20,7	111,5	87,9
Липецкая область	10,9	126,3	13,4	122,6	13,9	103,7	15,4	111,2	17,2	111,5	73,1
Челябинская область	11,9	127,2	14,8	124,6	15,0	101,3	17,4	115,6	20,2	116,5	86,0
Российская Федерация	13,6	127,8	17,3	127,2	18,6	107,8	21,0	112,4	23,5	112,3	100,0

Источники: данные Росстата; расчёты ИСЭРТ РАН.

Таблица 13. Реальные располагаемые денежные доходы населения субъектов РФ в 2007 – 2011 гг., % к предыдущему году

Субъект	Средние темпы роста за 2000 – 2007 гг., %	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. к 2007 г., %
Вологодская область	112,4	98,7	89,9	108,3	98,9	95,0
Липецкая область	112,6	109,0	106,0	102,0	100,4	118,3
Челябинская область	112,6	115,0	97,0	102,0	97,2	110,6
Российская Федерация	111,9	102,3	102,1	104,1	100,8	108,7

Источники: данные Росстата; расчёты ИСЭРТ РАН.

Снижение доходов населения в металлургических регионах, и прежде всего в городах, где расположены головные мощности крупнейших металлургических холдингов, обусловлено не только затянувшимся спадом производства, но и отчасти тем, что в период кризиса владельцы металлургических предприятий снижали издержки путём сокращения численности работников. За 2007 – 2011 годы численность занятых на Череповецком металлургическом комбинате сократилась на 9,5 тыс. человек или на треть. Всего же в городе Череповце численность работающих за этот же период уменьшилась на 10,7 тыс. человек. Получается, что высвобожденные с ЧерМК работники составили почти 90% в общей численности сокращённых в городе. На Магнитогорском и Новолипецком комбинатах сокращение занятых было не таким масштабным – в среднем на 13%, а уволенные работники составили

соответственно 21 и 38% от количества высвобожденных в городах Магнитогорске и Липецке (табл. 14).

Кроме того, на снижение доходов населения регионов-металлургов повлиял высокий уровень скрытой или вынужденной безработицы (табл. 15).

Масштабы неполной занятости были максимальными в 2009 году. Повышенным уровнем скрытой безработицы выделялась Челябинская область. В 2011 году неполная занятость в регионах-металлургах сократилась по сравнению с 2009 годом, но её показатели остаются высокими, тем самым подтверждая, что рынки труда ещё не восстановились после кризиса. В Вологодской области уровень скрытой безработицы ниже, чем в двух других регионах, что объясняется высокой занятостью на общественных и временных работах (в 2011 году – 0,9% от общей численности занятых против 0,1% в Челябинской области и в целом по стране).

Таблица 14. Среднесписочная численность работников в городах-металлургах за 2007 – 2011 гг., чел.

Показатели	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	Итого за 2007 – 2011 г.	
						чел.	%
<i>г. Череповец</i>							
Общая численность занятых	141575	137479	125056	130057	130861	-10714	-7,6
Численность занятых на ЧерМК	32184	29507	24296	22905	22683	-9501	-29,5
<i>г. Магнитогорск</i>							
Общая численность занятых	147013	146776	138150	135326	131509	-15504	-10,5
Численность занятых на ММК	25015	24123	22334	21612	21813	-3202	-12,8
<i>г. Липецк</i>							
Общая численность занятых	н.д.	175931	165616	164485	163641	-12290	-7,0
Численность занятых на НЛМК	35107	33227	31666	30566	30439	-4668	-13,3
Источники: данные Росстата; официальных сайтов мэрии г. Череповца; администраций г. Липецка и г. Магнитогорска; годовых отчётов ОАО «Северсталь», «ММК» «НЛМК»; расчёты ИСЭРТ РАН.							

Таблица 15. Неполная занятость в регионах-металлургах в 2009 – 2011 гг. (% от численности экономически активного населения)

Субъект	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Вологодская область	2,8	1,5	1,4
Липецкая область	2,9	1,9	2,2
Челябинская область	5,2	3,5	2,5
Российская Федерация	2,7	1,5	1,4
Источники: данные Росстата; расчёты ИСЭРТ РАН.			

Таблица 16. Численность населения субъектов РФ с доходами ниже прожиточного минимума

Субъект	2007 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		2007 – 2011 гг.	
	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*
Вологодская область	182,1	14,8	193,1	15,8	224,7	18,4	208,0	17,2	214,0	17,8	+31,9	+17,5
Липецкая область	125,1	10,7	119,8	10,3	112,3	9,7	117,2	10,0	120,9	10,3	-4,2	-3,4
Челябинская область	410,8	11,7	375,4	10,7	382,4	10,9	361,5	10,4	392,8	11,3	-18,0	-4,4
Россия, млн. чел.	18,7	13,3	18,9	13,4	18,5	13,2	17,9	12,6	18,1	12,8	-0,6	-3,2

* В % от общей численности населения.
Источники: данные Росстата; расчёты ИСЭРТ РАН.

Таблица 17. Общая численность безработных в субъектах РФ в 2007 – 2011 гг.

Субъект	2007 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.	
	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*
Вологодская область	27,0	4,1	38,6	5,9	53,1	7,9	52,0	7,9	47,0	7,3
Липецкая область	16,6	2,8	29,9	4,9	34,3	5,6	27,7	4,5	27,8	4,5
Челябинская область	44,3	2,5	82,2	4,4	150,7	8,0	143,9	7,6	127,7	6,7
Россия, млн. чел.	4589	6,1	4792	6,3	6373	8,4	5636	7,5	4870	6,5

* В % от численности экономически активного населения.
Источники: данные Росстата; расчёты ИСЭРТ РАН.

Низкие темпы роста реальных денежных доходов не позволили обеспечить существенного уменьшения экономической бедности населения (табл. 16). В 2007 – 2011 годах в Липецкой и Челябинской областях доходы ниже прожиточного минимума имели 10 – 11% населения. В Вологодской области зафиксирована самая высокая численность малообеспеченных граждан, которая за 2007 – 2011 годы увеличилась на 32 тыс. человек или на 17,5%. Это связано с кризисным падением реальных денежных доходов (первое место в РФ по итогам 2009 года), сохраняющимся высоким уровнем безработицы (6,7% при среднем уровне по РФ 6,3% в декабре 2011 г.), а также мораторием на индексацию и повышением оплаты труда в бюджетных отраслях за счёт средств регионального бюджета в 2009 – 2010 годах.

В большей степени, чем на доходы населения, кризис повлиял на его занятость. Сократился спрос на рабочую силу, в первую очередь в обрабатывающей промышленности, что мы уже видели на примере ведущих металлургических комбинатов.

Уже в 2008 году ухудшение параметров безработицы стало очевидным, а в 2009 – 2010 годах эта проблема приобрела застойный характер (табл. 17).

В 2011 году состояние рынка труда несколько улучшилось благодаря масштабной поддержке занятости из федерального бюджета. В то же время в региональном разрезе показатели рынка труда дифференцированы. Вологодская и Челябинская области отличались более быстрым ростом безработицы в период кризиса и медленным её снижением на стадии выхода из него, что указывает на сохраняющиеся проблемы рынка труда. Липецкая область характеризовалась одним из самых низких уровней безработицы не только среди регионов с металлургической специализацией, но и среди других субъектов РФ. Во многом этому способствовала, как уже было сказано, реализация крупных инвестиционных проектов, что позволило создать новые рабочие места³.

³ По данным Правительства Липецкой области, в 2011 г. только в ОЭЗ «Липецк» было введено в эксплуатацию четыре предприятия с количеством рабочих мест 1,7 тыс.

Подводя итоги, можно заключить, что воздействие кризиса на экономику регионов с чёрнометаллургической специализацией, крайне зависимую от мировой конъюнктуры, было настолько глубоким, что и в 2011 г. по динамике основных показателей эти регионы значительно отставали от страны в целом.

Анализ производственно-финансовых результатов пока не позволяет говорить о преодолении кризисных явлений в промышленном, прежде всего металлургическом, производстве, об увеличении инвестиций в основной капитал. Проблемными

зонами являются финансовое состояние базовых металлургических предприятий, повышенная скрытая безработица, стагнация денежных доходов населения.

Очевидно, что монопрофильная экономика остаётся долгосрочным негативным фактором социально-экономического развития Вологодской, Липецкой и Челябинской областей.

Ухудшение основных макроэкономических параметров изменило ситуацию в бюджетной сфере и отразилось на уровне бюджетной обеспеченности регионов. Но это тема следующей публикации.

Литература

1. Буданов, И.А. Экономические условия перспективного развития металлургии в России / И.А. Буданов // Проблемы прогнозирования. — 2011. — № 5. — С. 48–64.
2. Зубаревич, Н. Выход из кризиса: региональная проекция / Н. Зубаревич // Вопросы экономики. — 2012. — № 4. — С. 64–84.
3. Иогман, Л.Г. Прогноз социально-экономического развития Вологодской области на 2012 – 2014 гг.: доклад на публичных слушаниях 8.11.2011. — 16 с.
4. Итоги социально-экономического развития Липецкой области за 2011 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.admlr.lipetsk.ru/rus/bus/eco.php>
5. Кудрин, А. Последствия кризиса и перспективы социально-экономического развития России / А. Кудрин, О. Сергиенко // Вопросы экономики. — 2011. — № 3. — С. 4–19.
6. Мониторинг об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2011 году [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/mines/activity/sections/macro/monitoring/doc20120202_05
7. Основные показатели социально-экономического развития Челябинской области за 2011 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.econom-chelreg.ru/>
8. Отчёт о результатах деятельности мэрии города в 2011 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт мэрии г. Череповца. — Режим доступа: <http://mayor.cherinfo.ru/u/pages/2012/05/03/>
9. Поварова, А.И. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на результаты деятельности головного предприятия / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2010. — № 5 (17). — С. 36–51.
10. Райская, Н.Н. Некоторые аспекты посткризисного развития российской экономики / Н.Н. Райская, Я.В. Сергиенко, А.А. Френкель // Вопросы статистики. — 2012. — № 5. — С. 25–31.

Антиинновации как фактор макроэкономической нестабильности (на примере производных финансовых инструментов)

В основе теории инновационного развития экономики лежит понятие «инновация», под которым понимаются нововведения, оказывающие прогрессивное влияние на развитие общества. Вместе с тем границы человеческой изобретательности зачастую выходят за пределы общественной пользы, порождая интеллектуальный продукт, непосредственно не связанный с общественным прогрессом. В этой связи возникают такие категории, как «псевдоинновация» и «антиинновация», переносящие инновационную тематику из исключительно конструктивного толкования в плоскость критического восприятия. В представленной статье на примере производных финансовых инструментов исследуется процесс трансформации внедренной для повышения надежности рынка инновации в свою противоположность — заметный фактор формирования нестабильности современных финансовых рынков.

Инновация, инновационное развитие, финансовые рынки.

**Геннадий Анатольевич
ЩЕРБАКОВ**

кандидат экономических наук, заместитель Председателя Правительства Калининградской области
G. Shcherbakov@mail.ru

В основе теории инновационного развития экономики находится понятие «инновация» (нововведение), которое основоположник теории Й. Шумпетер трактует как новую научно-организационную комбинацию производственных факторов, мотивированную предпринимательским духом.

Австрийский экономист еще в начале XX века определил, что инновации могут являться инструментом противодействия экономическим спадам и что источником увеличения рентабельности бизнеса могут быть не только снижение себестоимости и манипуляции с ценами, но и смена продукции в соответствии с изменяющимся спросом и готовностью рынка принять новый товар.

В своей работе «Теория экономического развития» он отмечал: «Под предприятием мы понимаем осуществление новых комбинаций, а также то, в чем эти комбинации воплощаются: заводы и т. п. Предпринимателями же мы называем хозяйственных субъектов, функцией которых является как раз осуществление новых комбинаций и которые выступают как его активный элемент». Й. Шумпетер характеризует предпринимателя при помощи таких понятий, как инициатива, авторитет, дар предвидения и пр., приводя в подтверждение «известное определение, восходящее к Ж.-Б. Сэю: функция предпринимателя состоит в том, чтобы соединять, комбинировать факторы производства» [7, с. 169, 170, 171].

Под «осуществлением новых комбинаций» в шумпетерианской теории подразумеваются следующие виды деятельности:

- создание нового, ранее не известного потребителям блага или достижение нового качества указанного блага;
- внедрение нового производственного метода, появление которого не обязательно связано с научным открытием, а может даже заключаться в другом виде коммерческого использования товара;
- выход на новый рынок сбыта, где отрасль промышленности еще не была представлена, вне зависимости от того, существовал ли он ранее;
- получение нового источника сырья или полуфабрикатов, независимо от того, существовал ли он ранее, или считался недоступным, или не принимался во внимание;
- проведение необходимой реорганизации, например достижение монопольного положения, а также подрыв аналогичного положения на рынке другого предприятия [7, с. 159].

Последователи инновационной теории существенно расширили вышеуказанное понимание инноваций, дополнив его нововведениями в области технологии, техники, организации труда и управления, базирующимися на использовании передового опыта и достижений науки (Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский [4, с. 136]), запуском в производство нового продукта, внедрением нового производственного метода или применением нового вида организации бизнеса, предприятия (К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю [3, с. 391]), которые воспринимаются потребителем как принципиально новые или обладающие определенными уникальными свойствами (Ф. Котлер [2, с. 589]). Ю. Яковец подразумевает под инновацией внесение в различные виды деятельности человека новых элементов (способов, видов), улучшающих резуль-

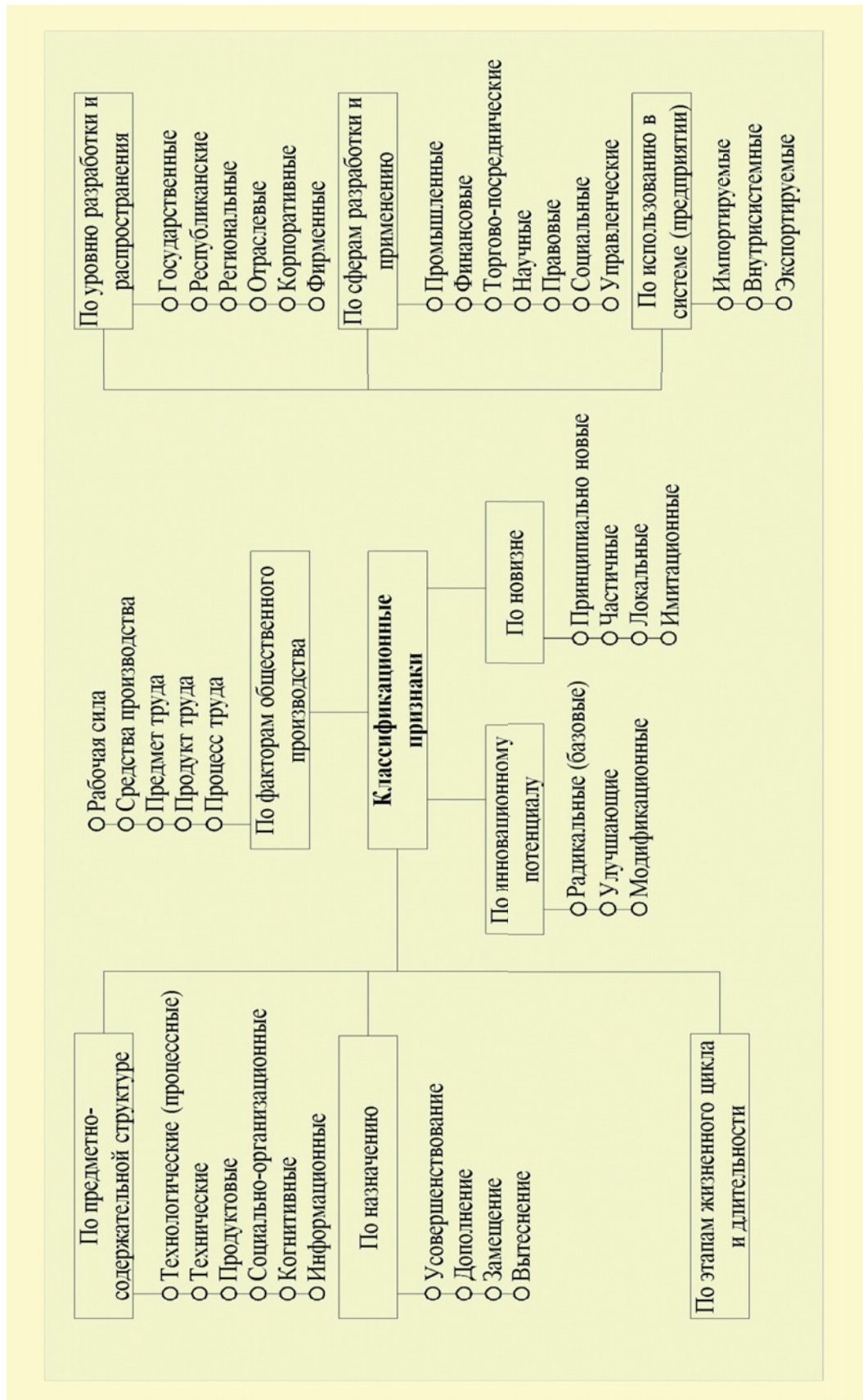
тативность такой деятельности [8, с. 9]. Исключительно прагматичный подход демонстрирует Б. Твисс, рассматривающий инновацию в качестве процесса, в котором идея или изобретение получает экономическое содержание [5]. Созвучную по содержанию трактовку дает А. Акаев, называющий инновацию знанием, воплощенным в коммерческий продукт [1, с. 141-162].

Таким образом, под инновацией подразумевается объект, не только запущенный в производство, но и эффективно внедренный в рынок и приносящий прибыль. В результате научного открытия или проведения исследования указанный объект качественно отличается от своего прототипа.

Особо важной для уяснения содержания понятия «инновации» является их классификация, правильное построение которой имеет существенное значение для выработки методов управления инновационным процессом. Одна из попыток такой классификации представлена на *рисунке 1*, однако, несмотря на возможные достоинства, она, как и многие другие, не может претендовать на то, чтобы считаться исчерпывающей и общепризнанной. Причина, вероятно, кроется в динамике развития инновационной науки, постоянно пополняющейся новыми научными наблюдениями и формулировками.

Как правило, при описании инновации речь идет о нововведениях, имеющих целью общественную полезность и оказывающих прогрессивное влияние на развитие общества. Вместе с тем границы человеческой изобретательности зачастую выходят за пределы общественной пользы, порождая интеллектуальный продукт, непосредственно не связанный с общественным прогрессом. В этой связи возникают такие категории, как «псевдоинновация» и «антиинновация», переносящие инновационную тематику из исключительно конструктивного толкования в плоскость критического восприятия.

Рисунок 1. Расширенная классификация инноваций

Псевдоинновация — понятие, выделенное немецким экономистом Г. Меншем [11], считавшим, что движение от одного технологического пата к другому совершается посредством перехода от базисных нововведений к улучшающим и далее к псевдоинновациям. Последняя категория обобщает тупиковые направления человеческой предприимчивости и изобретательности, направленные на некоторое улучшение и продление агонии отживающих в своей основе, обреченных на уход с исторической сцены технологий, общественных институтов и систем. В некоторых случаях это может дать «новое дыхание» устаревшему институту, вывести его на новый этап развития. Но обычно они продиктованы консерватизмом действия, силой привычки и по причине торможения общественного прогресса обречены на неудачу. Псевдоинновации, как правило, реализуются на заключительном этапе жизненного цикла отживающей системы, которая исчерпала в целом свой потенциал, однако всячески сопротивляется замещению более прогрессивной системой, пытается с помощью имитации обновления сохранить свое место в новом нарождающемся экономическом порядке [8, с. 16-17].

Антиинновация — категория, введенная российским ученым Ю.В. Яковцом для определения нововведений, имеющих регрессивный характер, влекущих частичную деградацию в той или иной области человеческой деятельности [8, с. 17].

Указанные инновации, в отличие от других видов нововведений, представляют собой внедренные в хозяйственную практику интеллектуальные продукты, имеющие краткосрочный экономический эффект, но в перспективе оказывающие крайне негативное воздействие на динамику экономического роста. Одним из примеров может послужить внедрение в

финансовые и фондовые рынки производных финансовых инструментов, ставших за последние два десятилетия ощутимыми факторами макроэкономической нестабильности.

Сами деривативы и построенные на них схемы финансирования являются лишь финансово-юридическими инструментами, которые подобно разным способам лечения могут принести как благо, так и вред. Последнее выражается в неконтролируемом росте объемов операций с вторичными (производными) ценными бумагами, что подрывает устойчивость финансовых рынков и в целом негативно влияет на стабильность мировой хозяйственной системы.

Кроме того, следует учитывать порочность указанной деятельности как таковой, когда участники рынка одновременно производят взаимоисключающие действия: создают неустойчивость и продают страховые инструменты против нее.

Сущность понятия «производные финансовые инструменты» заключается в создании фиктивной стоимости, «произведенной» от основного ликвидного актива, каждая новая операция с которым оформляется новым финансовым инструментом, отстоящим все дальше от первоначального обязательства.

Наиболее распространены нижеследующие финансовые инновации [6, с. 80-89].

- Процентные и валютные свопы (Interest-Rate and Cross Currency Swaps) — финансовые продукты, предоставляющие возможность обмена денежного потока в форме плавающей ставки, увеличенной или уменьшенной на некоторую маржу¹, на денежный поток в иной или той же валюте, выраженный в форме фиксированной ставки².

¹ Например, ставка Libor на 3 месяца по фунтам стерлингов плюс 300 базисных пунктов.

² Например, 4% годовых в долларах США.

Первые сделки с использованием процентного свопа были разработаны и проведены банкирами JPMorgan в середине 1980-х гг. Предшественниками процентных и валютных свопов, во многом определившими спрос на них, стали специальные условия, появившиеся в отношении ставок купонов по выпускам облигаций с плавающей ставкой (Floating Rate Notes). В условиях доминирования низкой процентной ставки в середине 1980-х гг. у крупных корпоративных заемщиков появилась необходимость застраховаться от потенциального увеличения референсных процентных ставок в будущем, которое могло повлечь повышение затрат на обслуживание их долговых обязательств, привязанных к плавающим процентным ставкам. Для решения этой задачи инвестиционные банки, готовящие выпуск бумаг для клиента и собирающие синдикат инвесторов, стали организовывать выпуски облигаций с плавающей ставкой, у которых есть предельное ограничение (Cap) на размер общей ставки купона.

- **Базисный своп (Basis Swap)** – финансовый инструмент, позволяющий контрагентам обмениваться денежными потоками, привязанными либо к разным референсным ставкам, либо к одной и той же ставке, котируемой для разных сроков. Примером может служить обмен денежными потоками, привязанными к ставке Libor в долларах США на 3 и 6 месяцев соответственно.

- **Кредитные свопы (Credit Default Swap, CDS)** – финансовые продукты, перераспределяющие кредитные риски, свойственные некоторым инструментам (обязательствам), в т. ч. кредиты и облигации. Покупатель кредитного свопа приобретает защиту от кредитного риска, а продавец кредитного свопа гарантирует надежность базового обязательства. Таким образом, риск дефолта по базовому инструменту

полностью или частично передается от его держателя (кредитора или владельца облигаций) к продавцу кредитного свопа. Вместе с тем продавцу кредитного свопа также свойствен определенный кредитный риск, то есть риск его неспособности выполнить свои обязательства по кредитному свопу, поэтому покупатель кредитного свопа приобретает защиту от кредитных рисков по базовому обязательству и принимает на себя риск исполнения обязательств по кредитному свопу его продавцом (рис. 2).

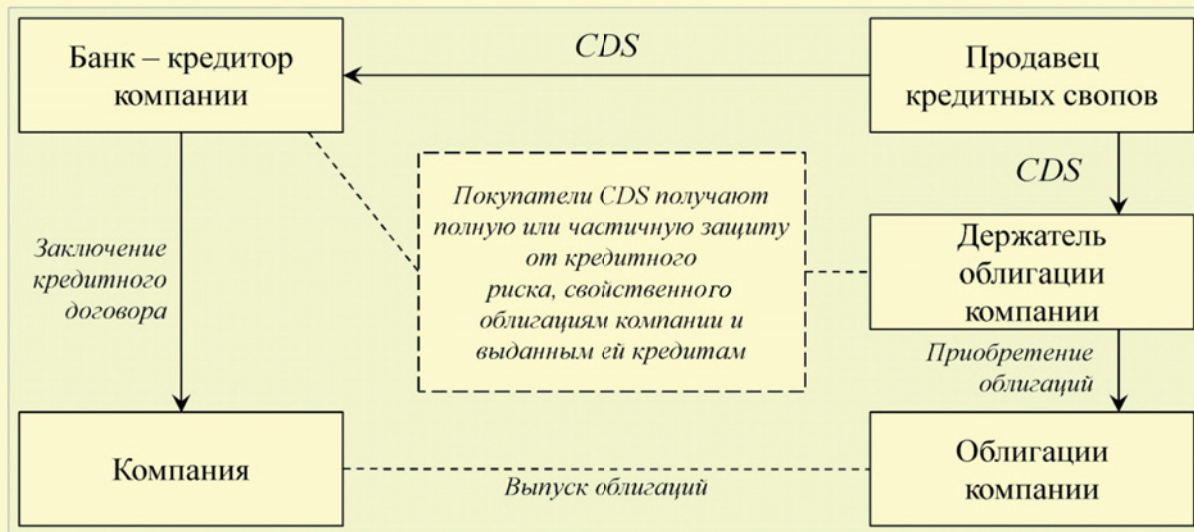
Облигации, обеспеченные долговыми обязательствами (Collateralised Debt Obligation, CDO), – финансовые инструменты, исполнение обязательств по которым обеспечено определенным портфелем облигаций, кредитов или других базовых активов (рис. 3)³.

Как правило, облигации, обеспеченные долговыми обязательствами, выпускаются несколькими траншами, субординированными по отношению друг к другу. Младшим траншам присущ более высокий риск неисполнения обязательств по сравнению со старшими траншами, обязательства по которым исполняются в преимущественном порядке. Такой механизм перераспределения рисков позволяет старшим траншам получить высокие рейтинги инвестиционного уровня, превышающие рейтинги базовых активов.

Кондуиты (Asset Backed Commercial Paper Conduits). Наличие спроса крупных инвесторов на производные ценные бумаги с высокой степенью защиты от кредитных рисков и другими заданными параметрами привело к появлению техники

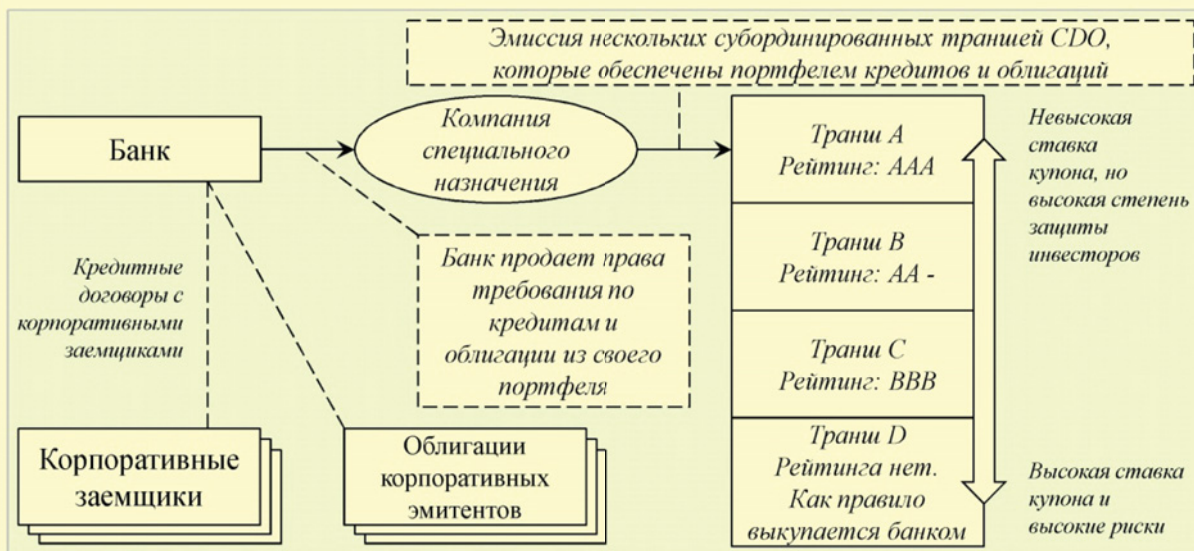
³ Частным случаем CDO являются синтетические облигации (Synthetic Collateralised Debt Obligations), обеспеченные долговыми обязательствами, исполнение обязательств по которым полностью или частично обеспечено портфелем кредитных свопов и других производных финансовых инструментов, цена которых зависит от портфеля прочих базовых активов.

Рисунок 2. Примеры использования кредитных свопов (CDS)

Источник (включая рис. 3, 4): Финансовый кризис в России и в мире / под ред. Е.Т. Гайдара. – М.: Проспект, 2009. – С. 83, 84, 87.

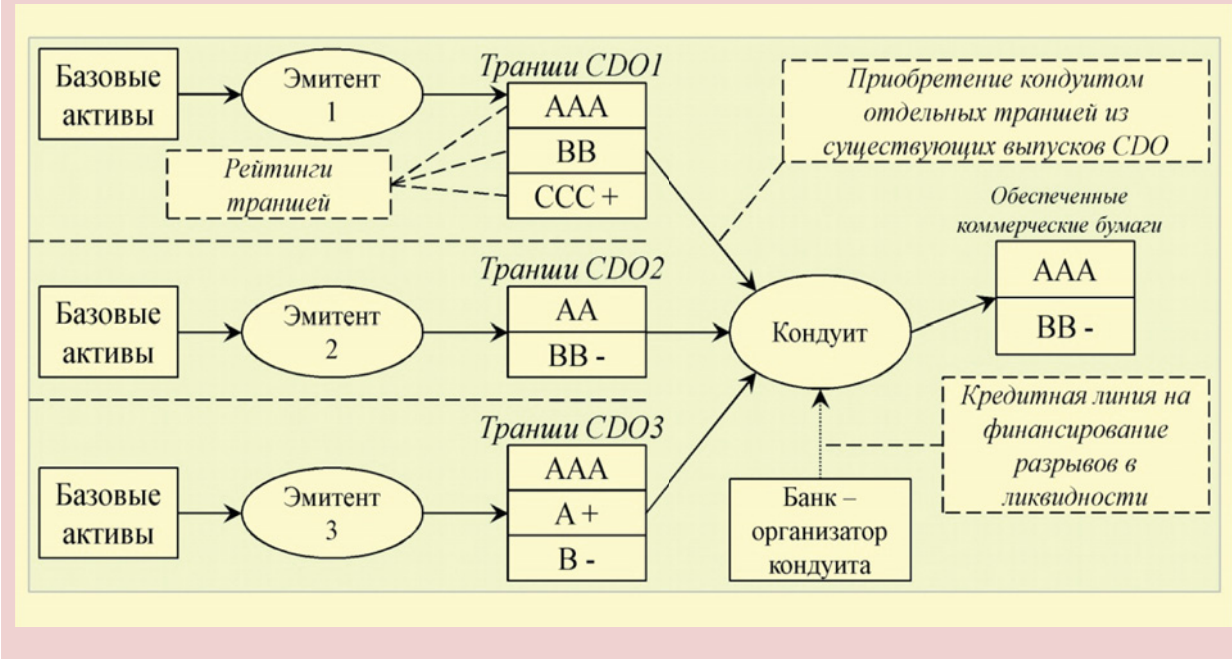
Рисунок 3. Пример выпуска облигаций, обеспеченных долговыми обязательствами (CDO)

двойной и многократной переупаковки денежных потоков от базовых активов. Техника двойной переупаковки состоит в выборе определенных траншей из уже существующих выпусков CDO и других финансовых инструментов и в выпуске

новых бумаг, имеющих в качестве обеспечения выбранные транши. Преимуществом таких схем является достижение более высокого уровня диверсификации отраслевых и страновых рисков по отношению к базовым выпускам CDO.

Рисунок 4. Пример схемы по двойной переупаковке активов

В США и европейских странах достаточно часто встречающимся примером схемы по двойной переупаковке стали кондуиты, которые выпускали краткосрочные коммерческие бумаги (со сроком погашения до 90 дней), обеспеченные средними и долгосрочными производными инструментами, включая CDO. Для получения высоких кредитных рейтингов по данным коммерческим бумагам банки-организаторы кондуитов предоставляли данным структурам кредитные линии на финансирование возможных разрывов в ликвидности. При этом банк-организатор управлял составом портфеля обеспечения по данным коммерческим бумагам, добавляя или убирая ту или иную часть портфеля, что приводило к изменению параметров входящего денежного потока и изменению профиля рисков обеспечения по коммерческим бумагам (рис. 4).

- Секьюритизация (Securitisation) представляет собой схему рефинансирования пакетов однородных прав требования посредством предоставления кредитов или

выпускаемых бумаг, обеспеченных указанными пакетами и заложенными в такие схемы инструментами кредитной поддержки. Как правило, операции по секьюритизации имеют в основе действительную продажу, в процессе которой оригинатор (банк-кредитор) со своего баланса⁴ реализует все кредиты в пользу компании специального назначения (Special Purpose Vehicle, SPV), которая, в свою очередь, для приобретения пакета привлекает финансирование путем выпуска рейтингованных ценных бумаг, покупаемых инвесторами.

Структура обеспечения и субординации траншей по сделкам секьюритизации строится сходным образом по сравнению со сделками CDO.

⁴ Следует отметить, что возможна также секьюритизация без продажи активов с баланса банков. Так называемая балансовая секьюритизация распространена в некоторых европейских странах, включая Германию. Отсутствие продажи активов с баланса банков также характерно для выпусков облигаций с покрытием (Covered Bonds), кредитное качество которых определяется не только обеспечением и структурой сделки, но и финансовым положением банка, выдавшего кредиты.

С точки зрения рейтинговых агентств основным различием сделок секьюритизации и CDO является тот факт, что конечные заемщики в сделках секьюритизации, как правило, не имеют кредитных рейтингов, поэтому в сделках по секьюритизации крайне важным фактором становится достижение высокой диверсификации портфелей, анализ кредитной истории групп заемщиков (географической, отраслевой, по уровню доходов и т.д.) и моделирование их поведения в стрессовых экономических сценариях.

Среди наиболее распространенных типов рефинансируемых портфелей следует выделить ипотечные кредиты физическим лицам, включая субпервичные кредиты. Бумаги, выпускаемые в ходе данных сделок, называются ценными бумагами, обеспеченными жилищными ипотечными кредитами (Residential Mortgage Backed Securities, RMBS). За январь – сентябрь 2007 года на долю сделок RMBS пришлось около 54% [6] от объема всех новых выпусков структурированных ценных бумаг в Европе, что более чем в 2 раза превысило объем новых выпусков CDO (24%) за тот же период. Среди других типов активов, финансируемых с помощью секьюритизации, следует выделить нежилые ипотечные кредиты (Commercial Mortgage Backed Securities, CMBS), автомобильные кредиты, лизинговые платежи, дебиторскую задолженность (факторинговые сделки), задолженность по кредитным картам, будущие денежные потоки и т.д.

Вышеуказанный перечень не является исчерпывающим. Финансовый сектор реагировал на потребность в кредитах предложением все более разнообразных продуктов. Эта пирамида кредитных взаимозависимостей – товарные фьючерсы и валютные опционы, форвардные сделки, залоговые инструменты, свопы, многократно перепродаваемые сырьевые и

ипотечные контракты, облигации под закладные заемщиков и пр. – становилась все более уязвимой. Двойной, тройной счет стал излюбленным методом наращивания ликвидности современных финансовых рынков, к тому же зачастую и под гарантии государства, которое само в долгах и само активно заимствует как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Финансовые нововведения инвестиционных банков-инноваторов (по определению Й. Шумпетера), будучи апробированными на рынке, быстро тиражируются банками-имитаторами. Появление и скорость распространения новых инвестиционных продуктов, как правило, зависит от степени их востребованности участниками рынка. Помимо институциональных условий (законодательство и особенности регулирования) спрос на такие продукты во многом зависит от макроэкономической ситуации и текущего состояния финансовых рынков.

Основными макроэкономическими условиями предкризисных 2000 – 2007 годов, определивших востребованность вторичных финансовых инструментов, следует назвать весьма низкий уровень инфляции в развитых странах, низкие процентные ставки, высокую степень предсказуемости макроэкономических индикаторов, включая достаточно стабильные темпы роста ВВП. Вопреки стремительному росту объема долговых инструментов, и в частности производных финансовых инструментов, сопровождавшемуся ростом цен на базовые активы, перечисленные выше факторы создали у ряда инвесторов и экономистов определенную иллюзию в отношении реального уровня кредитного риска и справедливой цены активов.

В результате общий объем действовавших контрактов, предусматривавших производные финансовые схемы, в конце 2007 г. составил 60 трлн. долл., что при-

мерно в 20 раз превышало суммарную капитализацию компаний, котирующихся на Лондонской фондовой бирже [10]. При этом в конце 2008 года около 8,7 трлн. долл. приходилось на финансовые операции, связанные с секьюритизацией [9]. Принимая во внимание высокую степень взаимозависимости различных рынков, сложно переоценить угрозу, заложенную в потенциальном риске цепного неисполнения таких обязательств, для отдельных участников финансового рынка и в целом мировой финансовой системы.

Производные финансовые инструменты давно уже живут собственной жизнью, вызывая бурный рост ликвидности. Экономическая и политическая элита в условиях инновационного финансового бума явно утратила контроль за их движением, поэтому кризисную ситуацию

на мировых финансовых рынках можно определить как «бунт финансовых инноваций» против своих создателей [6, с. 166].

Если указанное утверждение верно, то вывод о неизбежности ужесточения правил функционирования финансовых рынков как на национальном, так и на международном уровне является неизбежным. Учитывая быстро возрастающую сложность конструкций производных инструментов и крайне высокую скорость копирования финансовых технологий на рынке, можно отметить, что весьма злободневным становится вопрос о степени понимания государственными регуляторами влияния на рынки новых производных финансовых схем и ответственности профессиональных ассоциаций инвесторов за последствия их неконтролируемого использования.

Литература

1. Акаев, А.А. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом / А.А. Акаев // Системный мониторинг: глобальное и региональное развитие / ред. Д.А. Халтурина, А.В. Коротаев. — М.: УРСС, 2009.
2. Основы маркетинга: пер. с англ. / Ф. Котлер, Г. Армстронг, Д. Сондерс, В. Вонг. — 2-е европ. изд. — М.: СПб.: К.: Издательский дом «Вильямс», 2000.
3. Макконнелл, К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика: в 2 т.: пер. с англ. / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. — М., 1997. — Т. 2.
4. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь. — 2-е изд., испр. / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. — М.: ИНФРА-М, 1999.
5. Твисс, Б. Управление научно-техническими нововведениями / Б. Твисс. — М.: Экономика, 1989.
6. Финансовый кризис в России и в мире / под ред. Е.Т. Гайдара. — М.: Проспект, 2009.
7. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. — М.: Прогресс, 1982.
8. Яковец, Ю.В. Эпохальные инновации 21 века / Ю.В. Яковец. — М.: Экономика, 2004.
9. Does the World Need Securitisation? / Citibank, 2008.
10. Financial Times. 31.05.2008.
11. Mensch G. Das Technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression. Frankfurt, 1975.

Исследование развития открытой экономики слаборазвитых регионов в рамках борьбы с кризисом

ГАО ПИН

бакалавр экономики, научный сотрудник Академии общественных наук провинции Цзянси (Китай, Наньчан)
07911@126.com

I. Развитие открытой экономики – единственный способ достижения экономического роста слаборазвитых регионов.

Наступление международного финансового кризиса непосредственно затрагивает экспортно-ориентированную экономику Китая. В контексте макроэкономического регулирования и контроля над расширением внутреннего спроса возникают разногласия по поводу понимания главной стратегии развития открытой экономики, активно пропагандируемой после китайской реформы и открытия Китаем своих рынков для других стран. Полагаю, что развитие открытой экономики по-прежнему является неизбежным выбором для улучшения положения слаборазвитых регионов и имеет очень важное стратегическое значение для слаборазвитых регионов как с теоретической, так и с практической точки зрения.

1. Открытая экономика необходима для ускорения экономического роста и развития.

Обзор 30-летней истории реформирования и проведения в Китае политики открытости показывает, что быстрый рост его экономики тесно связан с ростом его открытости для внешнего мира.

Кроме пути развития, которому следуют развитые регионы, энергичное развитие открытой экономики – это единственный способ быстро нарастить экономическую мощь. Чем больше степень открытости для внешнего мира, тем выше может быть уровень экономического развития.

Например, среднегодовой рост ВВП провинции Гуандун составил 13,6% с 1978 по 2007 год. В связи с международным финансовым кризисом ее экономика постепенно перешла от стадии быстрого к стадии умеренного роста с 2008 г.: рост ВВП составил 10, 4, 9, 7, 12,4 и 10% последовательно в период с 2008 по 2011 г. Для быстрого роста экономики провинции Гуандун наиболее успешным является опыт активного развития открытой экономики. Открытая экономика будет играть очень важную и показательную роль в стимулировании экономического роста слаборазвитых регионов, являясь двигателем их экономического роста. Так, в последние годы провинция Цзянси приняла открытость в качестве основной стратегии, ускоряя открытие промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры и услуг для внешнего мира.

Таким образом, открытая экономика совершила прорыв и эффективно стимулировала устойчивый и быстрый экономический рост. В 2010 году общий объем импорта-экспорта по всей провинции достиг 21,45 млрд. долларов, с увеличением на 67,9%. Цзянси опередила провинции Гуанси, Хэнань, Синцзян, занимая 15 место по стране и 3 место среди центральных регионов, что превышает показатели 2005 г. в 4,8 раза.

Среднегодовой темп роста за пятилетку составил 36,8% — самый высокий показатель по стране в целом. Фактически использовавшиеся иностранные ресурсы достигли 5,1 млрд. долл., с увеличением на 26,8%, что в 2 раза превышает показатели 2005 года, и среднегодовой темп их роста за пятилетку составил 14,9%.

Инвестиции в основной капитал в провинции Цзянси увеличились с 216,9 млрд. юаней в конце Десятой пятилетки до 877,5 млрд. юаней в Одиннадцатой пятилетке. При этом среднегодовой прирост, равный 32,3%, достигнут в основном за счет привлечения инвестиционных фондов. Среднегодовой темп роста используемых иностранных инвестиций составил 16,1%, среднегодовой темп роста (более чем на 50 млн. юаней) инвестиций, полученных из внешних источников, — 32,5%, а объем привлеченных инвестиций — более половины всех инвестиций в основной капитал в провинции Цзянси за 5 лет. В 2010 году в среднем 6,5 проекта в день внедрялись в каждом индустриальном парке на территории всей провинции. В то же время налоговые поступления за счет открытой экономики составили 50% от общей суммы налоговых доходов и более чем 40% общего дохода для всей провинции.

Являясь слаборазвитым регионом, провинция Цзянси снова подтверждает тот факт, что масштабное освоение иностранных капиталовложений для формирования

механизма роста инвестиций в основной капитал возможно только при развитии открытой экономики.

2. Открытая экономика — объективное условие быстрой индустриализации и урбанизации.

Индустриализация и урбанизация слаборазвитых регионов с преобладанием сельского хозяйства может быть ускорена только путем открытия экономики для внешнего мира и за счет крупномасштабного перемещения промышленности. Это подтверждает 30-летняя история реформ и проведения политики открытости в прибрежных развитых регионах. Всего за 20 лет провинции Гуандун, Цзянсу, Чжэцзян вышли на среднюю, а затем и заключительную стадию индустриализации и урбанизации путем привлечения инвестиций, крупномасштабного перемещения промышленных предприятий, создания индустриальных кластеров, индустриальных парков и развития промышленных городов, быстрого расширения городской структуры и концентрации населения. Коэффициент урбанизации в этих трех городах в 2011 г. достигал 66,5, 61,9 и 62,3%.

В XXI веке провинция Цзянси увеличила темпы открытия своей экономики для внешнего мира и достигла значительных успехов. Благодаря непрерывному ускорению индустриализации и урбанизации был осуществлен переход от модели развития, ориентированной на сельское хозяйство, к модели развития, ориентированной на промышленность. В 2011 г. провинция получила 561,19 млрд. юаней добавленной стоимости в промышленности, что составляет 48,4% от стоимости общего объема производства, возросшего на 21,4 процентного пункта по сравнению с уровнем 2000 г. Три отрасли в структуре производства были оптимизированы до 10,1:56,9:31,1 с 24,2:35,0:40,8, причем вторая отрасль промышленности выросла в 2011 г. на 21,9 п.п.

В результате активного развития индустриализации коэффициент урбанизации в стране в целом вырос с 27,7% в 2000 г. до 45,7% в 2011 г., т.е. на 18%.

3. Открытая экономика создает огромный выбор возможностей для трудоустройства в отраслях, не связанных с сельским хозяйством, и ускоряет перемещение избыточного количества рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность.

Большинство слаборазвитых регионов – это заселенные сельскохозяйственные регионы с избытком занятого в сельском хозяйстве населения, которое необходимо переместить во вторичное производство или сферу услуг. В условиях реформирования экономической структуры и форм собственности в Китае возможности трудоустройства в государственных учреждениях уменьшаются, но они непрерывно увеличиваются в частном секторе экономики, негосударственных предприятиях и предприятиях, финансируемых из-за рубежа. Регионы дельты Жемчужной реки, дельты реки Янцзы и дельты реки Миньцзян, где открытая экономика развивается наиболее быстро, обеспечивают трудоустройство не только городских жителей, но и более чем 100 млн. мигрантов путем развития экспортно-ориентированной экономики. В 2011 г. в провинции Цзянси из сельских районов в город были переведены и трудоустроены 550 тыс. человек и 1,74 млн. получили работу в индустриальных парках. Можно утверждать, что развитие открытой экономики и индустриальных парков стало важным фактором перемещения избыточного количества рабочей силы из сельских районов слаборазвитых регионов.

4. Переход от ресурсной провинции к экономической провинции может быть осуществлен через развитие открытой экономики.

Большинство слаборазвитых регионов богаты природными ресурсами и служат

важной энергетической и сырьевой базой Китая. Например, провинция Цзянси обладает большими запасами минеральных ресурсов, на её территории находятся основные месторождения цветных, редких металлов и редкоземельных элементов. В 89 достоверных запасах месторождений полезных ископаемых, которые входят в первую пятерку по стране, содержится 33 вида минералов, в их числе медь, вольфрам, тантал, золото, серебро, уран и т.д., занимающие первое место, редкоземельные элементы, селен, литий и т.д. занимают второе место. Медь, вольфрам, уран и торий, тантал и ниобий вместе с редкоземельными элементами известны как «5 золотых цветков» провинции Цзянси. Она обладает довольно значительными запасами железной руды, высококачественной марганцевой руды.

Потенциальным преимуществом провинции Цзянси является большой объем поверхностных водных ресурсов. Среднегодовое количество осадков составляет 1600 мм, и по величине суммарного стока она занимает 7 место в стране. Теоретические резервы гидроэлектроэнергии в провинции составляют более 6,82 млн. кВт. Может быть разработано 6,1089 млн. кВт гидроэнергоресурсов, это значительный показатель по стране.

Однако развитие слаборазвитых регионов по традиционной модели привело к серьезному уменьшению ресурсов и ухудшению экологической обстановки за последние годы.

Следовательно, чтобы в корне изменить эту ситуацию, открытая экономика должна развиваться, максимально эффективно используя внутренние и международные ресурсы и рынки, а также предоставить рынку главную роль в распределении ресурсов с целью наиболее эффективного их распределения, отдавать предпочтение использованию наиболее выгодных

ресурсов, преодолеть ограничения в таких аспектах, как финансирование, технологии, рынок, управление и т.д., способствуя переходу от ресурсной провинции к экономической провинции.

II. Слаборазвитые регионы должны будут выбрать путь для дальнейшего увеличения открытости экономики.

Под влиянием мирового финансового кризиса спрос на экспорт Китая значительно уменьшился, что существенно повлияло на открытую экономику. Что касается слаборазвитых регионов, то мировой финансовый кризис не только влияет на их экономическое развитие, но и открывает перед ними большие перспективы.

За последние годы темпы роста экспортно-ориентированной экономики Цзянси довольно высокие, а достижения – значительные. Горизонтальное сравнение показывает, что между развитыми и слаборазвитыми регионами все еще существует большой разрыв и вклад последних в экономическую систему в целом все еще мал.

Недостаточное развитие международной торговли в слаборазвитых регионах по-прежнему является важным фактором, сдерживающим экономическое развитие и подъем. Вместе с тем оно показывает, что у слаборазвитых регионов есть больше возможностей для развития международной торговли, особенно в посткризисный период. Таким образом, ускорение роста открытости экономики, увеличение объемов импорта и экспорта, использование масштаба и уровня зарубежных инвестиций остается нашей важной задачей.

1. Преимущество низкой стоимости ресурсов будет сохранено.

В последние годы идет активный процесс перемещения промышленных предприятий с востока в слаборазвитые регионы, которые имеют такое преимущество, как низкая стоимость земли, ресурсов и рабочей силы, что приносит существенную пользу открытой экономике.

Однако этот процесс, в связи с изменением обстановки, сдерживается из-за ужесточения международной и региональной конкуренции со стороны Индии и стран АСЕАН. Индия, Вьетнам и другие страны с формирующейся рыночной экономикой, имеющие много общего с Китаем в плане обеспеченности ресурсами, рыночного потенциала, структуры города и села и т.д., обладают очевидными преимуществами – дешевой рабочей силой. Некоторые страны Южной Азии используют преимущества дешевой рабочей силы и ресурсов для того, чтобы сделать привлекательным перемещение на свои территории промышленного производства из развитых стран и регионов, таких как Европа, Америка, Япония, Южная Корея, Гонконг, Макао и Тайвань.

В то же время прибрежные развитые регионы проявляют осторожность по отношению к переносу некоторых отраслей промышленности за пределы провинции, чтобы не допустить промышленной опустошенности в процессе перестройки и модернизации производства. Провинции Гуандун, Чжэцзян и Фуцзянь поощряют перенос неконкурентоспособных отраслей в слаборазвитые регионы внутри провинции. Вышесказанное оказывает огромное конкурентное давление на слаборазвитые регионы, и они смогут остаться в выигрышном положении, только сохраняя преимущество низкой стоимости ресурсов.

2. Будет происходить дальнейшее улучшение инвестиционной среды путем выбора в качестве цели её стимулирование в развитых регионах.

Прежде всего, будет оптимизирована система обслуживания иностранных инвестиций в соответствии с береговыми экономическими правилами. Необходимо активно перенимать опыт эффективных политических мер в развитых прибрежных регионах; важно отменить в них все недействующие административные

санкции, а действующие должны быть, соответственно, со временем упрощены; необходимо окончательно отменить все соглашения и политические ограничения, препятствующие развитию открытой экономики. Во-вторых, следует оптимизировать систему таможенного оформления в портах для дальнейшего улучшения эффективности работы таможенной службы, органов надзора и контроля и других учреждений внешних связей, упростить таможенные процедуры, улучшить работу портов и снизить затраты предприятий на таможенное оформление). В-третьих, необходимо увеличить объем финансовой и налоговой поддержки и создать специальный фонд содействия перемещению промышленных предприятий. Его целью будет поддержка института кредитных гарантий, который обеспечит кредитное поручительство малым и средним промышленным предприятиям, перемещенным из других регионов, а также обеспечение кредитной помощи.

3. Необходимо развивать сферу высоких и перспективных технологий с целью повышения уровня развития промышленности, который долгое время оставался низким в процессе перемещения промышленных предприятий.

В настоящее время перемещение промышленных производств из развитых стран и развитых прибрежных регионов в центральные и западные слабо развитые регионы представляет собой комплексный процесс, неизбежной тенденцией которого является перенос высокотехнологичных и перспективных отраслей. Новые материалы, новые виды энергии и инвестиции в новые виды оборудования начали сосредотачиваться в центральных и западных слабо развитых регионах, а что касается производственной базы фотоэлектрической промышленности, высокотехнологичной продукции (компьютеры, средства

коммуникации) и сферы производства оборудования, то здесь прослеживается тенденция постепенного переноса в центральные и западные регионы. Слаборазвитые центральные и западные регионы должны разрабатывать долгосрочные планы развития для высокотехнологичных и перспективных отраслей, создавать новые идеи и механизмы, направленные на изменение и улучшение структуры местной промышленности, и заложить основы для долгосрочной модернизации промышленности и оптимизации экономической структуры. На основе имеющихся возможностей в сочетании с новыми, возникшими за счет притоков иностранного капитала, производственный сектор будет расширен за счет внедрения исследований, разработок и продаж, промышленная сеть будет быстро расширяться, и особое внимание будет направлено на инвестиции транснациональных компаний (особенно первых 500 предприятий – мировых лидеров) и обеспечение поддержки промышленных кластеров.

4. Следует оптимизировать структуру продукции внешней торговли и увеличить масштабы экспорта.

Снижение темпов мирового экономического развития препятствует росту экспорта. Поэтому слабо развитые регионы должны использовать условия кризиса в качестве возможности ускорить изменение структуры внешней торговли, укрепить конкурентоспособность рынка, увеличить масштабы экспорта и достигнуть прорыва в этой сфере.

В первую очередь необходим прорыв в товарной структуре. Следует изменить традиционную структуру экспорта, ориентируясь на рынок и основываясь на инновациях в технической сфере, ускорить реализацию стратегической замены в структуре специализации экспорта общих промышленных товаров высокотехноло-

гичными товарами с высокой добавленной стоимостью, товарами высокой степени переработки; улучшить экспортное соотношение продукции машиностроения и электротехники, так же как и высокотехнологичной продукции. Следует активно развивать брендинг, сформировать крупномасштабную систему промышленного экспорта и увеличить рыночную конкурентоспособность продукции. Необходимо улучшить качество продукции легкой промышленности — тканей и других товаров, обладающих сравнительным преимуществом, и увеличить добавленную стоимость продукции.

Во-вторых, необходимо достичь прорыва в рыночной структуре. В соответствии с требованиями разностороннего и непрерывного развития, Европа, Ближний Восток, Африка, Южная Америка, Восточная Европа, Россия, страны СНГ и другие развивающиеся рынки будут осваиваться со значительными трудностями по сравнению с развивающимися рынками Гонконга и Макао, Японии, Америки и Юго-Восточной Азии.

5. Следует ускорить развитие аутсорсинга услуг.

Аутсорсинг (передача) услуг стал важной частью международной торговли со средней скоростью увеличения 20% и новой основной формой международного

перемещения промышленности. Китай является третьей по величине международной аутсорсинговой базой после Индии и Филиппин. Чтобы оставить в прошлом мелкие, низкоприбыльные и менее ценные внешнеэкономические сделки, слаборазвитые регионы должны быть на передовой развития международной торговли, не упустить возможность ускорить передачу международных услуг, использовать для прорыва промышленность внешних стран, активно развивать аутсорсинг международных услуг, быстро увеличивать количество аутсорсинговых предприятий и создать бренд аутсорсинга услуг.

Необходимо ускорить формирование крупных и средних предприятий аутсорсинговых услуг, создать бизнес по аутсорсингу услуг в транснациональных компаниях Китая, повысить уровень развития услуг и расширить торговлю ими. Важно также оказывать поддержку предприятиям аутсорсинговых услуг в получении международной сертификации и исследовать международный рынок, создать платформу государственной службы информации об аутсорсинге услуг, платформу обмена внешними услугами, завершить создание системы защиты интеллектуальной собственности аутсорсинга услуг и увеличить конкурентоспособность на международной арене.

Механизмы формирования и реализации организационно-управленческой компоненты человеческого капитала региона

Статья посвящена исследованию механизмов формирования и реализации организационно-управленческой компоненты человеческого капитала региона в условиях перехода к инновационному типу экономики. Предложен алгоритм формирования организационно-управленческой компоненты человеческого потенциала в условиях перехода к инновационной экономике, направленный на последующую его реализацию.

Человеческий капитал, организационно-управленческая компонента человеческого потенциала, регион, инновационное развитие экономики.

**Наталья Николаевна
ШЕСТАКОВА**

кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики Российской академии наук
nnshestakova@gmail.com

Приступая к рассмотрению вопроса формирования и реализации организационно-управленческой компоненты человеческого капитала региона, сделаем вводное замечание, касающееся используемых нами категорий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал».

Не углубляясь в детали научных дискуссий по этим дефинициям, выразим

авторскую точку зрения, закладываемую в дальнейшие рассуждения. Так, по нашему мнению, понятие потенциала очевидно шире, нежели понятие капитала, поскольку, во-первых, включает в себя не только те свойства, которые имеют отношение к процессу труда и могут быть в нем использованы — как в категории капитала¹, но и свойства человека, используемые им

¹ Например, А.И. Добрынин дает такое его определение: «Человеческий капитал — это «сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства (курсив мой. — Н.Ш.), содействуют росту производительности труда и эффективности производства и тем самым влияют на рост заработков (доходов) данного человека»[4]; Человеческий капитал можно рассматривать как особый «фонд, функции которого — производство трудовых услуг в общепринятых единицах измерения и который в этом своем качестве аналогичен любой машине как представительнице вещественного капитала» [4] (со ссылкой на Й. Бен-Порета [18, р. 352-365]); коллектив ученых под руководством Л.И. Абалкина, исследующих проблему стратегического развития России в новом веке, рассматривает человеческий капитал как сумму врожденных способностей, общего и специального образования, приобретенного профессионального опыта, творческого потенциала, морально-психологического и физического здоровья, мотивов деятельности, обеспечивающих возможность приносить доход [15, с. 21-22].

во внепроизводственной сфере (в частной и общественной жизни и т.д.). Во-вторых, в сути человеческого, равно как и любого другого капитала, содержится его *способность воспроизводиться* (т.е. преумножать вложенные в него средства). В сущность же человеческого потенциала заложена способность *развития* носителя этого потенциала – человека, группы людей либо, в нашем случае, территориально ограниченного социума – безотносительно увеличения его стоимостного выражения либо сферы последующего приложения. При этом человеческое развитие рассматривается как двусторонний процесс: с одной стороны, как *формирование свойств* (укрепление здоровья, приобретение знаний, совершенствование профессиональных навыков), а с другой – как *реализация приобретенных свойств* для производительных целей либо для целей отдыха, культурной деятельности, политической активности и т.п.

Таким образом, авторская позиция может быть сведена к следующему положению: процессы формирования и реализации человеческого потенциала создают необходимые предпосылки для его капитализации или превращения в условиях общественного производства/воспроизводства в человеческий капитал.

Изложенное позволяет нам обратиться к категории человеческого потенциала, понимаемой как сформированные во взаимодействии с социальной средой совокупности систем универсальных (общих) и специфических (специализированных) потребностей, способностей и готовности различных социальных общностей выполнять общественно необходимые деятельности, основные социальные роли, функции, такие роли и функции, которые обеспечивают как преемственность, так и новации в развитии жизненно важных общественных сфер, а также в обществе в целом» [16, с. 19].

Традиционно в структуре человеческого потенциала выделяются следующие компоненты и отношения между ними: демографическая компонента; компонента здоровья; образовательная; трудовая; культурная; гражданская; духовно-нравственная.

Каждая из них может быть соотнесена с соответствующими общественно необходимыми видами деятельности: демографическая компонента – деятельность по производству новых поколений; компонента здоровья – деятельность по обеспечению физического и психического здоровья общества; образовательная – деятельность по производству «общества знания»; трудовая – деятельность по производству материальных благ и различных услуг; культурная – деятельность по производству духовных благ; гражданская – деятельность по обеспечению социального порядка; духовно-нравственная – деятельность по консолидации общества на основе нравственных ценностей [16, с. 20].

Однако классификация составляющих/компонент человеческого потенциала возможна и по иным основаниям, как правило, отражающим конкретную цель исследования. Так, применительно к условиям перехода российского общества к инновационному типу экономики вполне приемлемой представляется, например, структуризация человеческого потенциала по следующим компонентам: инновационная, предпринимательская, научно-техническая, организационно-управленческая, конкурентная, прогнозно-аналитическая, трудовая и профессиональная (предложена д.э.н. О.И. Ивановым).

Выделим организационно-управленческую компоненту человеческого потенциала и обозначим основные механизмы ее формирования и реализации.

Под организационно-управленческой компонентой человеческого потенциала мы будем понимать совокупность потребностей, способностей и готовностей его носителей выполнять деятельности по согласованию, координации, оптимизации, направлению и стимулированию действий социальных общностей, организации, коллективов в условиях перехода к продуктивному и конструктивному функционированию <человеческого потенциала> в условиях рыночной экономики инновационного типа, можно говорить об основных *закономерностях*, выступающих объективной основой предъявления требований к системе и технологии организации и управления человеческим потенциалом. К их числу можно отнести следующие позиции.

- Соответствие системы управления человеческим потенциалом территории/региона требованиям его социально-экономического развития в части постановки целей, отражения особенностей, состояния и тенденций развития.

- Системность формирования организации и управления человеческим потенциалом территории/региона в плане учета всех внутрисистемных взаимосвязей, соотношений подсистем и элементов, соотношений между системой управления человеческим потенциалом территории/региона и организацией и управлением его социально-экономическим развитием, а также между системой управления человеческим потенциалом территории/региона и организацией и внешней средой.

- Оптимальность сочетания централизации и децентрализации управления человеческим потенциалом территории/региона, выражающихся в соотношении уровней принимаемого решения и уровня исполнения этого решения (чем выше уровень, на котором принимается решение, и ниже ступень, для которой оно предназначено, тем выше уровень централизации управления

персоналом, и наоборот); по мере социально-экономического развития территории должен меняться уровень централизации управления человеческим потенциалом.

- Соответствие уровня сложности системы управления человеческим потенциалом территории/региона уровню развития социально-экономической системы региона (для сложной системы управления социально-экономической системой региона невозможно создать простую систему управления человеческим потенциалом этого региона).

- Параллельность развития состава и содержания функций организации и управления человеческим потенциалом территории/региона с развитием самой социально-экономической системы региона.

- Рациональность числа уровней управления человеческим потенциалом территории/региона: максимально эффективна система с минимально необходимым и достаточным количеством управленческих уровней.

- Учет в процессе управления человеческим потенциалом территории/региона совокупности различных факторов воздействия и понимание в этой связи единства действий закономерностей организации и управления.

Рассмотрим ключевые механизмы формирования и реализации организационно-управленческой компоненты человеческого потенциала, опираясь на мнение действительного члена Международной академии наук (Мюнхен, Германия), профессора В.И. Кнорринга: «Управление есть процесс, а **система управления** — механизм, который обеспечивает этот процесс. Любой динамический процесс, в котором могут участвовать и люди, состоит из отдельных процедур, операций и взаимосвязанных этапов. Их последовательность и взаимосвязь составляют технологию управленческого <...> процесса» [9, с. 31-32].

В настоящее время в государственном и негосударственном секторах выработан целый ряд разного рода механизмов, адекватных условиям перехода страны к инновационному пути развития. Обозначим некоторые из них: действующие и перспективные, потенциально интересные для внедрения.

К числу механизмов/организационных форм координации и управления инновационным развитием можно, в частности, отнести механизмы, обозначенные в разделе «Национальная инновационная система: модель координации»² проекта Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [6, с. 19]. Приведем их.

1. Нарращивание человеческого потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций. Эта задача включает повышение восприимчивости населения к инновациям — инновационным продуктам и технологиям, радикальное расширение «класса» инновационных предпринимателей, создание в обществе атмосферы «терпимости» к риску, пропаганда инновационного предпринимательства и научно-технической деятельности. Адаптация всех ступеней системы образования для целей формирования у населения с детства необходимых для инновационного общества и инновационной экономики знаний, компетенций, навыков и моделей поведения, формирование системы непрерывного образования. Для инновационной экономики нужен «инновационный человек» — не только способный в полной мере использовать достижения науки и техники, но и ориентированный на создание инноваций, внедрение их во все сферы общественной жизни.

² Следует отметить, что в последующей редакции документа этот раздел был утрачен.

2. Резкое, кратное повышение инновационной активности существующего **бизнеса** и динамики появления новых инновационных компаний. Бизнес должен воспринимать инновации не как «хобби» и тем более не как обязанность перед государством, а как жизненно важную для перспектив развития компании, повышения эффективности и занятия лидерских позиций на рынках модель поведения. Обеспечение на этой основе технологической модернизации ключевых секторов, определяющих роль и место России в мировой экономике, повышение производительности труда во всех секторах.

3. Повышение «инновационности» государства — максимально широкое внедрение в деятельность органов государственного управления современных инновационных технологий, формирование «электронного правительства», перевод в электронную форму большинства услуг населению, расширение использования системы государственного заказа для стимулирования инноваций. Государство должно обеспечить формирование благоприятного «инновационного климата», включая создание условий и стимулов для инновационной деятельности, а также благоприятных условий для использования инноваций во всех видах деятельности.

4. Формирование сбалансированного, устойчиво развивающегося сектора исследований и разработок, имеющего оптимальную институциональную структуру, обеспечивающего расширенное воспроизводство знаний, конкурентоспособного на мировом рынке, радикальное повышение эффективности и результативности «проводящей» инфраструктуры, обеспечивающей коммерциализацию результатов научных исследований.

5. Повышение открытости национальной инновационной системы и экономики, степени интеграции России в мировые

процессы создания и использования нововведений, расширения двухстороннего и многостороннего международного сотрудничества.

Наиболее распространенными организационно-административными *механизмами* организации и осуществления инновационной деятельности образовательных организаций в последние несколько лет стали технопарки; особые экономические зоны технико-внедренческого типа; центры трансфера технологий; ресурсные центры. Коротко осветим каждую из форм.

Технопарк представляет собой форму организации инновационной деятельности учебных заведений, научных организаций, проектно-конструкторских бюро, организаций инновационной инфраструктуры, производственных предприятий или их подразделений, компактно располагающихся на обособленной территории. Целевое назначение технопарков — поддержка высокотехнологичного бизнеса, обычно в определенной области, а также выпуск малых наукоемких фирм, но не разработка новых технологий [10, с. 245].

Отличительной особенностью технопарков является их тесная связь с высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими организациями, обладающими соответствующей инфраструктурой для инновационной деятельности. Как правило, *технопарки образуются на основе совместных договоров, заключаемых между учебными заведениями (научно-исследовательскими организациями), хозяйствующими субъектами и органами государственной власти (курсив — авт.)*. При этом технопарк не подменяет работу высших учебных заведений, НИИ, лабораторий в части производства инновационных технологий, а обеспечивает сотрудничество и взаимодействие между наукой, промышленным сектором, предпринимательством и региональными и местными властями, реализуя

процесс *коммерциализации (курсив — авт.)* исследований и разработок [2]. Цели создания технопарка заключаются в получении возможностей для инновационного развития определенной территории, использовании научно-исследовательского и технологического потенциала групп (или отдельных) организаций и предприятий, повышении уровня занятости населения и увеличении его доходов, достижении других общественно значимых целей.

В настоящее время в РФ еще не сформировалась целостная нормативная правовая база, регламентирующая инновационную деятельность, включая вопросы создания и функционирования технопарков. В отсутствие нормативно-правовой базы многие регионы пошли своим путем, принимая собственные нормативные правовые акты, направленные на поддержку инновационно-инвестиционной деятельности, в том числе технопарков. Так, например, в Воронежской области в 2006 г. принят Закон «О технопарках в Воронежской области». Данный закон определяет порядок и условия присвоения статуса технопарка, а также правовые основы государственной поддержки технопарков в регионе. В дальнейшем аналогичные законы и программы были приняты в Саратовской, Самарской, Томской, Тюменской областях, республиках Башкортостан и Татарстан.

Современный российский технопарк, как правило, представляет собой акционерное общество, учредителями которого являются:

- владелец помещений, передаваемых технопарку (как правило, органы государственной власти или местного самоуправления);
- банк, выделяющий средства на обустройство инфраструктуры технопарка;
- учебное заведение, заинтересованное в реализации инновационных исследований и разработок.

Анализ, проведенный Ассоциацией «Технопарк» в 2007 г., показал, что 92% технопарков в России созданы при высших учебных заведениях, 4% – на базе отраслевых или академических НИИ и 4% – на базе промышленных предприятий. По данным Министерства образования и науки РФ, в настоящий момент в России функционирует порядка 76 университетских технопарков.

Особые экономические зоны (ОЭЗ) представляют собой ограниченные участки территории (как правило, от одного до нескольких квадратных километров) с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности (в части налогообложения, таможенного режима и деятельности органов государственного контроля), которые создаются как для стимулирования социально-экономического развития отдельных регионов, так и для достижения общеэкономических целей страны, например инновационного развития экономики в целом. Они ориентированы на развитие обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей, производства новых видов продукции, транспортной инфраструктуры [3, с. 89-95].

В соответствии с Федеральным законом от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» выделяются следующие их типы: промышленно-производственные (создаются для развития обрабатывающих отраслей экономики); технико-внедренческие; портовые; туристско-рекреационные.

Очевидно, что в наибольшей степени инновационная направленность присуща технико-внедренческим ОЭЗ, ориентированным на создание и *реализацию научно-технической продукции, доведение ее до промышленного применения, включая изготовление, испытание и реализацию опытных партий*, а также создание программных

продуктов, систем сбора, обработки и передачи данных, систем распределенных вычислений и *оказания услуг по их внедрению и обслуживанию*.

Одним из ключевых критериев для оценки целесообразности создания технико-внедренческой ОЭЗ выступает уровень развития на потенциальной ее территории образовательных учреждений высшего профессионального образования и научных организаций, ведущих научные исследования и разработки по предполагаемому профилю технико-внедренческой зоны. Образовательные учреждения совместно с организациями-резидентами ОЭЗ могут взаимодействовать по следующим направлениям:

- реализация совместных научно-исследовательских проектов на базе создаваемых структурных подразделений (лабораторий, научно-исследовательских, технологических центров);
- реализация совместных научно-исследовательских проектов без создания отдельных структурных подразделений (например, заключение договоров на выполнение научно-исследовательских работ);
- создание организационных структур, содействующих созданию новых юридических лиц (например, технопарков, центров трансфера технологий и т. д.);
- финансирование предприятием-партнером дополнительного образования (например, создание в вузах дополнительных специализаций, ориентированных на потребности предприятий-резидентов ОЭЗ, разработка новых дисциплин и спецкурсов, дополнительная целевая подготовка специалистов под конкретное предприятие и т. п.).

В настоящее время в России в соответствии с Федеральным законом «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» приняты решения о создании 16 ОЭЗ, четыре из которых, технико-

внедренческие, создаются в четырех регионах: в Москве (Зеленоград), Московской области (Дубна), Санкт-Петербурге и Томске.

Например, в Томске уже образовано около 300 малых и средних предприятий инновационного бизнеса. При этом часть инновационных предприятий формируется вокруг высших учебных заведений города (Томский государственный университет и Томский университет систем управления и радиоэлектроники входят в первую десятку лучших инновационных университетов России). Преподаватели, научные сотрудники, аспиранты и студенты активно участвуют в деятельности таких предприятий. Основными направлениями развития ОЭЗ Томска выбраны информационно-коммуникационные и электронные технологии, новые материалы и нанотехнологии, биотехнологии и медицинские технологии.

В целом технико-внедренческие зоны открывают перспективные возможности для более полной реализации научно-технического и инновационного потенциала отдельных субъектов РФ и их муниципальных образований за счет совместного использования ресурсов государства и частного сектора.

Центры трансфера (коммерциализации) технологий (ЦТТ) представляют собой отдельную организацию или структурное подразделение (вуза, НИИ и т. п.), ориентированное на получение дохода от *использования результатов научных исследований*, выполненных в государственных научных организациях и частных компаниях [10, с. 10].

Взаимодействие бюджетных организаций и частного бизнеса в процессе налаживания трансфера технологий через вузовские ЦТТ позволяет решать целый комплекс задач [3, с. 95]:

- совместное формирование приоритетных направлений инновационных ис-

следований путем ведения мониторинга запросов на выполнение конкретных НИОКР и вовлечения заинтересованных высокотехнологичных предприятий в начальные стадии инновационного цикла;

- повышение научного потенциала вузов и внедрение клиентоориентированного подхода в осуществлении университетских исследований, когда учитываются реальные запросы промышленности и государства в наукоемкой продукции;

- решение проблемы трудоустройства молодых специалистов;

- снижение нагрузки на государственный бюджет, использование системы гибкого адресного софинансирования вузовских НИОКР.

Первые ЦТТ полностью финансировались из федерального бюджета, однако сегодня существуют примеры их успешного сотрудничества с органами власти и бизнес-структурами. Отсутствие четкого законодательного оформления такого взаимодействия обуславливает широкую вариативность условий заключения сторонами соглашений (договоров), что, соответственно, ведет к ограничению тиражирования наработанного в отдельных случаях опыта.

В качестве положительных примеров можно привести деятельность ЦТТ Дальневосточного государственного технического университета (ДВГТУ) [1], на базе которого в рамках мероприятий ФЦНТП «Исследования и разработки по основным направлениям развития науки и техники на 2002 – 2006 гг.» по инициативе Федерального агентства по науке и инновациям в 2005 г. был создан Центр трансфера российских технологий и научно-технического сотрудничества со странами-членами АТЭС («ТехноРАТЭС»), а также пример успешного построения кластера в Пензенской области на базе Пензенского государственного университета [14].

Ресурсный центр (РЦ) представляет собой форму объединения, интеграции и концентрации ресурсов от различных собственников (государства, работодателей, образовательных организаций, физических лиц) [12]. Ресурсные центры решают задачу формирования единого информационного пространства на всей территории страны, закрепленную в федеральной целевой программе «Развитие единой образовательной информационной среды (2001 – 2005 гг.)». Основной задачей ФЦП являлось формирование информационно-технологической инфраструктуры системы образования и расширение использования новых информационных и телекоммуникационных технологий в учебном процессе.

Анализ опыта функционирования РЦ Московского региона, Самарской, Ярославской, Тамбовской областей, республик Чувашия, Коми и др. позволил определить четыре основных аспекта функционирования ресурсных центров [12]:

- развитие отрасли (работодатели концентрируют материальную базу в территориальном ресурсном центре отраслевой направленности);
- развитие технологии (создаются условия для освоения, совершенствования новых (критических, прорывных) технологий, которые формируют новый способ производства и развиваются на межотраслевой, межтерриториальной основе (венчурный ресурсный центр));
- развитие инфраструктуры (создаются условия для постоянного воспроизводства мастеров профессионального обучения, рабочих традиционных профессий для обеспечения ритмичности функционирования всех отраслей экономики);
- обеспечение социализации (создаются условия для усиления кооперативных связей, упрощения коллективного доступа в интересах формирования гражданского общества).

Контрагентами ресурсных центров могут выступать: администрация региона и ее структурные подразделения; местные органы власти; коммерческие предприятия, в том числе банки; некоммерческие организации, например центры занятости; индивидуальные предприниматели и т.д.

Важным шагом на пути создания инновационной экономики страны, направленным на преодоление существующих барьеров *в использовании и внедрении результатов научно-технической деятельности*, стало принятие Закона № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности».

Появился новый легитимный экономический и правовой механизм, стимулирующий государственные вузы и научные организации продвигать созданные научные результаты и знания на рынок, участвовать в прибыли и управлении создаваемых с их участием *хозяйственных обществ*. Ценность данного механизма не сводится только к возможности получения отчислений от прибыли учрежденных организаций. Для вузов, в особенности, это означает возможность углубления сотрудничества и стратегического партнерства с промышленностью, другими секторами экономики в области подготовки кадров и научных исследований на всех этапах жизненного цикла инноваций [5].

Размещение созданных вузами и НИИ хозяйственных обществ по территории Российской Федерации представлено в *таблице 1*.

Как видно из данных таблицы, наибольшую активность в организации хозяйственных обществ проявили вузы и НИИ Центрального (217 единиц), Сибирского (190) и Приволжского (120) федеральных округов.

Таблица 1. Численность хозяйственных обществ, созданных вузами и НИИ в соответствии с Федеральным законом № 217 от 02.08.2009 и зарегистрированных в базе данных ЦИСН по федеральным округам РФ [7]

Федеральный округ	Кол-во созданных ХО, зарегистрированных в БД ЦИСН	Кол-во запланированных рабочих мест	Кол-во НИИ, организовавших ХО	Кол-во ХО, организованных НИИ	Кол-во ХО, соответствующих ФЗ № 217 от 02.08.2009
Центральный	209	465	8	8	111
Северо-Западный	53	35	1	1	34
Южный	61	64	-	-	41
Северо-Кавказский	26	85	-	-	5
Приволжский	118	357	2	2	61
Сибирский	184	293	4	6	118
Дальневосточный	13	10	-	-	7
ИТОГО	725	1472	15	17	403

В масштабах Северо-Западного федерального округа к середине 2011 г. при вузах было создано 87 малых инновационных предприятий (далее – МИП). Назовем некоторые из них.

В Новгородской области наиболее успешными МИП являются: ООО «Грумант» – разработка и производство фармацевтических субстанций; ООО «Мэйпик» – разработка технологии и изготовление слоистых структур на основе подложек из лейкосапфировых пластин; ООО «Энигрон» – разработка маскирующих компиляторов для практически любого программного продукта.

При высших учебных заведениях Вологодской области функционируют такие МИП, как созданные при ГОУ ВПО «Вологодский государственный технический университет» общества с ограниченной ответственностью: Научно-производственная фирма «ВиВАТ» (направление деятельности: технологии переработки и утилизации техногенных образований и отходов, очистка воды); Научно-производственная фирма «ЭнергоКИТ» (направление деятельности: технологии создания энергосберегающих систем транспортировки, распределения и потребления тепла и электроэнергии); Научно-производственный центр «Информационные и

энергетические технологии» (направление деятельности: технология искусственного оттаивания мерзлого грунта поверхностным радиационно-конвективным методом при ремонтно-строительных работах); а также Общество с ограниченной ответственностью «Безопасность информационных технологий» при ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет» (направление деятельности: разработка и внедрение форм защиты информации).

Несколько подзабытым, но, тем не менее, все еще действующим механизмом как формирования, так и реализации организационно-управленческой компоненты человеческого потенциала является *Президентская программа подготовки управленческих кадров (2007 – 2013)*³, реализуемая согласно Указу Президента Российской Федерации «О подготовке управленческих кадров для организации народного хозяйства Российской Федерации» № 774 от 23 июля 1997 г. и Постановлению Правительства Российской Федерации № 177 от 24 марта 2007 г. в формате Государственного плана.

Стратегическая цель программы – повышение качества управления на отечественных предприятиях до международного уровня.

³ Детальная информация о программе в [18].

В рамках Президентской программы 5000 менеджеров ежегодно проходят 550 часовую подготовку в ведущих российских образовательных учреждениях по укрупненной группе специальностей и направлений «Экономика и управление», после чего им предоставляется возможность прохождения стажировки на профильных российских или зарубежных предприятиях. Уровень изменений в области внедрения новых технологий на предприятиях, участвующих в Президентской программе, почти в два раза превосходит средние данные по промышленным предприятиям России. Благодаря выполнению специалистами проектных заданий, разработанных в процессе обучения, в России ежегодно создается около 400 новых предприятий, порядок привлеченных инвестиций на российские предприятия измеряется 300 млн. евро, а среднее сокращение издержек на производстве составляет 10%.

В задачи программы входит:

- подготовка в российских образовательных учреждениях 5000 специалистов ежегодно;
- стажировка в ведущих российских и зарубежных организациях до 3000 специалистов ежегодно;
- содействие в реализации проектов, разработанных специалистами.

Участие в программе подготовки управленческих кадров предоставляет возможность предприятиям и организациям России:

- создать серьезные предпосылки для перехода к новым формам и принципам управления;
- осуществить позитивные изменения в структурах управления, производства и в корпоративной культуре;
- решить конкретные проблемы в процессе подготовки и иностранной стажировки своих специалистов (реструктуризации, перепрофилирования, получения инвестиций и заказов и др.);

- установить новые производственно-экономические контакты с российскими и зарубежными предприятиями, а также развить существующие связи с традиционными партнерами;

- участвовать в специализированной федеральной информационной базе данных, что даст дополнительные возможности при участии в конкурсах на получение государственных заказов и привлечении инвестиций.

Реализация Программы носит региональный характер. Так, например, в Красноярском крае за нее отвечает министерство экономики и регионального развития края. Обучение проводится в ФГОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» и ГОУ ВПО «Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева». В Санкт-Петербурге обучение по программе ведется на базе 7 вузов, в число которых входят: Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербургская академия управления и экономики; Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет; Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; Санкт-Петербургский государственный политехнический университет; ФГОУ ВПО Северо-западная академия государственной службы; Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики.

Следует отметить, что с 2009/10 учебного года в Программу включена инновационная компонента посредством введения специальных программ повышения квалификации «Менеджмент в сфере инноваций».

Своего рода знаковым событием, отражающим усилия государства в направлении формирования механизма реализации организационно-управленческой

компоненты человеческого потенциала, стала организация и запуск работы Агентства стратегических инициатив (АСИ) [13, 14], позиционируемого как своего рода всероссийский «инкубатор» бизнес-проектов и социальный лифт реализации наиболее интересных, в первую очередь молодежных, проектов. Планируется, что агентство будет ежегодно помогать реализации 100 – 200 проектов преимущественно начинающих бизнесменов и, в частности, будет оказывать поддержку в формировании бизнес-планов и финансовых моделей функционирования.

Среди задач агентства: налаживание взаимодействия малого и среднего бизнеса, разработка налоговых норм для инновационных проектов и создание института независимой экспертизы, а также выработка стандартов подготовки молодых бизнесменов и специалистов.

Одной из целей работы автономной некоммерческой организации АСИ заявлено «содействие развитию социальной и профессиональной мобильности молодых профессиональных кадров и коллективов». В определенной мере достижению этой цели содействуют и три уже существующие некоммерческие бизнес-ассоциации: РСПП, «Деловая Россия», «ОПОРА России» (соответственно представляющие крупный, средний, малый бизнес).

Важным направлением реализации организационно-управленческой компоненты человеческого потенциала является политика привлечения и удержания перспективных талантливых специалистов TalentManagement. В качестве иллюстрации подобного рода деятельности приведем опыт разработки Таганрогской межрайонной торгово-промышленной палатой (далее – ТМТПП) *метода непрерывного поиска* перспективных сотрудников [8]. Цель программы – введение системы отбора перспективных специалистов среди

студентов; выявление, подготовка и продвижение их для крупных и средних предприятий всех форм собственности, социальных и культурных учреждений, сферы услуг, государственных органов власти различных уровней и местного самоуправления. Основная задача – информационное и методическое обеспечение условий профессионального роста участников проекта. Запущенный в 1999 г. проект ориентирован на основные группы молодежи, среди которых особое внимание уделялось студентам Таганрогского радиотехнического университета. Его выпускники традиционно востребованы различными компаниями и организациями, связанными как с наукоемкими технологиями, так и с коммерческой деятельностью. По ходу реализации проекта в 2004 г. на базе отдела деловой информации и консультаций ТМТПП создан специализированный сектор по работе с перспективными кадрами, сформирована информационная и компьютерная база данных об участниках проекта, которой могут пользоваться руководители предприятий и организаций, входящие в состав ТМТПП.

Проект носит циклический характер. Каждый цикл реализации состоит из 3 основных этапов, основанных на психометрических методах (с отслеживанием рейтинга каждого участника), и дополнительного, подобранного в зависимости от конкретных потребностей в исследовании кандидатов.

На первом этапе используется метод экспертной оценки личности согласно стандартизированному перечню качеств (называемый методом групповой оценки личности – ГОЛ), направленный на оценку особенностей личностных проявлений с субъективной точки зрения. На втором этапе с применением диагностических модулей собирается объективная информация о личностно-деловом потенциале студентов,

исследуется понимание и прогнозирование их поведения с позиций потенциальной совместимости с конкретным руководителем. На третьем этапе со студентами проводится индивидуальная работа с использованием методов интервью (традиционное, проверка гипотез, СПИ – структурированное психометрическое интервью), что позволяет обеспечить сбор дополнительной информации о кандидатах.

Кандидаты, прошедшие каждый этап исследования, приглашаются к участию в следующем этапе отбора. Каждый срез последовательно осуществляется на все более высоком уровне, соответственно, снижая долю неоправданно отобранных кандидатов.

Данная методика глубинного отбора/подбора высококвалифицированных специалистов с ожидаемым набором личностных качеств прошла апробацию в рамках программы формирования кадрового потенциала из числа студентов двух факультетов Таганрогского радиотехнического университета. По результатам исследования Таганрогской межрайонной торгово-промышленной палатой выпускникам предоставляются рекомендательные письма, которые содействуют их трудоустройству.

Особая надежда возлагается обществом на человеческий потенциал *будущих* поколений – детей и молодежи, способности, готовности и потребности которых к выполнению различных деятельностей еще находятся в стадии формирования. В этой связи справедливыми представляются следующие рассуждения относительно механизма потенциальной реализации формируемого человеческого потенциала.

Не требует специальных доказательств тот факт, что все без исключения маленькие дети обладают творческими способностями и потребностями в их реализации. Эти способности могут относиться к различным сферам и областям.

Однако по мере развития такие способности либо улавливаются взрослыми (родителями, воспитателями, учителями и т.п.) и развиваются, либо «упускаются» или даже подавляются, и теряются или остаются в зачаточном состоянии.

В этой связи имеют право на выдвижение, по крайней мере, два тезиса: 1) необходима смена воспитательной и образовательной парадигмы от ориентации обучения и воспитания на «среднего» ученика, воспитанника и т.п. к индивидуализированному подходу к каждому ребенку, подростку с целью раннего выявления его способностей и их направленности с целью последующего их развития⁴; 2) генетически заложенные в человеке творческие способности и потребности в их реализации следует дополнить целенаправленно воспитываемой компонентой готовностей к реализации таковых и придать всей «триаде» позитивный, просоциальный вектор.

Может быть предложен следующий алгоритм формирования *организационно-управленческой компоненты человеческого потенциала* в условиях перехода к инновационной экономике, направленный на последующую (по мере перехода детей и молодежи к трудовой деятельности) его реализацию.

- Выявление (возможно, тестирование) в детском возрасте, на этапе обучения, в период выбора профессии способностей, потребностей и готовностей к выполнению деятельности организационно-управленческого характера. В советский период эту функцию осознанно и целенаправленно выполняли последовательно октябрятская, пионерская и комсомольская организации.

⁴ В качестве дополнительного (отсроченного) результата можно ожидать повышение обоснованности профессионального самоопределения, что, в свою очередь, позволит более эффективно расходовать средства, направляемые на профессиональное образование.

- Сюда же следует отнести формирование задела «креативного класса» – поддержку творческих, одаренных и талантливых детей и подростков: через специализированные школы и интернаты, специальные программы, гранты, телешоу, конкурсы; выявление талантливых детей поисковыми методами (по примеру, в частности, США и Великобритании, где представители науки ездят по школам страны с лекциями и беседами, не только просвещая подрастающее поколение, но и вовлекая его в сферу научных исследований, прививая вкус к такого рода исследованиям и параллельно отбирая подающих надежды школьников).

- Аккумуляция: предполагает поддержание имеющихся у каждого индивида способностей, потребностей и готовностей к выполнению деятельности творческого, инициативного и организационно-управленческого характера в целом и в частности, формирование профессиональных управленцев, и в первую очередь в области инноваций.

- Реализация/рациональное использование извлекаемых выраженных творческих и организаторских способностей, что должно отражаться, в первую очередь, в подборе и расстановке кадров с учетом имеющихся у каждого индивида способностей, потребностей и готовностей к выполнению деятельности творческого, инициативного и организационно-управленческого характера во всех сферах деятельности и на всех ее уровнях. При этом исключительно важную роль играет создание условий для извлечения человеческого потенциала (формирование гибких организационных структур для решения задач инновационного характера, выделение индивидуальных грантов поискового типа, возможно даже без установления четких формальных рамок (например, по принципу, описанному К. Воннегутом в его романе «Колыбель для кошки», 1963).

Заслуживают внимания и разного рода нестандартные/инновационные предложения, касающиеся организационно-управленческих решений в рассматриваемой области. И, в частности, идея создания *института инновационных агентов*, призванных находить учёных-изобретателей, содействовать им в патентовании их изобретений, организовывать и проводить либо помогать проводить научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки по этим изобретениям и внедрять их в производство [11].

В этих целях на государственном уровне предлагается запустить социальную программу, которая будет охватывать большинство регионов России и в рамках которой будет проводиться обучение и воспитание инновационных агентов и их последующая работа.

Инновационный агент – это особый тип человека, который прекрасно разбирается в технических науках и знает экономику, представитель, умеет объяснять, понимает актуальность инновационного развития для России, а значит, высоко патриотичен, коммуникабелен, умеет преодолевать бюрократические препоны, способен найти общий язык как с учёным, так и с бизнесменом и довести дело до заключения контракта между ними и запуска работы предприятия.

В перспективе такие запущенные инновационным агентом предприятия могут стать источником его доходов. Это может рассматриваться в качестве материального стимула его деятельности (которая на начальных этапах, правда, базируется на чистом энтузиазме).

Инновационным агентом в принципе может стать любой студент независимо от приобретаемой специальности, но наиболее предпочтительны молодые люди, обладающие дипломом по специальности «Инновационный менеджмент».

Задача инновационного агента — преодолеть «коммуникативную пропасть, пролегающую между изобретателем и инвестором и представляющую собой главную проблему инновации», искать изобретателей во всех уголках нашей страны, оценивать инновационный потенциал их изобретений и соединять изобретателя с нужным инвестором. Инновационный агент — это своего рода продюсер таланта изобретателя, его помощник.

Своеобразную трехкомпонентную формулу успеха инновационного развития страны выдвинул руководитель Инновационного центра И5 Александр Прозоровский: «Главным условием построения экономики знаний являются *талантливые кадры*. <...> Изобретателей нового должно быть относительно *много* и они должны быть *равномерно* «распре-

делены» по территории нашей большой страны — это второе условие. Источники инновационных идей должны начать свою продуктивную работу в нашей стране как можно быстрее и *синхронно* — это третье условие. Только отыскав по всей стране большое число изобретателей, объединив их, обеспечив финансирование и синхронную работу по производству инноваций, мы сможем набрать «*критическую массу*» людей, заряженных на модернизацию России, и это станет точкой бифуркации, после которой национальная инновационная система выйдет на самоподдерживающийся режим развития, настоящие новаторские продукты будут производиться опережающими темпами, затухающая сырьевая инерция сменится повсеместным инновационным ускорением».

Литература

1. Аналитическая справка по состоянию инновационного развития Приморского края [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.febras.ru/zip_for_site/far_east_innov/analysis_primorje
2. Государственно-частное партнерство в инновационных системах / под общ. ред. С.Н. Сильвестрова. — М., 2008.
3. Государственно-частное партнерство в образовании: [сборник] / научные редакторы О.П. Молчанова, А.Я. Лившин. — М.: КДУ, 2009.
4. Добрынин, А.И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова. — СПб.: Наука, 1999.
5. Жуков, А.В. Проблемы, с которыми сталкиваются высшие учебные заведения при учреждении хозяйственных обществ (малых инновационных предприятий) в соответствии с Федеральным законом от 02.08.2009 № 217-ФЗ [Электронный ресурс] / А.В. Жуков, А.Н. Фомин. — Режим доступа: <http://oni.ulgov.ru/news/448.html>
6. Инновационная Россия — 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года): проект / Минэкономразвития России. — Москва, 2010.
7. Информация о хозяйственных обществах, созданных вузами и НИИ в соответствии с Федеральным законом от 02.08.2009 ФЗ-217 (26.01.2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [strf.ru > Attachment.aspx?Id=25797](http://strf.ru/Attachment.aspx?Id=25797)
8. Кадры решают все. Непрерывный метод поиска ценных сотрудников. Доступно на сайте Ассоциации консультантов по персоналу (АКПП): www.apsc.ru/activities/grant/articles/kadry/
9. Кнорринг, В.И. Теория, практика и искусство управления: учебник для вузов по специальности «Менеджмент» / В.И. Кнорринг. — 2-е изд., изм. и доп. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА — ИНФРА-М), 2001.
10. Лукша, О. Центр коммерциализации технологий — организационное развитие: как создать, управлять, организовать мониторинг и оценку деятельности / О. Лукша, П. Сушков // Наука и коммерциализация технологий. — 2006.

11. На вопросы о деятельности Инновационного центра И5 отвечает руководитель Инновационного центра И5 Александр Прозоровский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iiii.ru/index.php/inno-agent>
12. Никитин, М.В. Ресурсный центр как функциональная модель непрерывного профессионального образования (методическая рекомендация для системы повышения квалификации) / М.В. Никитин. – М., 2004.
13. Распоряжение от 11 августа 2011 г. № 1394-р «О назначениях в автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов». Доступно на интернет-портале Правительства РФ: <http://government.ru/gov/>
14. Результаты работы совета ректоров вузов г. Пензы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.svrec.pnzgu.ru/files/sv_vzaim_rfbs.pdf
15. Стратегический ответ России на вызовы нового века / под ред. Л.И. Абалкина. – М.: Изд-во «Экзамен», 2004.
16. Человеческий потенциал для инновационной экономики: колл. монография / под. ред. д.э.н. С.А. Иванова; ИПРЭ РАН. – СПб., 2011.
17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pprog.ru
18. Ben-Porath Y. 1. The Production of Human Capital and the Life Cycle of Earnings. *Journal of Political Economy*. 1967. Vol. 75.

Социокультурные типы населения региона

В статье представлен анализ данных социологического исследования, проведенного ИСЭРТ РАН в Вологодской области, который позволил выделить важнейшие аспекты социокультурной модернизации: дифференциацию поведения, психологических черт индивидов, социальной самоидентификации. Показано, что население региона, вовлеченное в трансформационные преобразования, переживает процесс социокультурного разделения на группы, обладающие неодинаковыми поведенческими характеристиками, у различных социальных слоев складывается новая система интересов и ценностного отношения к происходящим изменениям.

Вологодская область, социокультурные типы, модернизация, ценности, социокультурная динамика.

**Мария Александровна
ЛАСТОЧКИНА**

кандидат экономических наук, научный сотрудник ИСЭРТ РАН
mashkop@mail.ru

Регион – специфический феномен, в котором зафиксированы исторически сформировавшиеся ценностные ориентиры, типы социального поведения, политические установки и специфические экономические практики. Для большинства населения понятным и единственно доступным социокультурным пространством является территория проживания, характеристики которой не всегда строго соответствуют реформационным преобразованиям. Сегодня учеными изучаются причины и следствия экономического кризиса, перспективы стабилизации социума, вопросы стратификационных изменений, миграций населения и т.д. Однако, при всем многообразии исследований, остается потребность в глубоком социологическом анализе современных российских процессов [7], особенно идущих в специфическом социокультурном пространстве отдельного региона [6, 8].

Условием выживания в неустойчивой социальной среде стал поиск успешных моделей социально-экономического поведения, адаптированных к новой реальности. В силу того, что каждый человек по-своему воспринимает происходящие перемены и реагирует на них, в силу неоднородности социума необходимо понять и оценить, каковы и насколько разнородны группы людей, объединенные схожими типами поведения и ценностными характеристиками. Определение величины пласта населения, на которое можно «рассчитывать» для осуществления социально-экономических преобразований в регионе, весьма актуально в связи с поставленными руководством страны задачами модернизации.

Социокультурная ориентированность населения обычно оценивается с помощью выборочных опросов [5], субъективных самооценок и общих понятий,

отражающих ту или иную сферу развития общества. Эти показатели достаточно сложно однозначно определить, поэтому необходим эмпирический подход, позволяющий не только описать содержание и смысл многозначных терминов, но и одновременно допускающий их количественный анализ, прогноз и диагностическую оценку [4]. Совместное использование корреляционно-регрессионных и компонентных методов позволит сформировать агрегированные показатели, отобрать наиболее информативные, влияющие или группообразующие факторы и найти наиболее значимые результативные показатели.

Информационной основой измерения социокультурных типов в регионе послужили результаты очередного этапа исследования «Социокультурный потенциал модернизации Вологодской области»¹, проводимого в 2010 г. в рамках программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», инициированной в 2005 году Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Представляемый анализ является очередным шагом в изучении социокультурного пространства Вологодской области. Основная идея этого этапа заключается в выявлении особенностей социокультурных типов населения, формирующихся на фоне экономической и социальной мобильности региона.

Для анализа стратификационного строения общества была выбрана система показателей, обладающая рядом преимуществ. Она достаточно представительна для описания социокультурного типа,

¹ Исследование базировалось на результатах опроса общественного мнения в Вологодской области. Анкетирование населения было проведено в 2010 г. Институтом социально-экономического развития территорий РАН. Объем выборки составил 1500 человек, она репрезентативная, ошибка выборки не превышает 3%.

так как не только отражает материальный уровень жизни, образование и наличие властных функций [2], но и описывает важные данные об инновационной активности, удовлетворенности жизнью, уверенности в жизни и т.д. Большую часть составляют показатели ценностных ориентаций личности.

Все критерии в анкете были представлены в виде шкалы. Для оценки материального благосостояния применялась шестиступенчатая шкала, по которой респонденты распределились от самого низкого уровня (условно нищие) до самого верхнего (условно богатые). В фиксации уровня образования, являющегося индикатором профессиональной и культурной подготовки, применялась упорядоченная шкала: от категории «без образования, начальное образование» до категории «высшее, послевузовское».

В ходе ответа на вопрос: «Имеете ли Вы на основной работе подчиненных?» – фиксировалось наличие властных функций и отмечалось число подчиненных: (1) – нет, не имею; (2) – менее 5 человек; (3) – 5-10 человек; (4) – 11-50 человек; (5) – 51-100 человек; (6) – более 100 человек. Инновационная активность измерялась по ответу на вопрос: «Участвовали ли Вы в последние 12 месяцев в создании каких-либо новшеств (новая фирма, новый продукт, новая технология, новая услуга)?»; варианты ответа: (1) – не участвовал; (2) – участвовал наравне с другими; (3) – участвовал как организатор. Эти показатели были приняты за базовые, т.е. составляющие основу социокультурных типов личности, которые в процессе социализации усвоили ценности, нормы, установки и всевозможные регуляторы человеческого поведения, в различной степени связанные с модернизацией и новшествами, приносимыми ею. Всего же для изучения населения Вологодской области было отобрано 36 переменных.

Как и следовало ожидать, сильной оказалась взаимосвязь улучшения жизни от различных властей – районной, городской, областной и общероссийской (коэффициенты корреляции: $r = 0,742$; $r = 0,827$; $r = 0,865$). Связь средней силы выявлена среди показателей «зависимость улучшения жизни от категорий: близких родственников и друзей» ($r = 0,536$). Статистически подтвердилась взаимосвязь: чем удовлетвореннее человек своей жизнью, тем он более уверен в своем будущем ($r = 0,536$). Наиболее взаимозависимыми оказались ценности, декларирующие обязанности государства ($r = 0,500$), закона ($r = 0,534$) и традиционные семейные приоритеты ($r = 0,599$).

Проведенный компонентный анализ, выполненный посредством ППП SPSS 15.0, позволил выделить 3 фактора, которые имеют значение, превосходящее единицу. Отметим, что расчеты начинались с введения 36 переменных, которые при моделировании объединились в 12 факторов, суммарно объяснявших 66,7% дисперсии. Сокращение числа показателей до 15 вело к образованию 6 факторов и понижало объяснительную способность модели до 58,8%. В результате множества экспериментальных расчетов получилась модель, включающая 8 компонент, 3 фактора и имеющая объяснительную способность 53,5%. Первый фактор объясняет 22,7% суммарной дисперсии, второй фактор – 16,9% и третий – 13,9%.

Максимальный вес в формировании первого фактора имеет «удовлетворенность жизнью», чуть менее весомым оказался показатель «уверенность в будущем»; «материальное положение» хотя и имеет наименьший вес, однако значение факторной нагрузки достаточно хорошее – 0,566. Таким образом, на основании позитивных корреляционных коэффициентов участвующих переменных с фактором в

качестве метки для него можно выбрать обозначение: «Качество жизни». Большая положительная величина фактора означает, что индивид более уверенно чувствует себя в жизни, с большим оптимизмом смотрит в будущее.

Ко второй факторной переменной относятся показатели: наличие на работе подчиненных, участие в создании новшеств, уровень образования. Меткой для этого фактора выбрали «Прогрессивность». Большое положительное значение фактора символизирует обладание властными ресурсами и символическим капиталом в виде высшего образования.

Третий фактор объединил переменные: предпочитаемая работа и признание того, что главное в жизни – это уважение к сложившимся обычаям и традициям. С этим фактором было сопоставлено понятие «Социализация». Большое положительное значение компоненты свидетельствует о преобладании устойчивой системы традиционных ценностей, ориентированной на достижение стабильных материальных благ с долгосрочной социальной перспективой.

Анализ разброса факторных значений позволил выявить различия между респондентами с неодинаковыми социально-демографическими характеристиками. Сравнение подгрупп выделенных компонент показало, что наилучшим качеством жизни обладают городское население (каждый четвертый) и мужчины (наименьшая среди всех характеристик доля с низким качеством жизни – 13%, доля с высоким качеством жизни равна 24%), а наихудшим – сельские жители (наименьшая среди всех характеристик доля с высоким качеством жизни – 15%; табл. 1). Как и следовало ожидать, мужчины имеют более прогрессивные взгляды, чем женщины. Взрослое население (от 36 до 59 лет) занимает самые активные жизненные позиции (14%) даже в сравнении со всеми выделенными категориями.

Таблица 1. Доля респондентов в подгруппах выделенных факторов (в % от числа ответивших)

Фактор	Пол		Возраст			Тип поселения	
	Мужчины	Женщины	Молодежь 18 – 35 лет	Взрослые 36 – 59 лет	Пенсионеры 60 лет и старше	Село	Город
<i>Качество жизни</i>							
Низкое	13	21	18	16	18	17	18
Среднее	64	61	59	68	59	67	58
Высокое	24	18	23	16	23	15	25
<i>Прогрессивность</i>							
Пассивные	10	7	8	4	16	9	7
Нейтральные	77	84	82	82	77	81	81
Активные	13	9	10	14	7	10	12
<i>Социализация</i>							
Низкая	20	18	28	15	12	20	18
Средняя	63	58	58	65	58	61	60
Высокая	17	24	15	21	31	19	22

Источник: Данные социологического исследования населения Вологодской области 2010 г. (ИСЭРТ РАН).

Молодежь (от 18 до 35 лет) ориентирована на достижение личного материального успеха без долгосрочной социальной перспективы (28% с низкой степенью социализации); женщины и представители старшей возрастной категории обладают более твердой системой традиционных ценностей, характеризуются большими социальными надеждами и стремлением к сбалансированной жизни.

С целью разделения респондентов на слои (типы), имеющие схожие характеристики и не выходящие за значения некоторого порога, отделяющего один кластер от другого, был применен кластерный анализ. В его основу легли показатели, определенные ранее при помощи факторного анализа. Экспериментальным путем было установлено, что оптимальное количество выделенных кластеров равняется четырем. Во-первых, это обеспечивает достаточную дифференциацию массива и различие кластеров по характеристикам попавших в них респондентов; во-вторых, сохраняет наполняемость кластеров: в самом меньшем из них получилось 6% опрошенных. Дальнейшее увеличение числа кластеров привело бы к неоправданному уменьшению их наполняемости.

По характеристикам респондентов в выделенных кластерах можно заключить, что мы имеем дело с социальными слоями, различающимися между собой иерархическим местом в социальной системе, пространственной локализацией, субъективными характеристиками, отношением к происходящим переменам, ценностными установками, интересами. В *таблице 2* приведены доминантные признаки выделенных кластеров (слоев).

Первый кластер, количественно самый большой (43%), объединяет людей, не имеющих высшего образования (незаконченного высшего), находящихся в таком материальном положении, которое можно охарактеризовать как «бедность». Потенциал, ориентированный на традиционные нормы, позволяет утверждать, что за ростом индивидуалистических ценностей, по сути, стоят ценности выживания, а не самореализации. Это кластер «традиционалистов» – в его центре те, кто не может точно оценить свое будущее и настоящее, они не уверены в оценке своей жизненной обстановки.

Третий кластер представлен такими признаками, которые говорят о невысоких социальных позициях входящих в него

Таблица 2. Частоты переменных в выделенных кластерах (% ответивших на вопрос)

Переменные	Кластер 1 «Традиционалисты»	Кластер 2 «Реалисты»	Кластер 3 «Специалисты»	Кластер 4 «Модернисты»
Наличие подчиненных на работе	10	18	4	23
Наличие хорошего дохода	39	45	39	53
Высшее образование (незаконченное высшее)	0	29	21	58
Инновационная активность	3	2	7	9
Ценности (приверженность традициям, обычаям)	100	0	18	100
Уверенность в будущем	40	43	32	48
Удовлетворенность жизнью	41	47	36	56
Предпочтение рискованной работы	16	43	50	55
Доля среди всех ответивших	43	11	20	26

Источник: Данные социологического исследования населения Вологодской области 2010 г. (ИСЭРТ РАН).

людей, поскольку они располагают в основном средним образованием (70%) и низким уровнем дохода (61%). У этого слоя присутствует неуверенность в будущем и неудовлетворенность жизнью, однако, отдавая предпочтение большому заработку без гарантий на будущее, они имеют высокий показатель инновационной активности (в основном за счет создания новых фирм, ведения бизнеса). Можно сказать, что это слой «специалистов».

Четвертый и второй кластеры объединяют людей, обладающих властными ресурсами и довольно высоким уровнем доходов. Для них характерны уверенность в будущем и удовлетворенность жизнью. Но существенное различие этих кластеров заключается в уровне образования и жизненных ценностях. Если важной характеристикой четвертого кластера является высшее и незаконченное высшее образование (57%), то второго – среднее (62%). Опрошенные четвертого кластера, в отличие от второго, обладают твердой системой традиций и уважением к сложившимся обычаям. Это позволяет относить входящих в них респондентов в группы «модернисты» и «реалисты» соответственно.

Таким образом, иерархическое строение общества свидетельствует о существовании дистанции между социальными типами, определяющей различия в восприятии ими

всевозможных социальных явлений, их социокультурную самоидентификацию и ценностные ориентации [2].

Сравнение кластеров в разрезе социально-демографических характеристик показывает, что возраст является существенным дифференцирующим фактором: так, среди «модернистов» преобладает молодежь – 45%, тогда как среди «традиционалистов» ее доля равна только 28%. Людей пенсионного возраста в этих группах 12 и 32% соответственно. Распределение респондентов по возрасту продемонстрировало, что доли мужчин и женщин внутри всех кластеров отвечают демографическому делению населения Вологодской области. С точки зрения места жительства выделены города Вологда и Череповец – областной и экономический центры региона с населением около 300 тыс. человек каждый. Их жителей отличает высокий уровень образованности, значительно более высокий по сравнению со средними значениями уровень доходов и, как следствие, относительно высокая удовлетворенность жизнью. Среди наиболее модернизированного населения преобладают городские жители – их на 10% больше, чем сельских. В кластере «специалисты» преобладают сельские жители, а среди «реалистов» и «традиционалистов» – городское население, при этом разница незначительна – в пределах 2 – 4%.

Существенные различия между слоями можно наблюдать при анализе самоидентификации. К низшему социальному слою отнесли себя в первом кластере 42% респондентов, в четвертом кластере таких на 6% меньше. Среди «традиционалистов» менее 4%, по их оценкам, принадлежат к слою выше среднего и никто не относится к высшему слою. В кластерах «реалисты» и «специалисты» к слоям выше среднего относят себя 7 – 8%, среди «модернистов» – почти 10%. Основная масса опрошенных в выделенных кластерах причисляют себя к среднему социальному слою.

Анализ кластеров по профессиям показал, что слой «модернистов» на 54%, а «специалистов» на 50% состоят из интеллигенции и среднего управленческого персонала. Среди «реалистов» 24% – это рабочие в промышленности, на транспорте и связи, 15% – работники сферы быта и услуг. «Традиционалистов» представляют прежде всего рабочие (26%), пенсионеры (12%), работники сельского хозяйства (11%). Дополнив эти данные сведениями о том, на предприятиях каких форм собственности работают респонденты, можно увидеть тенденцию влияния становления новых рыночных отношений на уровень образования социальных слоев. Подавляющее число «реалистов», «специалистов» и «модернистов» сосредоточены в частном секторе, в том числе акционерном. Таким образом, формируется особый класс, включающий в себя менеджеров и работников интеллектуального труда, при котором отношения с работодателем основаны на взаимном доверии и преследуют общие коммерческие интересы. Одновременно 4% респондентов четвертого кластера («модернисты») и 3% – третьего кластера («специалисты») являются владельцами предприятия (фирмы), находящегося в личной собственности, тогда как в остальных кластерах данные категории отсутствуют.

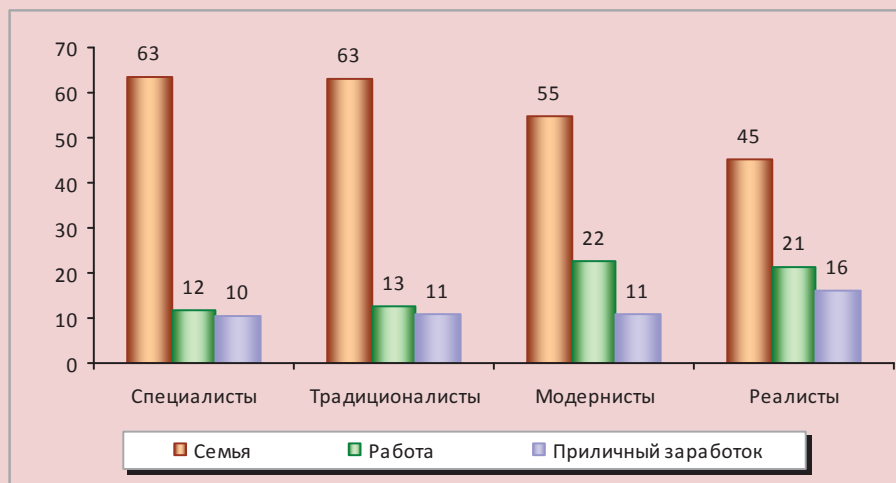
Тот факт, что большинство «традиционалистов» (40%) работают в организациях государственной и муниципальной собственности, 8% – в колхозе (совхозе), а 9% – не имеют постоянной работы (пенсионеры), демонстрирует, что по характеру и содержанию этот социальный слой сильно уступает остальным кластерам в плане соответствия курсу рыночной экономики и интервенции специалистов на рынке труда.

Качество жизни, рабочая обстановка, круг общения, характерные для выделенных социальных слоев, оказывают влияние на дифференциацию их увлечений и ценностных ориентаций. Во всех слоях первое место занимают интересы семьи и дома, однако разница между «специалистами» и «реалистами» составляет почти 20%, т.к. для последних большую значимость имеют работа и обеспечение приличного заработка (рис. 1).

Довольно близки эти позиции во всех выделенных группах, но заработок в ответах на вопрос в каждом слое занял только третье место, что свидетельствует об избирательном отношении вологжан к работе: не всякая работа их устраивает. Среди «модернистов» почти у каждого пятого интересы связаны прежде всего с работой, что почти в два раза больше, чем среди «традиционалистов», и наименьшую долю (2%) составляют те, для которых главное – духовные интересы, культура.

Заметные отличия друг от друга демонстрируют представители разных слоев в отношении проведения свободного времени и наличия хобби [1]. Самая большая доля имеющих увлечение – среди «модернистов» (39%), наименьшая – среди «реалистов» (26%). В интенсивности использования досуга также наблюдаются различия. Предпочитают в свободное время смотреть телевизор больше половины респондентов (56 – 67%), велика и численность занимающихся домашним хозяйством – 39 – 56%.

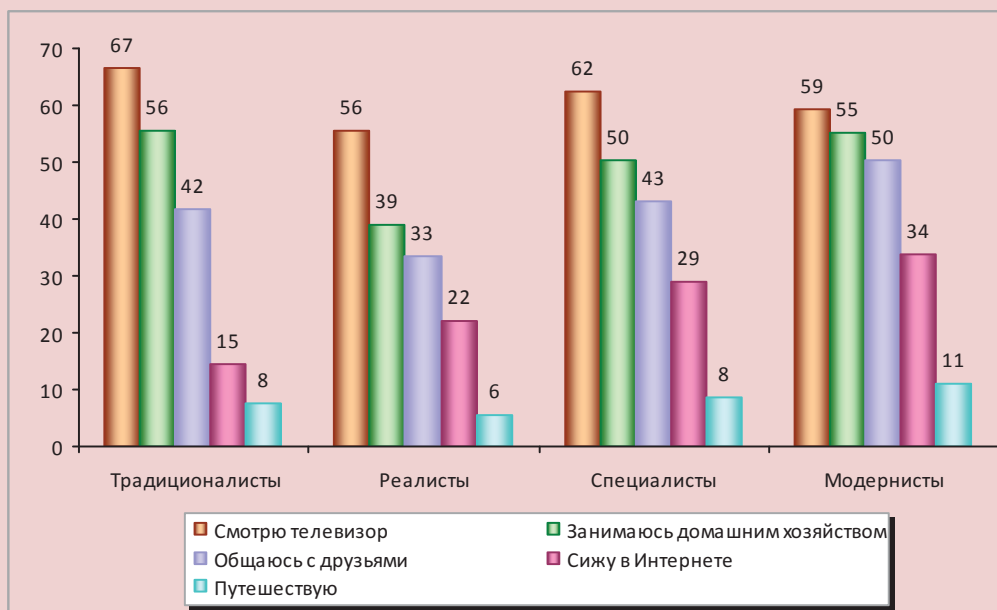
Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «В какой области находятся Ваши главные интересы?» (в % от числа ответивших)

Примечание. Показаны три наиболее часто выбираемые позиции.

Источник: Данные социологического исследования населения Вологодской области 2010 г. (ИСЭРТ РАН)

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы проводите свободное время?» (в % от числа ответивших)

Источник: Данные социологического исследования населения Вологодской области 2010 г. (ИСЭРТ РАН)

Эти две категории имеют наибольший вес в кластере «традиционалисты» (рис. 2). Среди «модернистов» больше, чем среди остальных слоев, доля тех, кто использует свое свободное время на общение с друзьями (50%), на «сидение в Интернете» (34%)

и путешествия (11%). Повышение уровня социокультурной модернизированности ведет к более интенсивному использованию своего свободного времени. «Модернисты», в отличие от «традиционалистов», более мобильны, активны и стремятся к успеху.

Была исследована взаимосвязь уровня социокультурной модернизированности с некоторыми суждениями и нравственными ценностями населения. Самая высокая значимость содержательной, интересной работы, которая заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни (78%), прослеживается среди «модернистов». Для этого социального слоя характерны также инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни. Слой «традиционалистов» более остальных привержен такой ценности, как забота о своем здоровье и благополучии (88%). Из 14 предложенных суждений «реалисты» придерживаются в первую очередь суждения «Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям» (70%). «Специалисты» отмечают, что самое ценное на свете – это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах (81%).

Уровень социокультурной модернизированности респондентов исследовался и в качестве фактора, влияющего на степень доверия к власти и региональным органам управления. Выяснилось, что по этому показателю выделенные группы достаточно близки. Наиболее существенные различия отмечены только в доверии к прокуратуре и правительству региона. Большинство людей не доверяют местным и муниципальным органам управления и менее всего доверяют средствам массовой информации и профсоюзам.

«Модернисты», будучи так же амбициозны и недоверчивы к государству, как и «традиционалисты», в то же время более склонны принимать участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, нарушения прав и свобод человека. Ценности современного социума парадоксальны: общество не доверяет государству,

стремится отстраниться от него и при этом выступает за ужесточение государственного контроля; общество приветствует индивидуальность и одновременно отрицает свободу [3]. Еще одна особенность российского менталитета – традиционализм. Подавляющее большинство населения привержено традиционным, вечным ценностям, склонно к уважению сложившихся обычаев и традиций.

Проведенный анализ показал, что сдвиги, наблюдаемые в ценностных ориентациях респондентов при повышении уровня их социокультурной модернизированности, направлены в сторону большего соответствия современному (индустриальному), а не традиционному обществу. Субъективная социокультурная ориентированность сказывается на интересах, ценностях и мотивации людей, на их производительности и благосостоянии, сводящемся к уровню, образу и качеству жизни. Различные социокультурные типы отражают степень признания обществом либеральных ценностей, рыночной идеологии, конкуренции, экономического прогресса, преимуществ и ограничений кооперации и взаимопомощи.

Таким образом, изучение социокультурных типов подтвердило гипотезу исследования о выраженности в современном обществе тенденции повышения уровня социокультурной модернизированности социума при переходе от поколения к поколению. Анализ эмпирических данных социологического исследования позволил выделить полюса социокультурной модернизации, которые демонстрируют дифференциацию поведения, психологических черт индивидов и социальной самоидентификации. Население региона, вовлеченное в трансформационные преобразования, переживает процесс социокультурного разделения на группы,

обладающие неодинаковыми поведенческими характеристиками. Среди жителей Вологодской области существует кластер людей, которые готовы к нововведениям, совершенствованию, созданию новшеств, склонны к модернизации и движению к инновационному развитию.

Течение в сторону модернизации в России неотделимо от формирования общественно-исторической субъективности личности. Отсюда социальное явление,

характеризующее незаконченность общественных преобразований, принятия возможности альтернативного пути развития и выбора прогрессивной модели будущего. Для успешности проведения задуманных элитой модернизационных преобразований необходимо раскрепостить социальную энергию общества, создавать условия, содействующие творческой самореализации личности, вернуть престиж творческим профессиям.

Литература

1. Антонова, М.А. Культурный капитал населения Вологодской области / М.А. Антонова // Проблемы развития территорий. – 2012. – № 2(58). – С. 62-69.
2. Беляева, Л.А. Социальные слои в России. Опыт кластерного анализа / Л.А. Беляева // Социс. – 2005. – № 12.
3. Демидов, А.М. Исследование социокультурных стилей в России: десять лет спустя / А.М. Демидов // Социс. – 2011. – № 12. – С. 131-136.
4. Епишин, Ю.Г. Интегральные характеристики роли государства и уровня социально-экономического развития: межстрановой анализ / Ю.Г. Епишин // Математическое и компьютерное моделирование социально-экономических процессов: сб. статей под ред. Ю.Н. Гаврильца. – М.: ЦЭМИ РАН, 1997. – С. 53-60.
5. Зараковский, Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие / Г.М. Зараковский. – М.: Смысл, 2009. – 319 с.
6. Леонидова, Г.В. Направления оценки интеллектуального потенциала / Г.В. Леонидова // Федерализм. – 2011. – № 2. – С. 69-80.
7. Стратегия социально-экономического развития страны до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://strategy2020.rian.ru/>
8. Шабунова, А.А. Оценка населением социокультурной среды региона / А.А. Шабунова, Н.А. Окулова // Социологические исследования. – 2011. – № 6. – С. 36-43.

Распространение субкультурных движений как результат социальной разобщённости в молодёжной среде

В статье рассмотрена проблема отчуждения российского и украинского общества от основных институтов социализации. В качестве одного из негативных последствий этого процесса рассмотрена актуальность проблемы субкультурных движений в молодёжной среде постсоветских государств. Представлены основные причины распространения неформальных молодёжных объединений, а также механизмы воздействия субкультурных установок на подрастающее поколение. Сформулированы основные направления профилактики негативного влияния субкультур.

Субкультура, молодёжь, психическое здоровье, социализация, социальная аномия.

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

кандидат экономических наук, научный сотрудник ИСЭРТ РАН
379post@mail.ru

**Вера Ивановна
ПОПОВА**

кандидат экономических наук, зав. отделом ИСЭРТ РАН
common@vscc.ac.ru

**Евгений Олегович
ВАСИЛЬЧУК**

преподаватель Черкасского государственного бизнес-колледжа
skm042006@rambler.ru

Современное постсоветское переходное общество пребывает в сложном и противоречивом процессе общественно-политических, социально-экономических, культурных преобразований, сопровождающихся

столкновением устоявшихся норм и ценностей, регулирующих поведение людей, с новыми, противоречивыми стандартами, которые внедряются в общество средствами массовой информации.

Стремительная девальвация и разрушение традиционных норм и ценностей привело к изменению поведенческих стратегий разных социальных групп постсоветского общества, и в первую очередь молодёжи. Культурная аномия, характерная для современного общества, сопровождается отсутствием интеграции в стабильные социальные институты значительного количества молодых людей, что влияет на их собственную личную стабильность и успешность, а также на функционирование социальной системы в целом.

В связи с высокой степенью актуальности данной проблемы научным коллективом ИСЭРТ РАН (Россия) совместно с Черкасским государственным бизнес-колледжем (Украина) было проведено исследование, целью которого являлся анализ духовно-нравственного и психологического состояния молодёжи как фактора, способствующего отчуждению её представителей от основных институтов общества и распространению такого социального явления, как субкультурные движения. Необходимо отметить, что при осуществлении данного исследования не ставилась задача охарактеризовать политические ориентации молодого поколения.

Выбор именно России и Украины как поля для исследования психологического климата в молодёжной среде не случаен. Из всех стран постсоветского пространства именно эти государства обладают общими чертами и проблемами, связанными с кризисом духовно-нравственных ценностей после распада СССР. Общие трудности для Украины и России заключаются в том, что общество существует отдельно от власти, социуму свойствен патернализм¹.

¹ Центр социально-консервативной политики. Материалы заседания по теме «Россия и Украина: общие проблемы и пути выходов» 17.08.2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cskr.info/17-августа-в-киеве-состоялось-заседание/>

По данным социологических центров (Юрия Левады в России и Разумкова в Украине), «украинцы и россияне одинаково не уверены в будущем своих стран... общественные настроения настолько схожи, что впору вести речь об общих вызовах»². В духовно-нравственном состоянии населения обоих государств присутствуют общие признаки³:

1. Во-первых, 85% россиян не знают, куда движется их страна и есть ли у нее будущее. Эту позицию разделяют и украинцы, причем число тех, кто полагает, что страна скатывается в диктатуру, выросло за 2010 год вдвое.

2. Вторая особенность состоит в стремительном отчуждении граждан от государства. С ним отождествляют себя, судя по данным на 2010 г., лишь 57% украинцев и 58% россиян. Жители двух государств всё чаще предпочитают идентифицировать себя по социальным ролям (муж, отец, сын), национальности или профессии.

3. Третья общая черта — неверие граждан в способность и желание государства их защитить. В России не чувствуют себя в безопасности 58% жителей. В Украине милиции не доверяют 50,6% граждан.

4. Четвёртая схожая особенность заключается в возмущении населения высоким уровнем социального расслоения: 40% украинцев и 42% россиян считают, что их уровень жизни снизился.

Таким образом, и в России, и в Украине наблюдаются аналогичные негативные тенденции, имеющие все признаки социальной аномии и заключающиеся в кризисе основных социальных институтов, отчуждении общества от государства, росте социального напряжения.

² Россия и Украина: общие итоги «нулевых» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://emigrant-ussr.ru/blog/rossija_i_ukraina_obshhie_itogi_nulevykh/2011-01-20-110

³ Там же.

В этих условиях одним из наиболее уязвимых слоев населения является молодёжь, представители которой, по причине своего возраста и отсутствия жизненного опыта, обладают недостаточно устойчивой концепцией мировоззрения и нестабильной структурой духовно-ценностных ориентиров.

О том, что современная молодёжь пребывает в состоянии социальной аномии и поэтому является «лёгкой добычей» для любых сил, готовых предложить ей цель в жизни и уверенность в будущем, свидетельствуют данные социологических опросов. Так, по данным исследования, проведённого на территории Вологодской области в 2011 г., примерно каждый третий (31%) человек в возрасте до 30 лет проявляет симптомы тревоги, депрессии или невроза; 32% не удовлетворены своей жизнью; 33% испытывают чувство одиночества; каждый четвёртый даёт негативные оценки своему повседневному эмоциональному состоянию (21%) и отмечает неуверенность в своём будущем (25%). Значительная часть молодёжи не доверяет таким институтам, как суд (29%), профсоюзы (34%), прокуратура (30%), полиция (40%), средства массовой информации (33%)⁴.

Ощущение социальной сплоченности молодые люди отмечают только на уровне ближайшего окружения, что также свидетельствует о превалировании индивидуализма в мировоззренческих установках и взглядах молодёжи на устройство российского общества (рисунки)⁵.

⁴ Мониторинг общественного мнения / Институт социально-экономического развития территорий РАН. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011 – 2012. Мониторинг осуществляется методом анкетирования по месту жительства. С периодичностью 6 раз в год опрашивается 1500 человек в 10 муниципальных образованиях Вологодской области (Кирилловский, Вожегодский, Шекснинский, Грязовецкий, Никольский, Бабаевский, Тарногский, Великоустюгский районы, а также г. Вологда и г. Череповец). Выборка целенаправленная, квотная. Ошибка выборки не превышает 5%. Техническая обработка информации производится в программах SPSS и Excel.

⁵ Там же.

Более половины (58%) людей в возрасте до 30 лет характеризуют социальные отношения в стране как «несогласие» и «разобщённость».

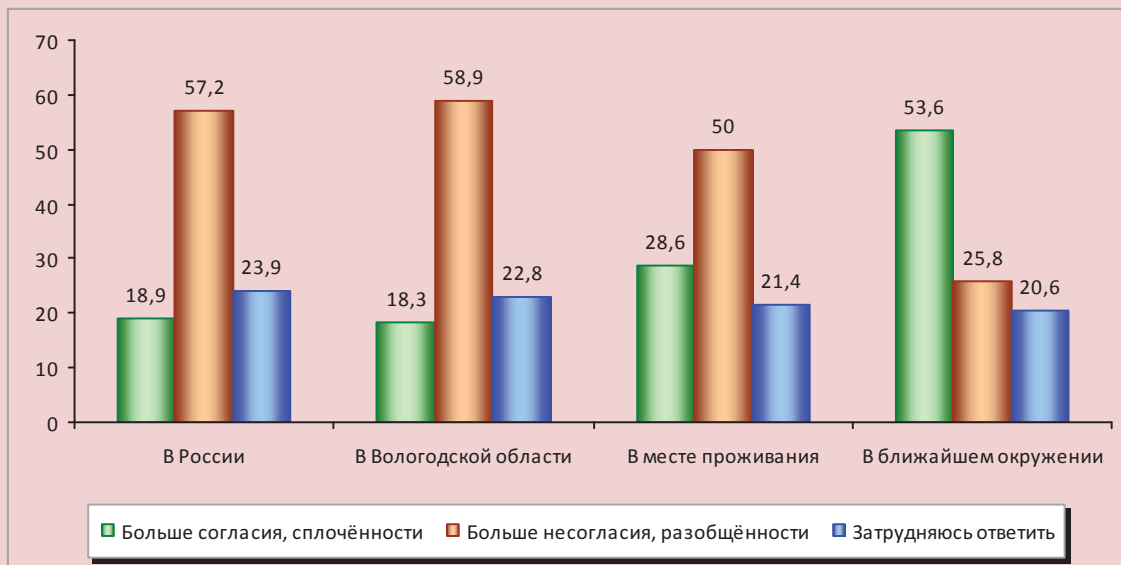
Не менее напряжённая ситуация наблюдается и в Украине: 72% выпускников школ признаются, что употребляют алкогольную продукцию; 60% отмечают, что гордятся своей Родиной, однако лишь 3% готовы идти ради неё на какие-либо жертвы или уступки; 36% украинских выпускников уверены, что для хорошей жизни нужно уметь иногда обходить закон; 44% опрошенных считают, что для достижения высокого положения в обществе нужны прежде всего влиятельные родственники (для сравнения: высокий интеллект и способности для реализации этой цели отметили лишь 35%); 30% школьников тревожатся о своём будущем, 35% испытывают чувство растерянности перед ним⁶. Таким образом, как отмечают исследователи, подавляющая масса подростков прагматична и демонстрирует потребительский подход к своей родине, считая, что именно государство должно заботиться о своих гражданах⁷.

Социальная аномия молодого поколения бывших стран СССР наиболее ярко проявляется в их взглядах на политическую ситуацию. При этом повышенная эмоциональность, отсутствие жизненного, политического и профессионального опыта, психологическая неустойчивость молодёжи может использоваться представителями политических элит в различных сценариях борьбы за власть.

⁶ Общенациональное исследование выпускников средних школ было проведено сотрудниками Института социологии НАН и Института педагогики НАПН в сентябре – октябре 2011 года. Всего было опрошено 10134 ученика и 1066 учителей. Выборка репрезентативна, статистическая погрешность в границах 3,2%.

⁷ Шкатов О. Украинская молодёжь хочет научиться обходить закон / Информационно-аналитический портал «Комментарии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://life.comments.ua/way/2012/01/23/316572/ukrainskaya-molodezh-hochet.html>

Оценка людьми в возрасте до 30 лет уровня сплочённости общества на различных уровнях организации социума (в % от числа опрошенных)

Данные социологических исследований, осуществлённых в Вологодской области, свидетельствуют об аполитичном характере взглядов людей в возрасте до 30 лет, что связано с отсутствием доверия к основным институтам гражданского общества и осознанием своей невозможности повлиять на политическую ситуацию в стране или регионе.

В 2011 г. 36% людей в возрасте до 30 лет оценивают политическую ситуацию в стране как «напряжённую», «критическую», «взрывоопасную», при этом лишь 12% считают, что могут как-то повлиять на положение дел. Почти каждый второй (46%) представитель молодёжи характеризует свое участие в общественной и политической жизни как «пассивное». При описании мотивов этой пассивности фигурируют такие варианты ответов, как «отсутствие пользы» (37%), «опасность быть вовлечёнными в неприглядные дела» (11%), «отсутствие информации о методах участия в общественных организациях и формах местного самоуправления» (15%)⁸.

⁸ Мониторинг общественного мнения Института социально-экономического развития территорий РАН. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011 – 2012.

«Безразличие к общим делам, индивидуализм», а также «неверие в возможность оказывать влияние на решение властей» являются, по мнению молодёжи, наиболее распространёнными причинами, препятствующими проявлению общественной активности и гражданской позиции со стороны населения (25 и 22% соответственно)⁹.

К аналогичным выводам пришли учёные американского Национального фонда поддержки демократии, которые провели сравнительный анализ психологического климата и социального самочувствия молодёжи трёх постсоветских государств – России, Украины и Азербайджана. Исследование показало, что население и России, и Украины ощущает свою оторванность от государства, о чём свидетельствует низкий уровень доверия общества основным социальным и политическим институтам¹⁰.

Молодёжь обследованных стран существенно больше доверяет своим родным и друзьям, чем государственным и общественным институтам.

⁹ Там же.

¹⁰ Опрос по единому вопроснику проводился по репрезентативной выборке населения в возрасте 15 – 34 лет.

Как отмечают исследователи, «это вполне ожидаемый результат, однако такая глубина различия в доверии обусловлена, помимо прочего, слабым уровнем развития институтов, на которые общество могло бы положиться»¹¹.

По данным за 2010 г. уровень доверия населения России и Украины к основным политическим институтам, а также институтам обеспечения законности и правопорядка был существенно ниже, чем во многих европейских государствах (*табл. 1*)¹². В таких условиях единственно надёжной структурой остаётся традиционная система неформальных связей, в рамках которой и происходит формирование субкультурных объединений.

При отсутствии стабильных и прочных взаимосвязей общества с государством и его институтами у молодёжи возникает потребность в движениях, отражающих различные идеологии, альтернативные традиционным представлениям о культуре. Одним из негативных последствий тех условий, когда традиционная культура перестает удовлетворять духовным потребностям общества, является возникновение и широкое распространение субкультурных движений, под которыми понимается система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей, которая присуща более мелкой социальной общности, пространственно и социально в большей или меньшей степени обособленной¹³.

¹¹ Дюк Н.М. Первое свободное поколение: молодёжь, политика и идентичность в России, Украине и Азербайджане // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2003. — №1. — С. 53 — 62.

¹² Андреевкова А.В. Политическое поведение россиян // Мониторинг общественного мнения. — 2010. — №3 (97). — С. 47 — 61. — № 4 (98). — С. 4 — 21.

¹³ Баева И.А. Психология молодёжной субкультуры (социально-психологический аспект молодёжной политики) // Вестник практической психологии образования. — 2007. — №1. — С. 84.

По аналогии с тем, как псевдорелигиозные течения начинают свое стремительное развитие в период ослабления влияния традиционной религии, субкультуры заполняют нишу, освобожденную другими социальными институтами. Общество, семья, государство — кризис этих субъектов социализации диктует населению (и в первую очередь молодёжи, как наиболее активной и «ищущей» свое место в социуме категории) необходимость обращаться к альтернативным источникам ценностей, норм поведения и мировоззренческих установок.

Молодёжные субкультуры являются феноменом городской культуры западного типа, отражающим разнообразные процессы, происходящие в религиозной, идеологической, политической, экономической сферах, сфере моды и т.д.¹⁴ Поэтому уровень распространённости и характер субкультурных предпочтений молодёжи можно расценивать как индикатор социального здоровья и психологического климата в обществе в целом.

В 2010 г. научным коллективом ИСЭРТ РАН было проведено исследование, направленное на оценку субкультурных предпочтений молодёжи на территории г. Вологды¹⁵.

Результаты опроса показали, что чаще всего молодые люди отмечают свою принадлежность к субкультурам панков (21%), эмо (15%), готов (14%) и альтернативщиков (13%; *табл. 2*). Однако при ближайшем рассмотрении становится понятно, что

¹⁴ Левикова С. И. Феномен молодёжной субкультуры (социально-философский аспект): автореф. дис. ... д-ра филос. наук : спец. 09.00.11. «Социальная философия». — М., 2002. — 34 с.

¹⁵ Выборку исследования составили 498 человек в возрасте от 15 до 21 года. Всего было охвачено 22 учреждения всех уровней образования (высшие, средние специальные, начальные профессиональные, общеобразовательные учебные заведения). Метод исследования — анкетный опрос.

Таблица 1. Уровень доверия населения к институтам политики, обеспечения законности и правопорядка (2010 г., в % от числа опрошенных)

Институты	Россия*	Украина*	Для сравнения**		
			Дания	Финляндия	Норвегия
Политические партии	7 (24)	14 (16)	54	45	47
Парламент	22 (17)	27 (16)	67	64	53
Судебно-правовая система	26 (20)	27 (18)	83	78	61
Милиция	45 (16)	41 (19)	89	92	72

* В скобках указано ранговое место государства в выборке (общее количество – 25 стран Европы).
** Приведены данные стран с наибольшим уровнем доверия.

Таблица 2. Характеристика наиболее распространённых на территории г. Вологды субкультур (в % от числа опрошенных)*

Наиболее распространённые субкультуры	В % от числа тех, кто участвует в субкультурах или имеет друзей, участвующих в субкультурах	Доля полностью принимающих субкультурные правила среди тех, кто участвует в субкультурах или имеет участвующих друзей
Скинхеды	2,3	60,0
Готы	13,6	46,7
Ролевики	3,2	42,9
Эмо	14,5	40,6
Панки	20,9	26,1
Альтернативщики	12,7	25,0
Рэперы	8,2	16,7
Анимэ	3,6	12,5

* Ранжировано по уровню представительства людей, полностью принимающих субкультурные правила.
Источник: исследование субкультурных установок молодежи г. Вологды (ИСЭРТ РАН).

Справка

Скинхеды – субкультура, объединённая определенным набором имиджевых (стрижка «под ноль», высокие тяжелые ботинки, армейские брюки хаки, подтяжки, куртки без воротников) и поведенческих (крайняя агрессивность) проявлений. Идеология различных скинхедовских группировок диаметрально противоположна. Наиболее распространено представление о скинхедах как об ультраправой, фашизированной прослойке.

Готы — представители молодёжной субкультуры, зародившейся в конце 70-х годов XX века. Готическая субкультура весьма разнообразна и неоднородна, однако для неё в той или иной степени характерны следующие черты: мрачный имидж, интерес к мистицизму и эзотерике, декадансу, любовь к готической музыке, литературе и фильмам ужасов.

Ролевики – неформальная общность людей, играющих в различные ролевые игры, в первую очередь ролевые игры живого действия. Ролевое движение выделяют и как хобби, и как субкультуру, для которой характерны свой жаргон, своя музыка (менестрели), своя литература (в основном фэнтези) и другие характерные элементы единой культуры.

Эмо – субкультура, образовавшаяся на базе поклонников одноименного музыкального стиля. Выражение эмоций – главное правило для эмо. Их отличает самовыражение, противостояние несправедливости, чувственное мироощущение. Зачастую это ранимые и депрессивные люди. Стиль эмо заключается в ношении одежды двух цветов, чаще всего чёрного с розовым. Среди участников субкультуры распространён макияж.

Панки – субкультура, основанная на социальном протесте, выражающемся в показном отказе от социальных норм поведения, в агрессивности и отрицании буржуазных ценностей. Для панков характерен анархический стиль в поведении, одежде и музыке.

Альтернативщики – субкультура, не имеющая чёткой структуры и принципов, поскольку изначально базировалась на музыкальных предпочтениях, а не философских идеях. Популярными темами являются, с одной стороны, неконформизм, призывы к политической грамотности населения и антифашизм, с другой стороны, любовь, наркотики, вечеринки и т.д. Альтернативщики часто разделяют панковские анархические взгляды. Внешний вид во многом зависит от возраста и среды общения.

Рэперы – субкультура, появившаяся в середине 1970-х в среде афро- и латиноамериканцев. Для неё характерны своя музыка (хип-хоп, рэп), свой сленг, своя хип-хоп мода, танцевальные стили (брейк-данс и др.), графическое искусство (граффити) и свой кинематограф. К началу 1990-х гг. хип-хоп во многих странах стал частью молодёжной культуры.

Анимэ – субкультура, основанная на увлечении одноимённым жанром мультипликации, появившемся в Японии в начале XX века. Сама субкультура анимэ сформировалась на стыке XX – XXI вв. Её представители составляют основную массу детско-подросткового крыла ролевого сообщества. В данной субкультуре распространено увлечение современной японской культурой. Критики говорят об оторванности взглядов от мира и уходе талантов в другую культуру. Однако представители анимэ не устраивают общественных протестов и политических волнений. Они просто пребывают в своём мире, что объединяет их с субкультурой ролевиков.

наиболее распространёнными в городе субкультурами являются скинхеды (60%), готы (47%), ролевики (43%) и эмо (41%), поскольку участники этих субкультур увлечены не только их внешней атрибутикой или музыкой, а полностью разделяют их идеологию, стиль жизни и формы поведения.

В подтверждение данных, полученных по г. Вологде, можно привести результаты исследования Ярославского областного молодёжного информационного центра¹⁶. Авторы отмечают: «Среди наиболее известных молодым жителям Ярославской области субкультур первые места занимают те же субкультуры, что и в аналогичных исследованиях 2009 – 2010 гг: на первом месте «эмо» – их назвали 64% от всех опрошенных; на втором месте «готы» – 41%, третье место поделили «панки» (36%) и «скинхеды» (35%)»¹⁷.

Исследования структуры и уровня распространённости неформальных молодёжных объединений на Украине мало представлены, отрывочны. Есть сведения о том, что в Одессе и Одесской области, например, за 2011 г. было официально зарегистрировано около 105 субкультур. Самые распространённые из них – готы, эмо, скинхеды¹⁸.

¹⁶ Исследование проведено в 2011 г. Выборку составили 623 молодых жителя из 20 муниципальных образований Ярославской области. Метод опроса – анкетирование. Респонденты в возрасте от 14 до 16 лет составили 24% от числа всех опрошенных; в возрасте от 17 до 19 лет – 20%; в возрасте от 20 до 22 лет – 20%; от 23 и старше – 35%. Среди анкетированных 50% составили юноши и 50% – девушки. По социальному статусу: школьники – 27% от числа всех опрошенных, учащиеся ссузов – 16%; студенты вузов – 14%; работающая молодёжь – 32%; 4% – те, кто указал, что не учится и не работает.

¹⁷ Результаты социологического исследования «Молодёжные субкультуры региона – 2011» // Молодёжные субкультуры и работа с ними: практическое пособие / под ред. Е.В. Конево. – Ярославль, 2011. – С. 117 – 125.

¹⁸ Ланко А.С. Субкультуры в наше время [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://obozrenie-plus.com/subkultury-v-nashe-vremya.html>

Известно также, что Украина является одной из стран, где наиболее остро стоит вопрос о пресечении деятельности украинских националистов. Данное движение особенно развито в г. Львове, где регулярно проводятся съезды участников объединения, причем не только из Украины, но и из других государств (в частности, России). По словам скинхедов из Санкт-Петербурга, принимавших участие в одном из таких съездов в 2012 г., «обстановка на Украине куда лучше нашей»¹⁹.

Отчасти это связано с антисоветским настроением городских властей Львова. В 2012 г. Львовский городской совет запретил празднование Дня Победы 9 мая, а также использование советской символики на территории города. Результатом стали массовые столкновения между сторонниками правых и левых движений. Националистически настроенная молодёжь с масками на лицах прошла по городу маршем, у «вечного огня» срывала георгиевские ленточки с прохожих, оскорбляла ветеранов и растоптала венки, который российский консул собирался возложить на воинском кладбище²⁰.

Таким образом, приведённые данные свидетельствуют не только о том, что характер распространения субкультур в России и Украине имеет общие черты, которые заключаются в превалировании наиболее опасных, антиобщественных неформальных объединений, но и о том, что в современных субкультурных движениях ярко проявляется тенденция к консолидации сил на международном уровне.

Значительное влияние, которое субкультуры оказывают на молодёжь, обусловлено общностью предлагаемых ими стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов поведения.

¹⁹ Комсомольская правда от 13.06.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kp.ru/online/news/893700>

²⁰ Там же.

Это упрощает процесс социализации, однако субкультуры активно продуцируют нормы, стереотипы поведения и ценности, противоречащие официальной культуре, её содержанию и формам. Идеологии субкультур имеют общую характеристику – субъективную «размытость», неопределённость, отчуждение от основных нормативных ценностей, одобренных подавляющим большинством представителей конкретного общества.

На этом основан обратный процесс влияния субкультур на молодое поколение. Их ценности обеспечивают молодым людям роль «постороннего наблюдателя» общественных процессов, что приводит к социальному отчуждению, проявляется в апатии, безразличии к общественной жизни социума, минимизирует проявление любых конкретных социальных установок.

Таким образом, данные различных исследований подтверждают тот факт, что на территории не только России, но и других постсоветских государств наблюдается кризис традиционных социальных институтов – государства, семьи, религии, школы. Это создаёт почву для распространения субкультурных идеологий, роль которых (как социального института) заключается в том, что в процессе социализации личности они закладывают базовые ценностные ориентации и основные социальные нормы, отклоняющиеся от общепринятых в данном обществе.

Субкультуры предлагают себя каждому, кто обеспокоен поиском идентичности, стремится обрести новый целостный образ мира, в котором можно чётко фиксировать собственное место. Когда речь идет о жизненном и культурном стиле, всегда налицо выбор. Чем слабее институциональные нормы и регуляторы, тем быстрее и очевиднее место традиционных ролевых моделей занимают жизненные стили,

конкурирующие между собой за свободно выбирающего индивида²¹.

Участие в субкультуре постепенно влечёт за собой потерю социальных и политических интересов, подмену морально-ценностных ориентиров внешними правилами поведения и образа жизни, снижение уровня критичности в восприятии новой информации. В конечном счёте это оборачивается для молодых людей повышенной степенью риска социальной изоляции, наркотизации, девиантного или суицидального поведения.

Тем актуальнее становится вопрос о целенаправленном, комплексном и систематическом воздействии на неформальные молодёжные объединения. Следует отметить, что профилактика распространения субкультурных движений в молодёжной среде не может быть насильственной, поскольку их официальный запрет нарушает права и свободы человека. Кроме того, в современных условиях высоких технологий практически невозможно установить контроль над динамикой развития тех или иных субкультур. Главной целью профилактического воздействия должен стать поиск и активизация социализирующего потенциала субкультур при одновременном противодействии негативным влияниям молодёжных объединений антисоциального характера. В настоящее время необходима также работа по укреплению статуса таких социальных институтов, как семья, образование, церковь. Вместе с тем, учитывая сильную степень влияния на современную молодёжь средств массовой информации, следует контролировать использование ими в эфире элементов субкультурной атрибутики и идеологии.

²¹ Лясников Н., Лясникова Ю. Социально-экономические условия формирования духовной культуры студенческой молодёжи [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Ljasnikov/_DuhKult_zakl.php

Профилактика негативного влияния субкультур не может сводиться к простому запрету их деятельности. Необходим комплексный подход к проблеме социализации подрастающего поколения. На наш взгляд, для этого должны быть соблюдены следующие направления деятельности:

1. *Вовлечение широких слоёв молодёжи в управленческие процессы на уровне общественных объединений, ячеек политических партий и т.д.* Решение данной задачи будет способствовать укреплению института власти за счет осознания представителями молодёжи реальной возможности своего участия в политической жизни общества.

2. *Консолидация усилий различных субъектов деятельности (среди которых: органы региональной и муниципальной власти, учреждения органов образования, здравоохранения, социальной защиты и внутренних дел, негосударственные организации, общественные объединения, религиозные конфессии, средства массовой информации) с целью общего улучшения социально-экономического положения молодёжи.* Реализация комплекса мероприятий по трудоустройству, продвижению социально приемлемых форм проведения досуга, повышению материального дохода, решению жилищных проблем и содействию в получении образования будет способствовать укреплению духовно-нравственных ценностей молодёжи и направлению их в просоциальное русло.

3. *Выявление негативных условий социализации молодёжи, а также поиск форм и методов консолидации субъектов профилактической деятельности.* Соблюдение данного принципа позволит более масштабно реализовывать идеи профилактики социального неблагополучия в молодёжной среде, не ограничиваясь лишь одним таким его проявлением, как субкультура. На примере неформальных молодёжных объединений это выразится в том, что деятельность по снижению их негативного влияния будет направлена на устранение причин, а не последствий вовлечения молодёжи в субкультуры.

Таким образом, предупреждение распространения как неформальных молодёжных объединений, так и прочих негативных сторон социализации должно базироваться на улучшении социально-экономического положения молодёжи, обеспечении условий для её профессиональной и творческой самореализации в рамках традиционной культуры, что будет способствовать развитию интереса молодых людей к различным её проявлениям. В настоящее время необходима также работа по укреплению статуса основных институтов социализации, являющихся носителями правил и норм традиционной культуры. Для реализации этих направлений необходима разработка целенаправленных стратегий социальной адаптации молодёжи, реализуемых посредством работы с наиболее важными социальными институтами – семьёй, школой и группой сверстников.

Литература

1. Андреевкова, А. В. Политическое поведение россиян / А.В. Андреевкова // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – №3 (97) – С. 47-61. – № 4 (98). – С. 4-21.
2. Баева, И.А. Психология молодёжной субкультуры (социально-психологический аспект молодёжной политики) [Текст] / И.А. Баева // Вестник практической психологии образования. – 2007. – №1. – С. 84.
3. Дюк, Н.М. Первое свободное поколение: Молодёжь, политика и идентичность в России, Украине и Азербайджане [Текст] / Н.М. Дюк // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2003. – №1. – С. 53-62.

4. Карпиленя, С. С. Молодёжная субкультура как способ социализации молодёжи в условиях модернизации российского общества [Текст] : автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. соц. наук : спец. 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» / С.С. Карпиленя. – Ростов н/Д., 2009. – 35 с.
5. Кожевникова, С. И. Язык коммуникации в молодёжной субкультуре [Текст] / С. И. Кожевникова // Пятые Лазаревские чтения: Лики традиционной культуры: материалы междунар. науч. конф., Челябинск, 25–26 февр. 2011 г. : в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; ред. проф. Н. Г. Апухтина. – Челябинск, 2011. – Ч. II. – С. 234-241.
6. Куспьяк, О. В. Типология. Молодёжные субкультуры [Текст] : методическое пособие / О. В. Куспьяк. – Ханты-Мансийск: Автономная некоммерческая организация «Спортклуб Мужские игры», 2010. – 74 с.
7. Левикова, С. И. Феномен молодёжной субкультуры (социально-философский аспект) [Текст] : автореф. дис. на соискание уч. ст. доктора филос. наук : спец. 09.00.11. «Социальная философия» / С. И. Левикова. – М., 2002. – 34 с.
8. Лясников, Н. Социально-экономические условия формирования духовной культуры студенческой молодёжи [Электронный ресурс] / Н. Лясников, Ю. Лясникова. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Ljasnikov/_DuhKult_zakl.php
9. Молодёжные субкультуры и работа с ними [Текст]: практическое пособие / под редакцией Е.В. Коневой. – Ярославль, 2011. – 146 с.
10. Неформальные молодёжные сообщества Санкт-Петербурга [Текст] / под ред. А.А. Козлова. – СПб., 2008. – С. 165.
11. Февралёва, Р. С. Подростковая субкультура как фактор социального становления личности [Текст] / Р. С. Февралёва. – Пенза, 2010. – 23 с.

Исследование борьбы с бедностью в природоохранной зоне (на примере озера Поянху)

Ли ЧЖИМЭН

магистр экономики, научный сотрудник Академии общественных наук провинции Цзянси (Китай, Наньчан)
lzm0730@126.com

Природоохранные территории, расположенные вблизи водного объекта, являются зонами, где хозяйственная деятельность полностью запрещена или ограничена, они не используются для крупномасштабного промышленного, городского и сельского строительства. Данные территории используются для поддержания целостности экологической системы и устойчивого обеспечения населения ресурсами. Защита экологической функции региона является важной частью экологической политики во многих странах, однако регионы, расположенные в природоохранных зонах, часто сталкиваются с проблемами роста населения, экономического развития и защиты окружающей среды. Для страны важно найти баланс между охраной природы в районах концентрации ресурсов и прибрежных районах озера Поянху и экономическим развитием на данных территориях.

I. Важность защиты окружающей среды и борьбы с бедностью на охраняемой природной территории.

Территория бассейна озера Поянху имеет наклон с юга на север, в озеро впадают 5 рек: Ганьцзян, Фухэ, Синьцзян, Сюэхэ и Жаохэ.

Озеро Поянху соединено протокой с рекой Янцзы, поэтому служит естественным регулятором стока со среднегодовым притоком воды 145 млрд. куб. м, что составляет 15,6% от речного стока Янцзы. Озеро Поянху – крупнейшее пресноводное озеро Китая. Оно играет важную роль в экологии провинции Цзянси, это единственное озеро в стране, которое входит в международную сеть «Живые озера». Оно является водоохранной территорией среднего и нижнего течения реки Янцзы, играет важную роль в экологии Китая и в мировой экологии. Площадь бассейна занимает 97% территории провинции Цзянси. Следовательно, озеро Поянху служит определяющим фактором экосистемы Цзянси.

Большое негативное влияние на окружающую среду региона оказывают бедность и отсталость приречных и приозерных районов. В силу особых географических характеристик и функциональной ориентации общенациональные и региональные природные ресурсы сосредоточены вокруг пяти рек в десяти округах и приозерных районах. Вследствие нехватки знаний в сфере экологических ресурсов, отсутствия материального вознаграждения за деятельность по защите окружающей среды, а также

экономической отсталости региона, специализирующегося на сельском хозяйстве и рыболовстве, население некоторых районов до сих пор живет в бедности. По объему ВВП округа Поянху, Цзюцзян и Юхань, расположенные вокруг озера Поянху, занимают последнее место в провинции, а доходы фермеров этих трех округов в 2011 г. составили 3800, 3761 и 5494 юаня соответственно, что намного ниже среднего уровня (6892 юаня) для провинции в целом, хотя эти округа являются густонаселенными — с числом жителей, составляющим 1,5, 0,7 и 1 млн. соответственно.

Различие между городскими и сельскими районами вызывает «неравномерное» развитие экологической экономической зоны, в то время как столица провинции Наньчан и центральные города Цзюцзян, Интань и Синьюй являются главными районами экономического и социального развития в Цзянси, особенно дельта реки Янцзы, где уровень дохода городского и сельского населения намного выше.

Вследствие медленного развития экономики региона в течение многих лет стремление жителей к достойному уровню оплаты труда увеличивалось на фоне растущего разрыва между их доходами и доходами жителей соседних округов, поэтому необходимо направить их энергию в нужное русло, т.к. защита окружающей среды и борьба с бедностью в пяти приречных округах, так же как и в приозерных округах, является очень важной для устойчивого развития провинции.

II. Полезный опыт защиты окружающей среды и борьбы с бедностью.

Проект развития приречных и приозерных территорий провинции Цзянси, начатый в 1980-х гг., направлен на скоординированное экономическое, социальное, экологическое развитие бассейна озера Поянху.

В рамках концепции экологичной экономики и устойчивого развития жители провинции Цзянси открывают для себя то, что горы, реки и озера — это единое целое, накапливают опыт в освоении и улучшении их природного потенциала и сочетают его с экономическим развитием и борьбой с бедностью, реализуя проект экологичной экономической системы в неразрывном единстве с улучшением экологии и снижением бедности.

Для определения оптимального пути развития в различных природных условиях и экологической обстановке проводятся исследования и испытания, основана 31 экспериментально-исследовательская база 10 категорий и более 100 центров содействия, составляющих систему экспериментальной демонстрационной сети. Одновременное внедрение мер по защите окружающей среды и развитие социальной экономики повышает уровень жизни населения. Число бедных каждый год уменьшается на 240 тыс. чел., и более 6 млн. чел. вышли из-за черты бедности.

В декабре 2009 г. строительство Экологической экономической зоны озера Поянху стало национальной стратегией развития, которая должна быть апробирована сначала в слаборазвитых регионах с целью исследования новых способов скоординированного развития экологии и экономики и гармоничного сосуществования человека и природы, развития и защиты. Экологическая экономическая зона озера Поянху может быть разделена на главный озерный район, приозерный район контролируемого развития и эффективный и интенсивный район в соответствии с функциональной ориентацией района.

Главные функции обеспечения экологическими ресурсами, такими как свежий воздух, чистая вода и благоприятный климат, определяются с целью увеличить биологическое разнообразие и запретить

мелиорацию и возделывание земель вокруг озера, уменьшить влияние человеческой деятельности в главном озерном районе и научно обоснованно разделить участки, используемые для земледелия, животноводства и рыболовства внутри района. Проекты по растениеводству должны учитывать особенности водных запасов для защиты от наводнений, экологическую защиту заболоченных территорий и защиту диких животных и растений.

Необходимо ускорить создание орнитологических резерватов для перелетных птиц на озере Поянху, национальных ресурсов зародышевой плазмы китайского речного дельфина, китайского осетра, кузовка. Необходимо также обеспечить защиту перелетных птиц, водных животных и их природной среды обитания. Приозерный район контролируемого развития используется главным образом для защиты природы и экологии речного канала, питающего озеро Поянху, чтобы оптимизировать расход паводка, возможности использования водных запасов и построить экологические барьеры в среднем и нижнем течении реки Янцзы.

В то же время перемещение населения и существующих промышленных предприятий внутри приозерных районов контролируемого развития стимулируется путем поддержки в сферах инвестирования, кредитования, землепользования, энергоснабжения и налогообложения. Экоиндустрия будет разрабатываться с учетом региональных факторов, чтобы не допустить чрезмерной нагрузки на окружающую среду; экотуризм, экологически рациональное ведение сельского хозяйства, легкая экопромышленность и экоуслуги будут развиваться в районах с хрупкой экологией по берегам озера.

В провинции Цзянси предусмотрено создание защитной зоны (района) бассейна озера Поянху общей площадью 9985,72 км²

и на реализацию проекта очистки водных ресурсов «Пяти рек и одного озера» выделено 135 млн. юаней. В то же время будут реализовываться проекты защиты водных ресурсов реки Янцзы и озера Поянху, проект очистки городских и сельских сточных вод, проект очистки сточных вод индустриального парка и другие экологические проекты.

Будет проводиться политика стимулирования экологической защиты округов бассейна (городов, уездов) и осуществляться проект переселения мигрантов в районы с хрупкой экологией, а также защита водной среды, контроль выброса загрязнений, создание модели экологической безопасности. Системная защита и развитие природной среды бассейна озера Поянху обеспечат сохранность водной экологии среднего и нижнего течения реки Янцзы и заложат основы для устойчивого развития региона.

III. Меры, направленные на защиту окружающей среды и борьбу с бедностью.

1. Снижение бедности и защита окружающей среды в развитии.

Необходимо, с одной стороны, искоренить бедность в приречных и приозерных регионах; с другой стороны, не допустить ухудшения экологической обстановки. Озеро Поянху богато ресурсами, но традиционный путь развития может привести к негативным последствиям для окружающей среды.

Поэтому следует избрать иной путь развития экономики с учетом региональных факторов. В долгосрочной перспективе устранение бедности не противоречит сохранению хорошего состояния окружающей среды. С улучшением уровня жизни населения потребности людей в экологических продуктах непрерывно возрастают.

Следовательно, обеспечение экологичными продуктами и увеличение объема их выпуска принимается в качестве важной

составляющей охраняемых территорий и является важной задачей национального территориального развития. С ростом потребности в экологических услугах местные жители начинают более положительно относиться к улучшению окружающей среды, и одновременно все больше инвестиций направляется на её сохранение.

2. Тесная взаимосвязанность защиты окружающей среды со снижением бедности и материальной поддержкой фермеров.

Поскольку развитие слаборазвитого региона связано со значительными трудностями, быстрое развитие экономики невозможно и уровень жизни населения не может непрерывно улучшаться только посредством экологического строительства и защиты окружающей среды; это может привести к замкнутому кругу «бедность – развитие в ущерб окружающей среде – бедность». Как утверждают фермеры, они будут думать о защите окружающей среды только после того, как решат проблему голода и нехватки одежды. Бедные жители часто беспощадно эксплуатируют природные ресурсы, чтобы решить проблему выживания, и вольно или невольно наносят вред окружающей среде.

С точки зрения правительства необходимо предпринимать следующие меры: прежде всего, «материальная обеспеченность людей» должна рассматриваться как важный аспект в процессе защиты окружающей среды в сельской местности и разработки ресурсов. Снижение и искоренение бедности, так же как и устойчивое развитие, следует реализовывать через использование преимуществ местных ресурсов и производство экологичной продукции.

Во-вторых, производство сельскохозяйственных продуктов, с ресурсными преимуществами и пользующихся спросом на рынке, будет преобразовано в ключевую отрасль промышленности региона с активной поддержкой, чтобы найти способ

сочетать индустриализацию и снижение бедности. Предприятия с потенциалом рыночного развития, занимающиеся переработкой сельскохозяйственной продукции, будут оказывать ряд услуг для сырьевых производственных баз в бедных районах на всех стадиях производства для бедных фермеров. Таким образом будет формироваться организация производства в единстве с торговлей, промышленностью и сельским хозяйством, наряду с производством, поставкой и сбытом, и принцип единства защиты природных ресурсов региона и его экономического развития через «всеобщее снижение бедности» будет реализован на практике.

3. Реализация политического механизма, тесно связанного с защитой окружающей среды и борьбой с бедностью.

Негативное воздействие на окружающую среду со стороны фермеров может быть уменьшено и устранено путем создания тесной связи между защитой окружающей среды и снижением и искоренением бедности с учетом заработка фермеров в условиях защиты окружающей среды и защиты окружающей среды в условиях борьбы с бедностью.

Следует сформировать механизм экологической компенсации бассейна озера Поянху на уровне государства и провинции и основать специальные фонды экологической компенсации. Экологическая компенсация лесов должна проводиться в соответствии с нормативными актами государства и местных властей. Необходимые денежные пособия должны выплачиваться профессиональным рыбакам приозерного района, которые испытывают трудности в период закрытого рыболовного сезона. Необходимо также выплачивать субсидии владельцам и землепользователям заболоченных территорий, чьи законные права и интересы ущемляются в пользу резервов естественных заболоченных территорий

и защиты диких животных и растений в пределах экологического экономического района озера Поянху. Вместе с тем необходимо постепенно формировать механизм оценки экологичности национальной экономики. При этом должен быть увеличен весовой коэффициент оценки экологического показателя, чтобы постепенно сформировать эффективный механизм управления политикой, функционирования предприятий, привлечения населения к защите окружающей среды и выплачивать заслуженные вознаграждения и компенсации людям, участвующим в защите окружающей среды.

4. Реализация комплексного экологического, экономического и социального проекта.

Реализация скоординированного развития экологии, экономики и общества – это процесс структурной оптимизации и функционального совершенствования. В соответствии с сохранением природных особенностей и ступенью экологического

развития, необходимо разрабатывать технические подходы к развитию экологической защиты на природоохранных территориях и экологичному развитию экономики; усиливать согласованность экономического развития города и деревни; обеспечить защиту окружающей среды региона и определить структуру оптимизации промышленности, сделав отправной точкой оптимизацию структуры промышленности и комплексную разработку защиты окружающей среды; восстанавливать экологичную экономику путем комплексного внедрения экологических, социальных и экономических проектов в качестве подходов к реконструкции.

Перед лицом двойной проблемы – ухудшения окружающей среды и медленного экономического и социального развития – выигрышная и для экологического баланса, и для повышения производительности цель может быть достигнута путем компенсации общественных финансовых услуг.

ПРОБЛЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

УДК 338.24:352(470)

© Дядик В.В.

Институциональные причины экономических проблем российского местного самоуправления

Статья посвящена исследованию институциональных причин экономических проблем местного самоуправления в России. На основе анализа исполнения консолидированных бюджетов субъектов федерации получены выводы о неадекватности реальных стимулов региональных органов государственной власти целям развития территорий. Определены принципиальные направления модернизации формальных государственных институтов, реализация которых приведет к усилению заинтересованности администраций субъектов федерации в развитии экономической базы местного самоуправления.

Местное самоуправление, государственные институты, муниципальные бюджеты.

**Владимир Владимирович
ДЯДИК**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН
Vdyadik2006@rambler.ru

Вопросам эффективного распределения доходов между этажами государственной системы посвящено огромное количество теоретических и эмпирических исследований. Особенно остро этот вопрос стоит в контексте взаимоотношений «регион – муниципальные образования». Недостаточная обеспеченность муниципалитетов доходами, имеющая всероссийский масштаб, ставит под угрозу стабильность жизнедеятельности и развития местных сообществ, дискредитирует саму идею местного самоуправления. Примечательно, что политический и хозяйственный топ-менеджмент всех типов отечественных

муниципальных образований безоговорочно называет недостаток средств проблемой номер один [2].

Почему отечественным муниципалитетам недостаточно доходов, нормально такое положение вещей или его необходимо менять? В полемику на эту тему широко вовлечены ученые, политики, управленцы, экономисты-практики.

Высказываемые различными сторонами оценки разнятся от полного одобрения и принятия за единственно верную концепции «трансфертного» финансирования муниципальной экономики до категорического неприятия действующей модели

организации российского местного самоуправления вообще и системы его финансирования в частности. У каждой точки зрения своя аргументация.

Главный довод в пользу идеи изъятия с местного уровня доходов и последующего их перераспределения имеет преимущественно экономическую природу и основывается на том, что доходный потенциал муниципалитетов крайне неоднороден. Даже расположенные неподалеку друг от друга поселения одного типа могут обладать абсолютно несопоставимой экономической базой.

Межтиповые диспропорции в экономическом потенциале поселений еще выше. При таком положении дел одинаковые нормативы зачисления доходов из одних и тех же источников гарантированно создают перекосы в бюджетной обеспеченности муниципалитетов. Логичным способом решения проблемы, успешно реализуемым в большинстве российских регионов, является централизация большей части доходов с территорий муниципальных образований и последующий их «возврат» через систему межбюджетных трансфертов.

Однако трансфертная модель финансирования неизбежно создает риски возникновения экономической и политической зависимости органов местного самоуправления от региональных властей. Поэтому главным аргументом ее противников является тезис о необходимости соблюдения конституционных принципов самостоятельности местного самоуправления и его независимости от органов государственной власти.

К сожалению, экономическая основа для реализации идей бюджетной самостоятельности местного самоуправления явно недостаточна. Учитывая ограниченный перечень доходных источников, которыми в силу закона располагают местные бюджеты, можно констатировать, что

единственной альтернативой прочной дотационной зависимости для них является право претендовать на часть доходов регионального бюджета.

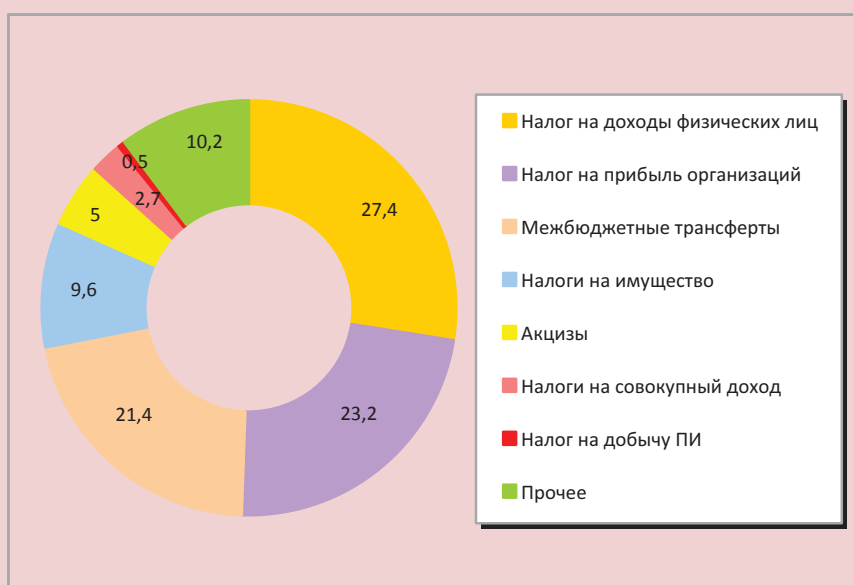
Очевидно, что передача части доходов бюджета субъекта федерации «вниз» — наиболее цивилизованный и демократичный путь укрепления экономических основ местного самоуправления.

Идеи бюджетной децентрализации полностью созвучны идеям децентрализации административной, предложенным Президентом в послании Федеральному собранию и на заседании Госсовета в декабре 2011 года. Но вот насколько готовы сами субъекты федерации отдавать муниципалам что-то сверх того минимума, который полагается последним в соответствии с Бюджетным кодексом, — большой вопрос. Попытке ответа на него, поиску системных причин экономических проблем отечественного местного самоуправления, а также обоснованию предложений по модернизации порождающей их институциональной конструкции и посвящена настоящая статья.

Методология исследования

Консолидированный бюджет региона в равной мере является экономической базой функционирования как непосредственно субфедерального уровня государственной иерархии, так и всех муниципальных образований субъекта. Минимальные нормативы зачисления доходов в местные бюджеты установлены Бюджетным кодексом. При этом субъекты федерации располагают законной возможностью замены дотаций дополнительными нормативами отчислений по налогу на доходы физических лиц, а также правом установления единых нормативов распределения между собственным и местными бюджетами всех видов налоговых поступлений, подлежащих зачислению в консолидированный бюджет региона.

Рисунок 1. Укрупненная структура доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2010 году, %

Наиболее существенными источниками налоговых доходов для консолидированных региональных бюджетов (в порядке убывания значимости) на сегодняшний день являются: НДФЛ, налог на прибыль организаций, налоги на имущество, акцизы, налоги на совокупный доход, налог на добычу полезных ископаемых (*рис. 1*)¹. В отношении любого из перечисленных видов доходов региональные власти вправе принимать решения о передаче определенной его части на муниципальный уровень. В настоящем исследовании проанализированы результаты исполнения консолидированных бюджетов 83 субъектов Российской Федерации (без городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга) с точки зрения реализации регионами такого права.

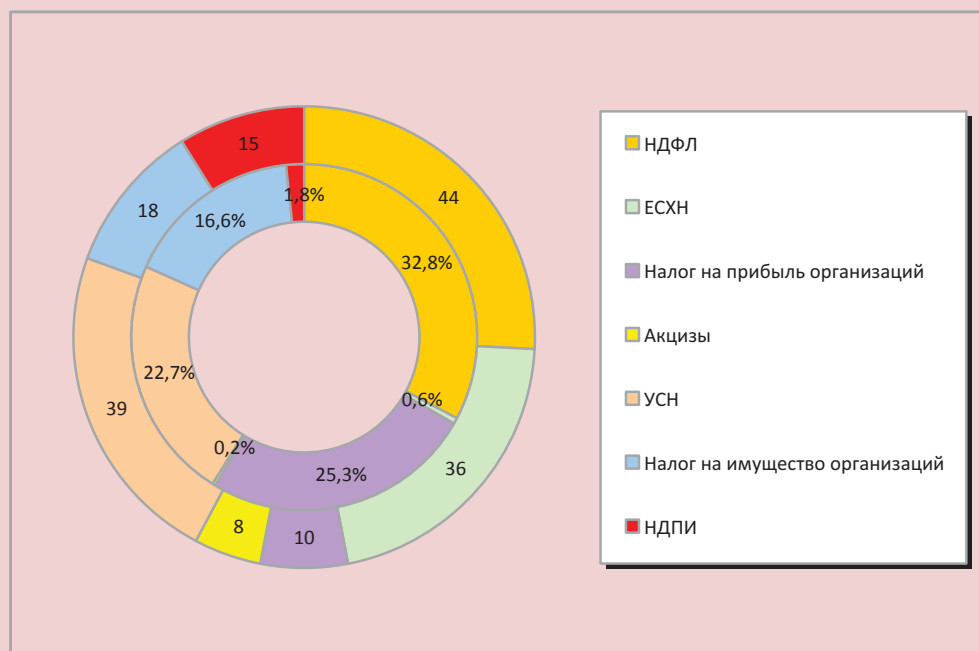
В ходе анализа данные о фактическом поступлении доходов в разрезе каждого из выбранных источников в бюджет региона

¹ Эмпирические данные, анализируемые в настоящей статье, получены из источников [3], [4], [5].

и консолидированный бюджет расположенных на его территории муниципальных образований попарно сопоставлялись. Полученные соотношения сравнивались с минимальными нормативами зачисления налоговых доходов в местные бюджеты, установленными Бюджетным кодексом, и, в случае превышения последних, фиксировался факт передачи регионом на местный уровень дополнительных доходов.

Для обеспечения прозрачности результатов анализа необходимо сделать некоторые методологические уточнения. Во-первых, следует отметить, что результаты анализа нормативов распределения НДФЛ имеют некоторую ошибку консолидации, так как дополнительные нормативы зачисления налога в местные бюджеты, установленные в соответствии с частью 2 статьи 58 БК РФ, могут быть разными для различных муниципальных образований одного региона. Во-вторых, по группе доходов «Акцизы по подакцизным товарам (продукции), производимым на территории Российской Федерации» (далее – акцизы), данные об исполнении бюдже-

Рисунок 2. Дополнительные налоговые доходы местных бюджетов в 2010 году

тов также проанализированы в своде, что нивелирует возможность рассмотрения нормативов зачисления в отдельности для каждого из видов акцизов. Вместе с тем, полагая конечной целью исследования получение выводов относительно передачи муниципалитетам дополнительных доходов, указанные допущения можно считать несущественными, поскольку частью 3 статьи 58 БК РФ минимальным уровнем ограничены в том числе и дополнительные нормативы зачисления НДФЛ, а акцизы вообще полностью отнесены к доходным источникам региональных бюджетов. Следовательно, фиксацию факта передачи на местный уровень дополнительных доходов можно в первом случае осуществить на основании сопоставления данных о фактическом исполнении региональных и местных бюджетов с совокупными² минимальными нормативами

² Установленными в размерах, определенных статьями 61, 61.1, 61.2 БК РФ с учетом требований части 3 статьи 58 БК РФ.

зачисления, а во втором — при любом прецеденте получения местными бюджетами доходов в форме акцизов.

Наблюдения и выводы

Как показывают результаты анализа, главными источниками дополнительных поступлений в местные бюджеты в 2010 году были НДФЛ, налог на прибыль организаций, налог, уплачиваемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения, налог на имущество организаций. Структуру дополнительных доходов муниципалитетов в национальном масштабе и данные об общем количестве фактов передачи регионами налоговых доходов (в разрезе видов налогов) иллюстрирует диаграмма на *рисунке 2*.

Интересно отметить, что доля различных налоговых источников в общем объеме дополнительно передаваемых на местный уровень доходов (внутреннее кольцо диаграммы) не всегда прямо пропорциональна количеству фактов передачи соответствующих налогов (внешнее кольцо).

В силу разницы в мощности налоговой базы эффективность передачи разных налогов существенно отличается. Так, в отношении НДС, налога, уплачиваемого в связи с применением УСН, и налога на имущество организаций количество фактов передачи доходов сопоставимо с местом источника в структуре поступлений. В то же время доля единого сельскохозяйственного налога, акцизов и налога на добычу полезных ископаемых в общем объеме дополнительно передаваемых доходов гораздо менее существенна при относительно большом количестве фактов передачи (36, 8 и 15 соответственно).

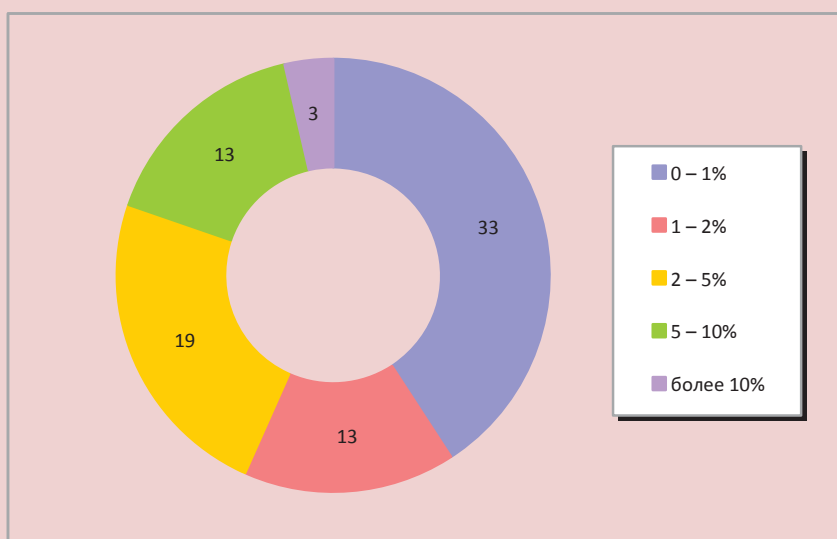
Особняком в ряду прочих стоит налог на прибыль организаций. В 2010 году он является своеобразным лидером по эффективности передачи на местный уровень – всего 10 фактов его передачи обеспечили муниципальным бюджетам более четверти общего объема дополнительных поступлений.

Расчеты показывают, что в целом совокупная доля дополнительных доходов в общем объеме доходов консолидирован-

ных муниципальных бюджетов составила в 2010 г. 2,91%. Если сопоставить потенциал этого источника с объемом дотационной поддержки муниципалитетов, то обнаружится более чем четырехкратное его отставание: по итогам 2010 г. дотации составили 12,63% общего объема доходов консолидированного бюджета всех муниципальных образований страны.

На практике для местных бюджетов подавляющего большинства регионов (65 из 81, или 80,2%) доля доходов, извлекаемых из дополнительных налоговых источников, не превышает 5% (рис. 3). А порог в 10% перешагнули только три субъекта федерации: Пермский край, Республика Хакасия и Красноярский край. При этом в 33 регионах дополнительные поступления обеспечили менее 1% доходов муниципальных бюджетов. Эти данные дополняет картина, характеризующая интенсивность использования регионами налогового механизма дополнительного финансового обеспечения местного самоуправления. В 2010 году совсем не пользовались этим правом 14 регионов.

Рисунок 3. Распределение субъектов Федерации по удельному весу поступлений по дополнительным нормативам в общем объеме доходов местных бюджетов

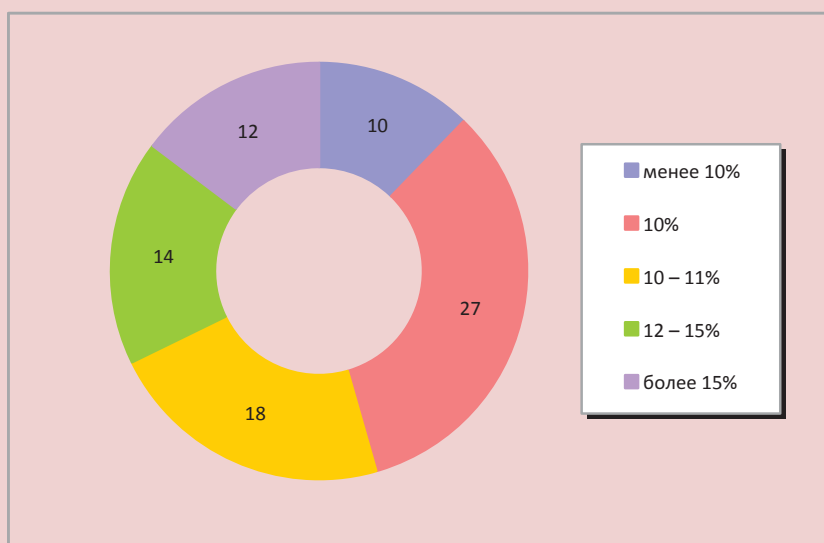
По 1 факту передачи зафиксировано в 17 субъектах федерации, по 2 – в 19, по 3 – в 18, по 4 – в 6, по 5 – в 4. По 6 дополнительных доходных источников передали муниципалитетам Пензенская область, республики Алтай и Адыгея.

Пальма первенства по частоте случаев установления дополнительных нормативов зачисления в местные бюджеты принадлежит НДФЛ и налогу, уплачиваемому в связи с применением УСН (дополнительный НДФЛ передавался в местные бюджеты 44 раза, УСН – 39). На третьем месте находится единый сельскохозяйственный налог. В 2010 году минимальный норматив его зачисления в местные бюджеты был превышен в 36 субъектах федерации. Однако в силу меньшей мощности этого источника доходов доля дополнительных поступлений ЕСХН в общем объеме дополнительных поступлений составила только 0,6%. В отношении налога на имущество организаций, занимающего четвертое место в этом рейтинге, в 2010 году зафиксировано 18 случаев перераспределения в пользу муниципалитетов. В совокупности на долю перечис-

ленных источников приходится 73,4% общего объема дополнительных налоговых доходов муниципалитетов. Поскольку база этих налогов относительно немобильна, практика их передачи регионами «вниз» обоснованна и логична. В муниципалитеты попадают именно те доходы, на генерацию которых местные власти могут влиять.

Системообразующим доходным источником для бюджетов всех типов муниципальных образований, безусловно, является налог на доходы физических лиц. В качестве дополнительного источника поступлений НДФЛ передавался на местный уровень в 2010 году 44 раза и обеспечил 32,8% дополнительных налоговых доходов муниципальных бюджетов. Вместе с тем разные регионы «делились» этим налогом с муниципалитетами крайне неодинаково (рис. 4). В то время как в бюджеты муниципальных образований почти половины субъектов федерации налог поступал в объеме, не превышающем минимальной планки, установленной Бюджетным кодексом, муниципалитеты других регионов получили существенные дополнительные доходы.

Рисунок 4. Распределение субъектов Федерации по доле НДФЛ, зачисленной в местные бюджеты в 2010 году в соответствии с ч. 3 ст. 58 Бюджетного кодекса РФ

Доля зачисления НДСЛ в местные бюджеты, действовавшая в 2010 году, составляла 30% (для городских округов и консолидированных бюджетов муниципальных районов). Кроме того, в соответствии с частью 3 статьи 58 Бюджетного кодекса РФ в 2010 году субъектами федерации должны были предусматриваться единые и (или) дополнительные нормативы отчислений НДСЛ в местные бюджеты в размере не менее 10% налога, поступающего в консолидированный бюджет региона.

На деле эта норма не была исполнена в 10 регионах: республиках Марий Эл и Тыва, Краснодарском и Приморском краях, Калужской, Курской, Новосибирской, Оренбургской, Орловской и Челябинской областях³. В 27 регионах доля НДСЛ, зачисленная в местные бюджеты сверх базового 30-процентного норматива, составила 10%. То есть муниципальные образования этих субъектов федерации получили только гарантированную законом часть налога. В 18 регионах минимальный норматив был превышен не более чем на 1%, в 14 – на 2 – 5% и только в 12 – более чем на 5%. Таким образом, несмотря на абсолютное «лидерство» НДСЛ по частоте фактов передачи на местный уровень, доля передаваемых доходов в подавляющем большинстве случаев оставалась незначительной.

Осторожность властей в вопросах передачи дополнительных источников доходов муниципалам вполне понятна. Главный риск, сопутствующий передаче части любого налога, пусть даже и с относительно гомогенной (в территориальном измерении) базой, заключается в опасности

³ Очевидно, данная ситуация связана с выбором рядом муниципальных образований перечисленных субъектов федерации дополнительных дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности в качестве альтернативы дополнительным нормативам отчислений по НДСЛ в соответствии со ст. 137, 138 Бюджетного кодекса РФ.

нарастить диспропорции в бюджетной обеспеченности между муниципальными образованиями, обладающими разным налоговым потенциалом. Поэтому можно предположить, что размеры дополнительных нормативов отчислений по любому налогу должны тесно коррелировать с уровнем дифференциации соответствующей налоговой базы в конкретном регионе.

То есть, опираясь на тезис о необходимости выравнивания бюджетной обеспеченности, органы государственной власти субъекта федерации должны тем более внимательно подходить к вопросу установления дополнительных нормативов, чем более неоднородна налоговая база расположенных на его территории муниципалитетов.

В контексте этих рассуждений интересно сопоставить дополнительные нормативы зачисления НДСЛ в местные бюджеты со статистическими показателями, характеризующими уровень дифференциации оплаты труда в регионах, – коэффициентом фондов и индексом Джини⁴. Значение коэффициента корреляции, полученного в результате сопоставления первых двух информационных массивов, составляет 0,224, в результате сопоставления массива дополнительных нормативов и индекса Джини – 0,195.

⁴ Следует учесть, что при расчете обоих показателей учитывается самый широкий спектр денежных доходов населения, не все из которых являются объектами обложения НДСЛ. Однако основные элементы денежных доходов населения – доходы от предпринимательской деятельности (в 2010 году в среднем по России составляют 9,3% денежных доходов), заработная плата (40,6%) и доходы от собственности (6,3%) входят в состав налоговой базы по НДСЛ, а не облагаемые данным налогом социальные выплаты (17,8%) характеризуются невысоким уровнем колебаний, что позволяет рассматривать коэффициент фондов и индекс Джини как показатели, с определенным допущением характеризующие уровень дифференциации налоговой базы по НДСЛ.

Как ни странно, между долей переданного на муниципальный уровень налога и степенью дифференциации его базы не только не существует ожидаемой устойчивой отрицательной корреляции, но и, наоборот, имеется положительная взаимосвязь. По всей вероятности, такие результаты не иллюстрируют каких-либо системных мотивов региональных органов государственной власти, а являются следствием стихийно принимавшихся на протяжении ряда лет решений.

Менее распространенной, как видно из диаграммы на рис. 2, является практика передачи на местный уровень дополнительных доходов по налогу на добычу полезных ископаемых, налогу на прибыль организаций и акцизам (15, 10 и 8 фактов, соответственно). Главная причина меньшего энтузиазма региональных властей в использовании этих источников доходов консолидированных бюджетов как средства перераспределения, скорее всего, заключается в «очаговой» природе соответствующей налоговой базы. Значения норматива зачисления налога на прибыль в местные бюджеты колеблются от 5% в Воронежской и Калужской областях,

Краснодарском крае до 50% в Магаданской области. Все 8 фактов передачи муниципалитетам акцизов, отмеченные в 2010 году, связаны с налогообложением спиртосодержащей продукции, а доля зачисления этого вида доходов в местные бюджеты находилась в диапазоне от 0,3 в Ямало-Ненецком АО до 12% в Республике Адыгея.

В отношении НДСПИ потенциальными получателями дополнительных доходов являются населенные пункты, которым посчастливилось иметь на своей территории находящиеся в промышленной разработке месторождения. Справедливости ради надо отметить, что большая часть регионов, передавших часть НДСПИ на местный уровень, воспользовалась этим правом только в части налога, взимаемого за добычу общераспространенных полезных ископаемых, т.е., как правило, разного рода песчано-гравийного сырья, сырья для производства строительных материалов и воды. И только в Челябинской области, Еврейской АО, Забайкальском и Алтайском краях и в Республике Алтай региональные власти пошли дальше, передав муниципалам часть доходов по налогу, взимаемому за добычу других групп полезных ископаемых (таблица).

Налог на добычу полезных ископаемых, переданный в 2010 году на местный уровень

Субъект РФ	Налог на добычу полезных ископаемых, тыс. руб.	В т.ч. налог на добычу общераспространенных полезных ископаемых, тыс. руб.	Доля, %
Республика Башкортостан	49 861	49 861	100,0
Удмуртская Республика	6 462	6 462	100,0
Чувашская Республика (Чувашия)	10 976	10 919	99,5
Республика Саха (Якутия)	80 515	80 515	100,0
Алтайский край	79 591	9 995	12,6
Воронежская область	62 802	62 802	100,0
Ивановская область	12 186	12 186	100,0
Смоленская область	18 671	18 671	100,0
Томская область	10 740	10 740	100,0
Челябинская область	258 639	73 489	28,4
Ярославская область	18 608	18 502	99,4
Республика Адыгея (Адыгея)	4 945	4 945	100,0
Республика Алтай	14 840	3 364	22,7
Еврейская АО	1 024	0	0,0
Забайкальский край	324 063	22 250	6,9
ИТОГО:	953 922,58	384 700,52	40,3

Логично предположить, что именно невысокая стоимость общераспространенных полезных ископаемых и, как следствие, узкая налоговая база переданного на местный уровень налога является главной причиной его скромного места (1,8%) в ряду прочих дополнительных доходов местных бюджетов.

Итак, можно сделать некоторые выводы относительно основных тенденций практики передачи регионами налоговых доходов на муниципальный уровень.

Во-первых, это явная ее недостаточность. Главные иллюстрации данного тезиса – наличие 14 регионов, в которых вообще ни один налог не был дополнительно перераспределен в пользу муниципалитетов, и 33 региона, в которых доля доходов от переданных региональных налогов составляет менее 1%.

Во-вторых, бессистемность принимаемых решений, а точнее – отсутствие видимых (по крайней мере, в рамках экспресс-анализа) экономических оснований для их принятия. Одним из наиболее очевидных свидетельств тому является отсутствие устойчивой отрицательной корреляции между дополнительными нормативами зачисления в местные бюджеты НДФЛ и показателями неравномерности распределения доходов (коэффициент фондов и индекс Джини).

В-третьих, налицо недостаточное внимание регионов к необходимости анализировать возможности расширения практики передачи доходов «вниз». Об этом говорит, к примеру, тот факт, что в местные бюджеты налог на добычу общераспространенных полезных ископаемых передан только в 15 субъектах федерации, в то время как этот вид доходов есть в консолидированных бюджетах 80 из 83 рассмотренных в рамках данного исследования российских регионов. И специфика объекта налогообложения заключается в его тесной взаимосвязи

с экономикой именно локального уровня управления – работой дорожно-ремонтных и строительных управлений, водоканалов и т.д., что является серьезным основанием для постановки вопроса о целесообразности передачи данного источника.

Как показывает анализ, органы государственной власти субъектов федерации явно недостаточно используют возможности формирования доходов муниципалитетов за счет дополнительных налоговых источников, отдавая предпочтение «трансфертной» модели финансирования муниципальной экономики.

В условиях движения в сторону бюджетной и административной децентрализации эта косная и контрпродуктивная конструкция межбюджетных отношений становится серьезным препятствием на пути развития института российского местного самоуправления, демотивирует муниципалитеты к повышению собственной экономической самостоятельности и ответственности и ставит их в жесткую экономическую и политическую зависимость от решений региональных органов государственного управления.

Институциональные корни неэффективных бюджетных решений

Общенациональный масштаб проблемы неготовности (или нежелания) регионов к отказу от политики «дотационной иглы» и переходу к более прогрессивным методам экономического обеспечения развития местного самоуправления указывает на существование системных причин сегодняшней ситуации. Хорошо понимая пользу, которую несет муниципалитетам замена дотаций дополнительными налоговыми источниками, губернаторы, тем не менее, воздерживаются от активного внедрения практики передачи доходов.

Мотивы такого поведения имеют выраженную институциональную природу, в основе которой, с одной стороны, сово-

купность формальных институтов — законных и подзаконных норм, регулирующих работу региональных администраций, с другой — сформировавшаяся за последнее десятилетие государственная идеология, являющаяся, по сути, неформальным институтом с собственными ответами на вопросы «что такое хорошо и что такое плохо».

Краеугольными камнями российской модели административно-территориальной и финансовой субординации, определяющими законные основы взаимодействия между субъектами федерации и муниципальными образованиями, выступают федеральные законы от 06.10.1999 №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и Бюджетный кодекс РФ. Сформированная ими конструкция, пришедшая на смену либеральной доктрине государственного управления 1990-х, создавалась для повышения управляемости и противодействия центробежным процессам, угрожавшим экономической безопасности и территориальной целостности страны⁵. Задача повышения управляемости нашла адекватное отражение в основных принципах, реализованных в этих законах. Ими стали централизация финансовых ресурсов и тотальная унификация источников доходов и полномочий муниципалитетов.

Практика последующей эксплуатации этой модели управления обнаружила ряд существенных проблем, дискуссия о неизбежности возникновения которых велась, впрочем, еще с момента введения перечисленных законов в действие [8].

⁵ Подробнее на эту тему: [1], [7].

Но, безусловно, главная проблема унификации заключается в том, что гарантированная законом экономическая база муниципалитетов явно недостаточна для качественного выполнения закрепленных за ними полномочий. А расширять ее, как нам удалось убедиться в ходе предшествующего анализа, регионы не спешат.

Следующая важная особенность отечественной модели госуправления — подчинение целей регионального развития идеологии централизации политических, административных и финансовых ресурсов и решений. Отмена прямых выборов губернаторов, работа над созданием на региональном уровне политической вертикали, участие в реализации приоритетных национальных проектов и других федеральных инициатив на протяжении десяти лет стимулировали региональных чиновников к повышению роли субординации в отношениях с местным самоуправлением. Необходимо отметить, что идея подчинения местного самоуправления влиянию региональной администрации очень созвучна природе субординированных систем вообще. Так, по мнению Дж. Стиглица, «централизованные системы с трудом подвержены самоограничению. Например, если центральная власть имеет возможность вмешаться, она вряд ли будет связывать себя обязательствами не вмешиваться» [9].

Результатом реакции региональных управленцев на перечисленные дефекты институциональной среды стало возникновение особой, альтернативной по отношению к официально декларируемой государством, системы административных стимулов, главными из которых являются:

- стремление к первоочередному решению «собственных» вопросов, закрепленных федеральным центром, без должного внимания к стратегическим целям

регионального развития; причем решение это зачастую может быть формальным, необходимым и достаточным только для целей хорошего отчета «наверх»;

- стремление перетянуть на себя «одеяло» консолидированного бюджета, вызванное недостаточностью собственных доходов и подкрепленное возможностями в области регулирования межбюджетных отношений, предоставленными регионам бюджетным законодательством;

- стремление субординировать отношения с муниципалитетами, спроецировав на местное самоуправление идеи «вертикали власти».

Очевидно, что ни один из этих стимулов не мотивирует субъекты федерации к передаче на местный уровень дополнительных доходов в целях укрепления экономической самостоятельности органов местного самоуправления.

Закономерный результат работы региональных менеджеров в условиях альтернативной мотивации – несимметричный финансовый результат исполнения бюджетов регионального и местного уровней. По итогам исполнения бюджетов за 2009 год 58 из 83 субъектов Российской Федерации (70%) констатировали дефицит регионального бюджета, в 2010 году дефицит зафиксирован в 61 субъекте федерации (73%). Консолидированный дефицит муниципальных бюджетов в 2009 году имел место в 73 (88%) российских регионах, в 2010 году – в 74 (89%).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в целом финансовое положение субъектов федерации, как правило, лучше положения муниципалитетов. И в условиях наличия в руках региональных властей рычагов для выравнивания ситуации это – еще одно свидетельство отсутствия у последних реальных мотивов к повышению бюджетной обеспеченности муниципалов.

Модернизация формальных институтов и новые стимулы для регионов

Институциональные первопричины проблем местного самоуправления в России предполагают необходимость поиска институциональных решений. Как представляется, главной точкой приложения усилий здесь должна стать мотивация региональных топ-менеджеров к укреплению экономической базы местного самоуправления. Необходимы реальные стимулы, которые будут побуждать органы государственной власти субъектов федерации к передаче на местный уровень дополнительных источников доходов.

К сожалению, неразвитые гражданские институты современного российского общества не позволяют рассчитывать на появление в ближайшем будущем такого рода стимулов в ходе политической дискуссии и диалога между властью и обществом. Функция целеполагания российских чиновников формируется в системе координат, определенных высоко субординированной моделью госуправления, когда все значимые решения принимаются с оглядкой на Москву. Не учитывать эту специфику нельзя. Поэтому, размышляя, как заинтересовать регионы в системном укреплении налоговой базы муниципалитетов, необходимо понимать, что единственно действенным в настоящий момент является «вертикальный» способ мотивации региональных администраций. Для того чтобы новые стимулы были адекватно восприняты и одинаково эффективны в отношении органов государственной власти всех российских регионов, можно рассмотреть вопрос о включении индикаторов их достижения в официальную систему оценки эффективности работы губернаторов [6].

Как было показано ранее, результатом неправильной мотивации региональных

элит являются явная недостаточность практики передачи субъектами федерации налоговых доходов «вниз», бессистемность принимаемых решений и недостаточное внимание регионов к необходимости анализировать возможности работы в этом направлении.

Проблемы определяют цели. Модернизация официального механизма оценки работы региональных администраций должна продвигаться навстречу этим вызовам. Главная задача новых правил – поставить органы государственной власти перед необходимостью постоянной рефлексии на тему достаточности собственных действий по обеспечению муниципалитетов доходами, а не дотациями.

Основными направлениями для мониторинга соответствующих параметров региональной бюджетной политики могут стать, например, общие объем и количество доходов, дополнительно переданных регионами на местный уровень, а также соотношение объема доходов, дополнительно переданных на местный уровень в форме налогов и сборов, и объема доходов муниципалитетов в виде трансфертов из регионального бюджета, не связанных с выполнением делегированных госполномочий.

Надо уточнить, что обсуждение методологических нюансов разработки конкретных индикаторов оценки, равно как и формирование конкретных предложений по внесению изменений в действующие

документы, не является целью настоящей статьи. Эта задача – предмет самостоятельного серьезного исследования. Главная цель последних рассуждений и выводов – определение принципиальных участков работы региональных органов государственного управления, которые должны находиться в фокусе внимания федерального центра. Закономерный результат подъема на поверхность проблематики финансовой зависимости местных властей от субфедерального уровня госуправления и создание инструментов официального мониторинга эффективности работы региональных администраций по преодолению этой проблемы – мощный стимул к повышению ответственности регионов за решения в области распределения доходов консолидированных бюджетов.

Модернизация системы официальной оценки качества работы «на местах» способна дать импульс к переосмыслению преобладающих на сегодня ментальных установок региональных элит, результатом которых являются централизация бюджетных ресурсов и «вертикализация» отношений между этажами управления. Его восприятие на региональном уровне предполагает отказ от субординационных клише в отношениях региона с муниципалитетами, либерализацию административной и бюджетной составляющих «муниципальной» политики субъекта федерации, устойчивое развитие института местного самоуправления в России.

Литература

1. Евстигнеева, Л. Трансформационные риски российской экономики / Л. Евстигнеева, Р. Евстигнеев // Вопросы экономики. – 2006. – № 11.
2. Исследование Общероссийской общественной организации «Всероссийский совет местного самоуправления на тему «Взаимодействие власти и общества на местном уровне» при участии ГУ «Высшая школа экономики». – URL: <http://www.vsmsinfo.ru/article.html#n452>
3. Отчеты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов федерации за 2009 и 2010 годы. – URL: <http://www.roskazna.ru/reports/mb.html>

4. Статистический ежегодник «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009»: Р32 стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 990 с.
5. Статистический ежегодник «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010»: Р32 стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 996 с.
6. Указ Президента РФ от 28.06.2007 №825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», постановление Правительства РФ от 15.04.2009 № 322 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».
7. Швецов, А. Государственная региональная политика: хронические проблемы и актуальные задачи системной модернизации / А. Швецов // Российский экономический журнал. – 2007. – № 11-12.
8. Швецов, А. Пространственные параметры муниципальных образований: постсоветские «качели» и экономические основания рационализации / А. Швецов // Российский экономический журнал. – 2007. – № 3.
9. Stiglitz J., 1994, 'Wither Socialism?', Cambridge, MA: The MIT Press. – Series "The Wicksell lectures".

УДК 330.34:332.122(470.13-772)

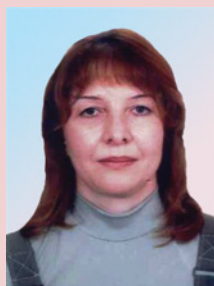
© Бурцева И.Г.

© Бурцев И.Н.

Сравнительная оценка экономического развития малоосвоенных территорий Республики Коми *

Освоение северных территорий всегда выступало в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики России. Северные регионы, с одной стороны, являются наиболее богатыми территориями с позиции наличия полезных ископаемых, лесных и водных ресурсов, с другой стороны, сегодня это территории остановленных производств, деградирующих городов, стремительно теряющие население и инфраструктуру. Освоение новых пространств Севера происходит крайне медленно, значительная часть минерально-сырьевого потенциала не подготовлена к промышленной разработке и требует дополнительного геологического изучения и экономической оценки. В статье рассматриваются вопросы освоения северных территорий на примере отдельных районов Республики Коми.

Северные территории, освоение, ресурсный потенциал, малоосвоенные районы, развитие, социально-экономический анализ, оценка.

**Ирина Григорьевна
БУРЦЕВА**

кандидат экономических наук, ученый секретарь Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
burtseva@iespn.komisc.ru

**Игорь Николаевич
БУРЦЕВ**

кандидат геолого-минералогических наук, зам. директора по научной работе Института геологии Коми НЦ УрО РАН
burtsev@geo.komisc.ru

Республика Коми является старопромышленным ресурсным регионом, но, несмотря на это, большая часть ее территории характеризуется как малоосвоенная и слабо заселенная. Целью данного исследования

было определение наименее экономически развитых и деградирующих районов, локализация сходных территорий, выбор перспективных направлений развития, идеологии освоения ресурсного потенциала.

* Статья подготовлена в рамках Междисциплинарного проекта УрО РАН «Разработка стратегии комплексного социально-экономического освоения малоизученных и слабо вовлеченных в хозяйственный оборот территорий Уральского Севера».

Исходя из этого выполнена оценка экономической ситуации в отдельных районах Республики Коми, их дифференциация по показателям развития промышленности, уровню доходов населения, состоянию инфраструктуры. В зависимости от выделенных типов районов рассмотрены возможности их развития на основе имеющихся минерально-сырьевых ресурсов.

Для определения пороговых значений, которые позволяют отнести территорию к разряду малоизученных и слабо вовлеченных в хозяйственный оборот, проанализированы показатели, характеризующие общий уровень экономического развития территории, уровень инфраструктурной составляющей, демографическую ситуацию.

В качестве общеэкономических показателей были выбраны: душевое производство промышленной продукции и объем капиталовложений; уровень оплаты труда и доля убыточных предприятий [4].

Для оценки положения районов на региональном уровне отдельные показатели (среднедушевое промышленное производство, средняя заработная плата, среднедушевые инвестиции) соотносились со средними значениями по республике.

Инвестиционная инфраструктура оценивалась с позиций количества строительных компаний и объема производства строительных материалов, а также по плотности и протяженности дорожной сети. Дополнительно рассмотрены среднедушевые показатели производства и передачи электрической и тепловой энергии. Для оценки степени освоения территории социально-экономические показатели рассматривались в динамике с 1990 по 2008 – 2009 гг.

В *таблицах 1 и 2* приведены наиболее важные показатели, характеризующие экономическое положение городов и районов Республики Коми в 2009 г. [6].

В группу районов с наименьшими показателями промышленного производства входят южные сельскохозяйственные районы: Койгородский, Корткеросский, Прилузский, Сысольский, Усть-Куломский. Среднедушевое промышленное производство в этих районах в 20 – 30 раз ниже, чем в среднем по республике.

Во второй группе районов соотношение между аналогичными показателями составляет 12 – 13 раз, к ней отнесены Троицко-Печорский и Удорский районы.

Третью группу районов составляют Княжпогостский, Усть-Вымский, Усть-Цилемский, Ижемский, Сыктывдинский и Интинский районы. Уровень промышленного производства в этих районах в 3 – 5 раз ниже среднереспубликанского. К этой группе можно отнести и район г. Воркуты, где уровень среднедушевого производства снизился с 1990-х г. почти вдвое.

Четвертая группа районов очевидна: это Усинский, Печорский, Ухтинско-Сосногорский промышленные узлы. Особое положение здесь занимает Вуктыл, в промышленном производстве которого фиксируется значительное падение в 2000 – 2005 гг.

Рассматривая динамику промышленного производства за период с 1990 г., легко заметить его стремительное сокращение в таких районах, как Койгородский, Корткеросский, Прилузский, Сысольский, Усть-Куломский, Троицко-Печорский и Удорский.

Вместе с тем в период с 1990 по 2005 г. отчетливо наблюдается рост резкой дифференциации районов по объемам промышленной продукции. Только к 2009 г. дифференциация несколько сгладилась. Так, если в 1990 г. разница в объемах среднедушевой промышленной продукции между наиболее «бедным» Усть-Цилемским и наиболее «богатым» Усинским районами составляла 6,4 раза, то в 2005 г. – 314 раз.

Таблица 1. Показатели общего экономического развития городов и районов Республики Коми

Город, район	Соотношение между среднедушевым показателем производства промышленной продукции в районе и среднереспубликанским показателем	Соотношение между показателем средней заработной платы по районам и среднереспубликанским показателем, %	Среднедушевые капиталовложения по районам относительно среднедушевых капиталовложений по республике	Доля убыточных предприятий, %
Сыктывкар	0,69	89,1	0,7	35
Воркута	0,67	115,6	0,2	34
Вуктыл	1,86	121,8	0,1	60
Инта	0,25	97,2	0,1	30
Печора	1,07	106,1	0,7	27
Сосногорск	1,15	101,8	0,5	48
Усинск	5,30	163,6	2,9	31
Ухта	1,87	120,8	3,7	38
Ижемский	0,40	61,7	0,4	75
Княжпогостский	0,11	70,2	0,2	50
Койгородский	0,03	54,7	0,1	50
Корткеросский	0,03	56,4	0,1	60
Прилузский	0,05	59,7	0,1	40
Сыктывдинский	0,28	72,6	0,2	39
Сысольский	0,03	56,1	0,1	83
Троицко-Печорский	0,07	55,6	0,04	50
Удорский	0,08	55,4	0,1	70
Усть-Вымский	0,18	72,8	0,15	50
Усть-Куломский	0,03	53,9	0,04	80
Усть-Цилемский	0,36	62,4	0,3	–
Справочно: абсолютные показатели по Республике Коми	Душевое производство промышленной продукции 254 тыс. руб.	Средняя заработная плата 20,8 тыс. руб.	Среднедушевые капиталовложения 113,5 тыс. руб.	38

Таблица 2. Среднедушевое производство промышленной продукции в городе, районе относительно среднедушевого по республике

Город, район	1990	2000	2005	2009
Сыктывкар	1,16	0,83	0,84	0,69
Воркута	1,06	0,96	0,87	0,67
Вуктыл	1,13	0,57	0,13	1,86
Инта	1,42	0,52	0,26	0,25
Печора	0,67	1,17	0,90	1,07
Сосногорск	1,10	1,71	0,84	1,15
Усинск	1,43	6,66	6,15	5,30
Ухта	1,15	0,62	1,49	1,87
Ижемский	0,29	0,06	0,44	0,40
Княжпогостский	1,09	0,25	0,34	0,11
Койгородский	0,60	0,36	0,05	0,03
Корткеросский	0,43	0,13	0,02	0,03
Прилузский	0,48	0,13	0,04	0,05
Сыктывдинский	0,53	0,30	0,23	0,28
Сысольский	0,40	0,12	0,09	0,03
Троицко-Печорский	0,60	0,16	0,06	0,07
Удорский	2,11	0,38	0,08	0,08
Усть-Вымский	0,72	0,27	0,47	0,18
Усть-Куломский	0,53	0,15	0,02	0,03
Усть-Цилемский	0,23	0,06	0,03	0,36
Справочно: производство промышленной продукции по Республике Коми на 1 чел., тыс. руб.	3,2	51,2	148,1	254,4

В качестве другого показателя, характеризующего общеэкономическое положение районов и уровень инвестиционной активности, рассматривался среднедушевой уровень капиталовложений (табл. 3).

В зависимости от соотношения со среднереспубликанским уровнем выделены следующие группы районов. В группу с наименьшими инвестициями на душу населения вошли Троицко-Печорский и Усть-Куломский районы: удельные капиталовложения в них в 20 раз ниже средних значений по Республике Коми. Кроме того, в указанных районах в последние годы произошло наиболее стремительное падение объемов капитальных вложений.

Во второй группе районов уровень среднедушевых инвестиций ниже среднего по региону в 10 – 18 раз. Эта группа включает в себя большинство южных районов

республики – Койгородский, Корткеросский, Прилузский, Сысольский, а также города Инту и Вуктыл. В данную группу входит и Удорский район. Как и в предыдущей группе, удельные инвестиции относительно их среднего уровня по республике снижались в последние пять лет, но наиболее резко они упали в Вуктыле.

Относительно благополучной ситуацию с инвестициями можно назвать в Ижемском, Усть-Цилемском, Княжпогостском, Усть-Вымском и Сыктывдинском районах. Соотношение между среднереспубликанскими и удельными капиталовложениями в этой группе районов не превышает 10-кратного значения (0,1 – 0,4 ед.; табл. 3). К этой же группе относится и Воркута, инвестиционная активность в которой начала заметно падать с 1995 г.

Таблица 3. Среднедушевые капиталовложения по районам относительно среднедушевых капиталовложений по Республике Коми

Город, район	1990	1995	2000	2005	2009
Сыктывкар	0,6	0,7	1,0	0,5	0,7
Воркута	0,7	0,9	0,5	0,5	0,2
Вуктыл	1,6	5,1	0,8	2,1	0,1
Инта	0,6	0,7	0,4	0,2	0,1
Печора	0,7	0,5	1,4	0,8	0,7
Сосногорск	1,0	1,4	1,1	0,8	0,5
Усинск	2,3	2,3	4,9	3,0	2,9
Ухта	1,1	1,4	0,9	3,3	3,7
Ижемский	0,6	0,9	0,3	0,6	0,4
Княжпогостский	0,5	0,6	0,5	1,6	0,2
Койгородский	0,6	0,2	0,2	0,3	0,1
Корткеросский	0,4	0,4	0,2	0,1	0,1
Прилузский	0,6	0,4	0,2	0,2	0,1
Сыктывдинский	0,7	0,9	0,4	0,4	0,2
Сысольский	0,4	0,3	0,3	0,1	0,1
Троицко-Печорский	0,7	0,6	0,2	0,3	0,04
Удорский	0,7	0,4	0,4	0,2	0,1
Усть-Вымский	0,3	0,5	0,3	0,3	0,15
Усть-Куломский	0,5	0,8	0,5	0,1	0,04
Усть-Цилемский	0,7	0,6	0,3	0,5	0,3
Справочно: среднедушевые капиталовложения по Республике Коми, тыс. руб.	2,7	3443	16,3	50,9	113,5

В группе инвестиционно привлекательных районов среднедушевые капиталовложения в 3 – 4 раза выше республиканского уровня. Это Усинский и Ухтинский районы, являющиеся стабильными центрами добычи и переработки нефти. Подобное соотношение сохраняется на протяжении последних 20 лет, в ранние периоды к этой группе можно было отнести и Сосногорский и Вуктыльский районы.

Оценка финансового состояния хозяйствующих субъектов показала, что больше всего убыточных предприятий в Сысольском (83%), Усть-Куломском (80%), Ижемском (75%) и Удорском (70%) районах. С 1995 по 2000 г. доля убыточных предприятий в указанных районах превышает 60%.

Ко второй группе можно отнести традиционно убыточный руральный Корткеросский район (60% убыточных предпри-

ятий) и Вуктыльский, имевший в 1995 г. всего четверть финансово несостоятельных хозяйствующих субъектов, доля которых в 2009 г. выросла более чем в два раза.

В следующей группе районов убыточные предприятия составляют примерно половину действующих, сюда относятся Княжпогостский, Койгородский, Троицко-Печорский и Усть-Вымский районы. Следует отметить, что в Воркуте, Инте, Печоре ситуация с убыточными предприятиями в 2009 г. улучшилась по сравнению с 2005 г., в первых двух городах это является результатом завершения этапа закрытия нерентабельных шахт и ликвидации смежных предприятий.

Для оценки доходов населения с позиций оплаты труда рассматривалось соотношение средней заработной платы по районам и по Республике Коми в динамике с 1990 по 2008 г. (табл. 4).

Таблица 4. Соотношение средней заработной платы по районам и среднереспубликанской заработной платы, %

Город, район	1990	1995	2000	2005	2008
Сыктывкар	86,2	83,1	86,4	89,7	89,1
Воркута	135,9	161,3	130	113,8	115,6
Вуктыл	103,9	126,8	132,8	136,6	121,8
Инта	126,7	147,5	108,4	89,9	97,2
Печора	96,4	92,7	109,4	104,5	106,1
Сосногорск	98,3	90,7	126,6	105	101,8
Усинск	142,5	111,7	205,5	174,5	163,6
Ухта	107,8	106	126,4	123,1	120,8
Ижемский	71,4	54,3	39,2	52,3	61,7
Княжпогостский	71,1	62,9	51,9	71,5	70,2
Койгородский	68,0	55,4	60,7	54,5	54,7
Корткеросский	68,0	50,7	45,8	49,7	56,4
Прилузский	67,2	53,6	43,2	54,3	59,7
Сыктывдинский	78,4	58	47,7	63,6	72,6
Сысольский	68,9	54,3	46,1	51,2	56,1
Троицко-Печорский	84,5	64,8	51,4	53,2	55,6
Удорский	77,7	73,7	51,3	52,2	55,4
Усть-Вымский	74,5	70,5	69,7	76,3	72,8
Усть-Куломский	65,3	48,5	44,6	47,8	53,9
Усть-Цилемский	76,7	56,3	45,4	56,5	62,4
Справочно: средняя заработная плата по Республике Коми, тыс. руб.	412	878	3,6	11,6	20,8

В данном разрезе можно выделить три группы районов: районы с самой низкой оплатой труда и ухудшающейся динамикой; районы со стабильно средним уровнем заработной платы и традиционно «богатые» районы.

К первой группе относятся преимущественно сельскохозяйственные районы – Койгородский, Корткеросский, Прилузский, Сысольский, Усть-Куломский. Уровень оплаты труда здесь традиционно наиболее низкий по республике, он не превышает 60% от среднего регионального уровня на протяжении последних 20 лет. В эту же группу попадают Удорский и Троицко-Печорский районы, экономика которых в основном базируется (или базировалась в прошлом) на лесозаготовительной отрасли. В отличие от вышеупомянутых районов, эти два района в начале 1990-х годов относились по уровню заработной платы к числу «средних»: оплата труда здесь составляла около 80% от республиканского уровня. Например, средний доход жителя Троицко-Печорского района в 1990 г. был сопоставим с доходом жителя Сыктывкара, а в 2000 г. он стал в два раза меньше. В последние годы наметилась тенденция к росту уровня оплаты труда в группе «низкооплачиваемых» районов, но пока этот рост незначителен.

Во вторую группу попадают Усть-Вымский, Усть-Цилемский, Сыктывдинский, Ижемский, Княжпогостский и Интинский районы. Уровень оплаты труда в этих районах составляет 70% и выше от среднего по республике или соответствует ему (Интинский район).

Характерными чертами выделенной группы является их промышленно ориентированная экономика, в основе которой лежит лесозаготовительная, угледобывающая, пищевая промышленность; транспортировка грузов. Значительное снижение заработной платы имело место в Интинском

районе в результате закрытия шахт и общей деградации экономики района.

Третья группа объединяет промышленные районы республики: Усинский (164% от среднереспубликанского уровня), Ухтинский (121%), Вуктыльский (122%), Печорский (106%), Сосногорский (102%), Воркутинский (116%). Оплата труда в этих районах традиционно высока, но при этом можно отметить тенденции, связанные с реструктуризацией угольной промышленности, изменением налогового законодательства и политики межбюджетных отношений. Так, уровень заработной платы в Воркуте в результате спада в угольной отрасли снизился за последние 10 лет более чем в полтора раза. В Усинском районе после рекордного 2000 г., когда средняя заработная плата превышала средний республиканский уровень в два раза, также произошло снижение оплаты труда, но уже по причине перераспределения доходов от нефтедобычи в пользу регионального и федерального бюджетов, и, как следствие, общее сокращение бюджетных расходов, оптимизация издержек со стороны нефтедобывающих компаний.

Для оценки инвестиционной инфраструктуры использовались такие показатели, как плотность автодорог, число строительных компаний, производство строительных материалов, производство и передача электрической и тепловой энергии (табл. 5).

В большинстве районов республики плотность автодорог довольно низкая – до 20 км на 1000 кв. км. Наименьшая дорожная плотность существует в районе городов Инты, Воркуты и Вуктыла – до 5 км на 1000 кв. км. Слабое автомобильное сообщение в Усть-Цилемском, Троицко-Печорском районах, в районах Усинска и Печоры, где плотность дорожной сети не превышает 10 км на 1000 кв. км. Наилучшее транспортное сообщение в южных районах и районах, прилегающих к г. Сыктывкару.

Таблица 5. Отдельные показатели инвестиционной инфраструктуры районов и городов Республики Коми в 2009 г.

Город, район	Ввод в действие автомобильных дорог с твердым покрытием общего пользования по городам и районам, км	Производство, передача и распределение электроэнергии, газа и воды на душу населения, тыс. руб.	Число строительных компаний	Производство строительных материалов, млн. руб.
Сыктывкар	–	42,0	1051	673
Воркута	–	36,4	108	357
Вуктыл	–	12,0	19	0
Инта	–	23,1	41	14
Печора	18,9	74,0	86	88
Сосногорск	–	52,0	70	0
Усинск	–	48,8	194	0
Ухта	3,3	15,8	430	399
Ижемский	–	2,9	10	0
Княжпогостский	–	10,9	20	0
Койгородский	–	6,1	2	0
Корткеросский	–	5,3	12	0
Прилузский	–	5,9	12	0
Сыктывдинский	–	4,9	24	0
Сысольский	–	5,4	11	0
Троицко-Печорский	–	6,4	2	0
Удорский	29,9	9,3	15	0
Усть-Вымский	–	7,2	9	5
Усть-Куломский	1	3,1	5	0
Усть-Цилемский	0,3	4,6	7	0

За последние десять лет значительно сократились объемы ввода автодорог. Если в 2000 г. в целом по республике было введено в действие более 180 км автодорог с твердым покрытием, то в 2009 г. – только 53 км, а в 2008 г. – 9 км. С 2002 г. не ведется строительство дорог в Интинском, Воркутинском, Троицко-Печорском и Княжпогостском районах.

Сельские районы республики заметно отстают от городских округов по душевому производству, передаче и распределению электроэнергии, газа и воды. В большинстве районов, за исключением Княжпогостского и Удорского, этот показатель не превышает 6 тыс. руб.

Производство строительных материалов в регионе находится на весьма невысоком уровне. Доля строительной индустрии в 1970-х – начале 1990-х годов в структуре промышленного производства

республики была сопоставима с долей деревообрабатывающей, газовой и нефтеперерабатывающей промышленности. Однако после начала экономических реформ производство строительных материалов резко сократилось. Основной причиной стал общий спад промышленного производства, сокращение объемов жилищного и производственного строительства. Вследствие этого произошло более стремительное по сравнению с другими отраслями сокращение производства строительных материалов.

Сегодня строительная индустрия Республики Коми представлена добычей строительного песка, песчано-гравийных смесей, кирпичных глин, известняков и доломитов, производством цемента, строительной извести, кирпича, стеновых панелей, щебня и т.д. С начала 1990-х годов произошло резкое падение производства

всех видов строительных материалов и сокращение их товарного ассортимента; за последние десять лет выпуск продукции сократился более чем в два раза. Производятся строительные материалы преимущественно в Сыктывкаре, Ухте, Воркуте, Печоре и в небольшом объеме в Интинском и Усть-Вымском районах.

Проведенный анализ показал довольно низкий уровень общеэкономического и инфраструктурного положения большей части районов республики. В целом невысокие экономические показатели в большинстве районов обусловлены высокими темпами падения промышленного производства на протяжении последних 15-ти лет. Характерна и резкая дифференциация между районами по основным показателям экономического развития.

Для выделения наименее освоенных или деградирующих территорий предлагается использовать следующие граничные значения показателей:

- соотношение между республиканским показателем среднедушевого производства промышленной продукции и районным показателем – равно или меньше 10 ед.;
- соотношение между республиканскими и районными среднедушевыми инвестициями – равно или меньше 10 ед.;
- уровень средней заработной платы относительно средней заработной платы по республике – равно или меньше 60%;
- число убыточных предприятий – равно или более 50% от общего числа;
- плотность автодорог – менее 20 км на 1000 кв. км.

С учетом выполненного анализа и согласно установленным пороговым показателям выделяются следующие группы малоосвоенных и слабо вовлеченных в хозяйственный оборот территорий:

◆ Районы со слабой инфраструктурой или полным ее отсутствием, неразвитой

промышленностью, незначительным расселением, но, как правило, обладающие пока не востребованным минерально-сырьевым, лесным, земельным или рекреационным потенциалом. К числу таких районов можно отнести Троицко-Печорский, Усть-Цилемский и Сысольский районы.

◆ Районы «деиндустриализации» промышленного производства при относительно развитой инфраструктуре; к ним относятся районы Инты и Воркуты.

◆ Районы «нового» освоения – в зоне влияния реализуемых и предполагаемых инвестиционных проектов и создаваемых транспортных коридоров. В данную группу можно включить Удорский и Княжпогостский районы.

Предлагаемая группировка районов базируется (помимо используемых экономических характеристик) также на классификации, предлагаемой Ф. Котлером, К. Асплундом, И. Рейном и др., выделяющими разные жизненные циклы территорий [2].

Выполненная на основе методики И.А. Неженского и И.Г. Павловой [3] стоимостная оценка минерально-сырьевого потенциала первой группы районов показала его невысокую относительно регионального уровня стоимость, что в большей степени свидетельствует о низкой степени геологической изученности этих территорий, а не об отсутствии полезных ископаемых (табл. 6).

Так, Сысольский район располагает значительными ресурсами горючих сланцев, торфа, крупных запасов керамзитовых глин, кварцевых стекольных песков. В южной части Троицко-Печорского района находится Верхне-Печорское месторождение каменной и калийно-магниевой солей. Ценность Усть-Цилемского района определяется Пижемским титановым месторождением, месторождениями бокситов, ресурсами ниобия.

Таблица 6. Стоимость полезных ископаемых в недрах в разрезе муниципальных образований Республики Коми

Муниципальные образования	Стоимость минерально-сырьевых ресурсов, млрд. руб. / доля в общей стоимости по Республике Коми, %		
	Общая стоимость запасов и ресурсов	Запасы кат. А+В+С ₁ +С ₂	Ресурсы кат. Р ₁ +Р ₂ +Р ₃
<i>Районы со слабой инфраструктурой и невостребованным сырьевым потенциалом</i>			
Сысольский	362,2/3,0	114,0/1,9	248,2/4,0
Троицко-Печорский	96,4/0,8	91,4/1,6	5,0/0,08
Усть-Цилемский	455,0/3,8	84,9/1,4	370,2/6,0
<i>Районы «деиндустриализации»</i>			
Воркута	6246,2/52,3	2391,9/41,1	3854,3/62,8
Инта	1115,3/9,3	519,4/8,9	595,9/9,7
<i>Районы нового хозяйственного освоения</i>			
Княжпогостский	159,9/1,3	144,8/2,5	15,1/0,2
Удорский	890,3/7,4	215,4/3,7	674,9/11,0
Республика Коми	11951,9/100	5817,2/100	6134,7/100

На районы «деиндустриализации» приходится основная доля потенциальной ценности минерального сырья региона, что объясняется значительными запасами и ресурсами угля, марганца, хромитов, жильного кварца, золота, строительного и облицовочного камня.

Районы нового хозяйственного освоения характеризуются более высокой долей ресурсов в общей стоимости сырьевого потенциала, что также свидетельствует об их слабой геологической изученности. Основной вклад в потенциальную стоимость ресурсного потенциала выделенных районов вносят горючие сланцы.

Проекты, связанные с освоением районов первой и третьей групп, могут осуществляться только при активной государственной поддержке или на основе государственно-частного партнерства, задачей которого является создание необходимых предпосылок для выполнения геологоразведочных работ и привлечения капитала в минерально-сырьевой сектор.

Базой создания новых производств в названных районах могут послужить имеющиеся на их территории месторождения и проявления полезных ископаемых.

Наличие транспортной и производственной инфраструктуры определяет направления освоения территорий Воркутинского, Интинского районов и части Печорского, стратегическим из которых являются стабилизация и развитие угольной отрасли, включающие [1]:

- ✓ начало и расширение угледобычи на новых угольных месторождениях;
- ✓ более глубокую переработку углей, включая углехимическую переработку с получением высокоценной продукции — синтетического жидкого топлива, синтез-газа, сульфоугля, активированного угля, адсорбентов, высокоуглеродистых материалов;
- ✓ повышение уровня утилизации шахтного метана при дегазации шахтных полей и выработок.

Главная проблема освоения северных территорий — значительная их удаленность от рынков сбыта и недостаточно развитая или совсем отсутствующая инфраструктура, требующая в условиях Севера высоких затрат на формирование, что определяет реализацию инвестиционных проектов на пределе рентабельности. Опыт зарубежных северных стран и регионов

показывает, что проблемы их развития не могут быть решены в рамках «чистого бизнес-подхода», ориентированного только на коммерческую эффективность. Новые проекты на неосвоенных северных

территориях могут быть успешными лишь при самом активном участии государства в лице федеральной и местной власти и при реализации частно-государственного партнерства.

Литература

1. Калинина, А.А. Формирование нового центра угледобычи в Печорском бассейне / А.А. Калинина, В.П. Луканичева // Регион. – 2010. – № 4. – С. 52-55.
2. Маркетинг мест / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.
3. Неженский, И.А. Методические основы оценки стоимости российских недр / И.А. Неженский, И.Г. Павлова // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 1995. – № 4. – С. 13-18.
4. Пространственная парадигма освоения малоизученных территорий: опыт, проблемы, решения / под общ. ред. А.И. Татаркина. – Т. 1. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. – С.160-188.
5. Север: проблемы периферийных территорий / отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2007. – 420 с.
6. Статистический ежегодник Республики Коми. 2010: стат.сб. / Комистат. – 502 с.

ПРОДОЛЖАЕМ ТЕМУ ПРЕДЫДУЩЕГО НОМЕРА

УДК 658.155:637.1(043.3)

© Туваев В.Н., Туваев А.В.

Оценка экономической эффективности научно-технического прогресса в молочном скотоводстве

Предложена оценка экономической эффективности научно-технического прогресса в молочном скотоводстве. Рассматривается комплекс показателей для оценки экономической эффективности производства молока. Для научного обоснования оптимальной модели производства молока применена система сетевого планирования и управления на основе сетевых графиков. С целью обеспечения сопоставимости элементов системы производства предлагается использовать единые энергетические показатели для определения отношения энергии, содержащейся в произведенной продукции, к количеству энергии, затраченной на ее производство. Приведены алгоритм определения и результаты экономико-энергетического анализа эффективности способов содержания коров на реконструированных молочных фермах Вологодской области.

Затраты труда, металлоёмкость, энергоёмкость, приведённые затраты, энергосодержание, приведённые энергозатраты, экономико-энергетическая эффективность.

**Владимир Николаевич
ТУВАЕВ**

доктор технических наук, профессор
зав. кафедрой ВГМХА им. Н.В. Верещагина

**Артем Владимирович
ТУВАЕВ**

кандидат экономических наук, доцент ВГМХА имени Н.В. Верещагина
artem-2100@yandex.ru

Серьезную проблему в молочном скотоводстве представляют низкая производительность и тяжелые условия труда животноводов вследствие устаревших технологий и оборудования, большого

физического и морального износа всей производственной базы молочного животноводства, острый дефицит квалифицированных кадров. Повысить эффективность и конкурентоспособность отрасли

невозможно без модернизации ферм на базе новейших технологий и технических средств. Большая работа в этом направлении проводится во многих регионах, в том числе и в Вологодской области. Об этом свидетельствует устойчивая тенденция производства продукции животноводства: средний надой молока от коровы вырос с 4221 кг в 2005 г. до 5194 кг в 2011 г. На перспективу в молочном животноводстве ставится задача увеличить поголовье коров до 100 тыс. гол. и достичь молочной продуктивности коров до 6000 кг в год [5, 6]. Для этого необходимо провести реконструкцию и модернизацию ферм, создать хорошую кормовую базу, улучшить условия труда животноводов.

Освоение современных технологий производства молока требует кроме значительных финансовых затрат глубокого знания особенностей этих технологий и полного представления об экономическом эффекте, который можно получить при приобретении и использовании новейших технологий и технических решений с учетом условий хозяйствования. Вопросы оценки экономической эффективности внедрения достижений НТП в молочном скотоводстве отражены в ряде работ в недостаточной мере, что предопределило цель исследований: совершенствование методических подходов к оценке эффективности перспективных технологий производства молока. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: на основе анализа выявить методики и показатели, используемые при оценке эффективности внедрения новой техники; дополнить методику оценки эффективности освоения новых технологий в молочном скотоводстве показателем минимума приведенных затрат и экономико-энергетическими показателями; на основе предложенной методики провести оценку экономической эффективности

внедрения привязного и беспривязного способов содержания коров.

Проблеме оценки экономической эффективности техники и технологий посвящены разработки в виде методических рекомендаций и стандартов [1, 4], утвержденных Правительством РФ, труды ученых [3, 12].

Методические принципы определения экономической эффективности новой техники раскрыты в «Методике определения экономической эффективности использования в сельском хозяйстве новой техники, изобретений и рациональных предложений» (1998) [4].

В соответствии с этой методикой годовой экономический эффект определяется путем сравнения приведенных затрат по базовой и новой технике при соблюдении сопоставимости вариантов:

$$\mathcal{E}_2 = \left[3_1 \cdot \frac{B_2}{B_1} \cdot \frac{P_1 + E_n}{P_2 + E_n} + \frac{(I_1 - I_2) - E_n \cdot (K_2 - K_1)}{P_2 + E_n} - 3_2 \right] \cdot A_2, \quad (1)$$

где 3_1 и 3_2 – приведенные затраты на единицу продукции, производимой с помощью базовой и новой техники, руб.;

A_2 – годовой объем производства продукции с помощью новой техники в расчетном году в натуральных единицах;

$\frac{B_2}{B_1}$ – коэффициент учета роста производительности единицы нового средства труда по сравнению с базовым;

B_1 и B_2 – объемы продукции, производимые при использовании соответственно единицы базового и нового средства труда в натуральных единицах;

$\frac{P_1 + E_n}{P_2 + E_n}$ – соотношение, показывающее коэффициент учета изменения срока службы нового средства труда по сравнению с базовым;

P_1 и P_2 – доля амортизационных отчислений от первоначальной стоимости базового и нового средства труда;

E_n – нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений;

$$\frac{(I_1 - I_2) - E_n \cdot (K_2 - K_1)}{P_2 + E_n} - \text{экономия пот-}$$

ребителей на текущих издержках и отчислениях от сопутствующих капитальных вложений за весь срок службы нового средства труда, руб.;

K_1 и K_2 – сопутствующие капитальные вложения потребителя при использовании базового и нового средства труда в расчете на объем продукции, производимой с помощью нового средства труда, руб.;

I_1 и I_2 – годовые эксплуатационные затраты потребителя при использовании базового и нового средства труда в расчете на объем продукции, производимой с помощью нового средства труда, руб.

Методики расчета эффективности капитальных вложений основываются на комплексном подходе к развитию народнохозяйственного комплекса, а в качестве критерия принимается прирост произведенного национального дохода. Экономическая эффективность производства, один из важнейших показателей развития экономики, определяется как отношение полезного результата (эффекта) к затратам на его получение.

Показатели экономической эффективности условно делятся на 3 группы.

1-я группа – обобщающие показатели экономической эффективности. Это прежде всего рост общественной производительности труда, количественно выражаемый в росте объемов выпускаемой продукции, а также в абсолютной экономии затрат живого и овеществленного труда (в стоимостном и натуральном измерении).

2-я группа – основные показатели экономической эффективности использования производственных ресурсов: живого труда, основных производственных фондов, материальных затрат и капитальных вложений. К ним относятся производи-

тельность живого труда (трудоемкость), фондоотдача (фондоёмкость), материалоёмкость (материалоотдача), отдача капитальных вложений (капиталоёмкость).

3-я группа – технико-экономические показатели эффективности использования ресурсов. Они применяются для конкретного анализа и планирования отдельных сторон процесса производства, учета факторов его роста на предприятиях, в отраслях промышленности, в сельском хозяйстве. Это индивидуальная выработка; коэффициенты использования средств труда, мощности агрегатов; удельные расходы сырья, материалов, топлива и энергии; удельные капиталовложения, срок окупаемости, приведенные затраты [4, 12].

В большинстве случаев для оценки эффективности вложений в технику используют так называемые динамические показатели, которые характеризуют объект исследования за весь период его использования. Такие показатели рассчитываются с помощью дисконтирования (приведения разновременных платежей к какому-то определенному моменту времени).

Чтобы определить современную стоимость будущих платежей, необходимо провести процедуру дисконтирования платежей, то есть сопоставить будущие потоки денег с их современной стоимостью.

Ниже представлена формула дисконтирования при разовых платежах:

$$E_0 = E_n \frac{1}{q^n}, \text{ или } E_0 = E_n \frac{1}{(1+i)^n}, \quad (2)$$

где E_0 – современная величина платежей, то есть приведенная к настоящему моменту времени;

E_n – платежи в конце n -периода;

$\frac{1}{q^n}$ – дисконтный множитель;

i – ставка процентов на вложенный капитал (или дисконтная ставка процентов).

В случае периодических платежей:

$$E_0 = e \frac{q^n - 1}{q^n(q-1)}; E_0 = e \frac{(1+i)^n - 1}{i(1+i)^n}, \frac{q^n - 1}{q^n(q-1)}, \quad (3)$$

где e – ежегодные платежи;

$\frac{q^n - 1}{q^n(q-1)}$ – дисконтный множитель.

При осуществлении вложений финансовых ресурсов в технику, технологии оптимальным показателем является внутренняя норма доходности. Мерилом эффективности инвестиций для этого показателя служит внутренняя норма доходности r , то есть такая ставка процентов, при которой дисконтированная сумма потока платежей равна нулю.

Исходную формулу для расчета внутренней нормы доходности r можно записать как:

$$E_0 = -C_{II} + \sum_{t=0}^n (K_e - K_a) \frac{1}{(1+r)^t} = 0, \quad (4)$$

где C_{II} – сумма инвестирования капитала в технику и технологии, д. е.,

K_e – поступления, д. е.;

K_a – выплаты, д. е.

Чтобы найти величину r , надо решить уравнение n -й степени. При $n > 4$ решение может быть только приближенным. Поэтому на практике прибегают к упрощенным приближенным методам вычисления. При этом решение может осуществляться как графически, так и аналитически.

Полученное значение r сравнивают с установленной на предприятии минимальной нормой доходности r_{min} . Если $r > r_{min}$, то инвестиция целесообразна.

Все эти показатели могут свободно применяться при оценке техники и технологий современного периода, но с соответствующими корректировками на фактор времени (инфляция) и специфику исследуемого объекта.

Подобные показатели приводятся в методиках современных авторов [5, 10, 12], эти методики содержат различные дополнения, отражающие особенности той области, в которой они применяются. Выбор методики для анализа зависит, как было уже отмечено, от объекта исследования: внедряемых новых и заменяемых технологий, техники для производства сельскохозяйственной продукции, осуществления отдельных технологических процессов, использования и ремонта сельскохозяйственной техники.

В настоящее время для научного обоснования оптимальной модели производства молока широко применяется система сетевого планирования и управления: ее основа – сетевые графики [7].

Методической основой сетевого планирования и управления являются методы исследования операций, теория ориентированных графиков и некоторые разделы теории вероятности. Отличительная особенность системы сетевого планирования и управления – использование специфической информационно-динамической модели процесса, так называемой сетевой модели комплекса операций. Динамичность процесса проявляется в постоянной смене его состояния, постоянном изменении состава и параметров его элементов – работ и их взаимосвязей.

Критерием оценки вариантов примем удельные затраты труда, металлоёмкость, энергоёмкость. Капитальные и эксплуатационные затраты в рыночных условиях непостоянны, в то же время они пропорциональны затратам труда, металлоёмкости и энергоёмкости.

Удельные затраты труда (чел.-ч/гол.) определяют по формуле:

$$Z_y = \frac{n \cdot q}{W_r}, \quad (5)$$

где n – количество обслуживающего персонала, выполняющего данную операцию, чел.;

q – объем продукции (молока), приходящейся на одну голову, т/гол.;

W_r – часовая производительность машин на данной операции, тонн/ч.

Удельная металлоемкость (кг/гол.) определяется по формуле:

$$M_y = \frac{M}{k}, \quad (6)$$

где k – количество обслуживаемых коров, гол.;

M – масса машин и оборудования, кг.

Удельную энергоёмкость (кВт·ч/гол.) определяют по формуле:

$$\mathcal{E}_y = \frac{N_{\text{дв}} \cdot q}{W_r}, \quad (7)$$

где $N_{\text{дв}}$ – мощность привода, кВт.

Чтобы определить последовательность операций, обеспечивающую наименьшие затраты труда, удельную металлоёмкость и энергоёмкость, необходимо решить задачу о выборе оптимальной траектории. Задача формулируется так: найти кратчайший путь от точки 1 до точки С, двигаясь только по направлению стрелок.

Обозначим L_{opt} – оптимальное расстояние между двумя вершинами сетевого графика, l_{i_{n-1}, i_n} – расстояние между двумя соседними вершинами. Тогда принцип оптимальности сетевого планирования (минимизация суммы расстояний) может быть выражен следующим соотношением:

$$L_{\text{opt}} = \sum_{i=1}^n l_{i_{n-1}, i_n} \rightarrow \min. \quad (8)$$

Из принципа оптимальности вытекает правило последовательного отбора вариантов: если в процессе нахождения кратчайшего расстояния между двумя любыми вершинами сетевого графика к какой-либо промежуточной вершине подходит несколько лучей разной длины, то кратчайшим путем в заданной вершине следует считать луч, длина которого при сложении

с суммой длин предыдущих лучей дает наименьшую сумму. Все остальные варианты могут быть отброшены.

Оптимальный путь от начального события до конечного легко прослеживается по обобщенному критерию, то есть по средней величине удельных технико-экономических показателей: затрат труда, металлоёмкости, энергоёмкости:

$$n_{\text{cp}} = \frac{1}{i} \sum_1^k n_i, \quad (9)$$

где n_{cp} – обобщенный критерий;

n_i – удельные технико-экономические показатели (на гол./сутки).

Таким образом, осуществляя соответствующие расчеты, мы получаем оптимальный путь, который будет соответствовать оптимальной технико-технологической схеме производства молока в хозяйстве молочного направления.

При экономической оценке технических средств и технологий обслуживания коров важными показателями деятельности являются натуральные показатели, которые характеризуют количественное и качественное состояние производимой продукции. Натуральные показатели отражают уровень ресурсов, потребляемых на производство продукции: затраты труда, энергии, кормов, различных материалов.

Необходимость использования натуральных показателей при определении экономической эффективности создаваемых и применяемых технологий и технических решений в отрасли молочного скотоводства обусловлена требованиями рыночной экономики, в условиях которой важно выявить основные направления удешевления производства продукции за счет экономии кормов, энергии, рабочего времени, исключения потерь ресурсов и продукции.

Данную систему показателей можно дополнить показателями, позволяющими сделать выбор наиболее эффективного варианта производства продукции [2]. Во-первых, это общеизвестный показатель минимума приведенных затрат. Приведенные затраты – показатель наилучшего варианта сравнительной эффективности производства продукции. Его рассчитывают по формуле:

$$Z_i = C_i + E_n \cdot K_i \rightarrow \min, \quad (10)$$

где C_i – себестоимость (эксплуатационные издержки) единицы продукции, руб.;

E_n – нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений (принимается на уровне текущей ставки рефинансирования ЦБ РФ);

K_i – удельные капитальные вложения в технику и технологию в расчете на единицу продукции, руб.

Через нормативный коэффициент в величине приведенных затрат приводятся к единой размерности текущие расходы и капитальные вложения в технику и технологию.

Во-вторых, это экономико-энергетические показатели, которые в последнее время получают широкое распространение по той причине, что они наиболее полно соответствуют экономическим функциям критерия эффективности производства, отражают затраты живого и овеществленного труда на получение продукта в энергетических единицах.

Растущие затраты энергии на получение единицы продукции, ограниченность ископаемых видов топлива и постоянный рост инвестиций в их добычу указывают на то, что сельское хозяйство превратилось в энергоемкую отрасль производства. Как отмечают В.И. Драгайцев и А.В. Шпилько [12], В.В. Калюга [3] и другие исследователи этой проблемы [2, 9, 11], возникает необходимость разработки методики эконо-

номико-энергетического анализа технического и технологического уровня развития производства в сельском хозяйстве. Существующие методики в основном разработаны для свиноводческих и скотоводческих хозяйств мясного направления. Новизна показателей экономико-энергетической оценки, используемых в данной работе, состоит в том, что методика, на основе которой они рассчитаны, разработана для хозяйств молочного направления и с учетом специфики их деятельности [9, 11].

В связи с этим появляется возможность сопоставления элементов системы производства в единых энергетических показателях, т.е. оценить экономическую эффективность производства показателем, характеризующим отношение количества энергии, содержащейся в произведенной продукции, к количеству энергии, затраченной на ее производство.

Полная энергоемкость (совокупные энергозатраты) на производство молока составляет:

$$E_c = E_n + E_o, \quad (11)$$

где E_c , E_n и E_o – соответственно совокупные, прямые и овеществленные энергозатраты, МДж.

Прямые энергозатраты базируются на затратах электрической, тепловой энергии и горюче-смазочных материалов:

$$E_n = E_{nэ} + E_{nзм} + E_{nm}, \quad (12)$$

где $E_{nэ}$, $E_{nзм}$ и E_{nm} – соответственно затраты электроэнергии, топлива и тепла, МДж.

Энергоёмкость потребленной электроэнергии определяют по формуле:

$$E_{nэ} = \mathcal{E}_{nэ} \cdot I_{nэ}, \quad (13)$$

где $\mathcal{E}_{nэ}$ – количество потребленной электроэнергии, кВт×ч;

$I_{nэ}$ – энергетический эквивалент 1 кВт×ч прямых затрат, МДж.

Энергоёмкость жидкого топлива определяют по формуле:

$$E_{nzt} = Q_{nzt} \cdot I_{nzt}, \quad (14)$$

где Q_{nzt} – расход топлива, кг;

I_{nzt} – энергетический эквивалент 1 кг потребленного жидкого топлива прямых затрат, МДж.

Энергоёмкость потреблённого тепла определяют по формуле:

$$E_{nm} = S_n \cdot I_{nm}, \quad (15)$$

где S_n – удельная полезная площадь производственного помещения, необходимая для производства 1 ц молока в год, м²;

I_{nm} – энергетический эквивалент, учитывающий расход тепла на 1 м² полезной площади производственного помещения в год, МДж.

Овеществлённые энергозатраты находят по формуле:

$$E_o = E_{ок} + E_{окл} + E_{озт} + E_{оз} + E_{от} + E_{оз} + E_{отс} + E_{ов} + E_{ож}, \quad (16)$$

где $E_{ок}$ – энергозатраты, овеществленные в кормах, МДж;

$E_{окл}$ – овеществленные в кормах энергозатраты прошлых лет, МДж;

$E_{озт}$ – энергоёмкость жидкого топлива, МДж;

$E_{оз}$ – энергоёмкость электроэнергии, МДж;

$E_{от}$ – энергоёмкость тепла, МДж;

$E_{оз}$ – энергоёмкость зданий, МДж;

$E_{отс}$ – энергоёмкость технических средств, МДж;

$E_{ов}$ – энергозатраты на воду, МДж;

$E_{ож}$ – затраты энергии живого труда, МДж.

Энергозатраты в потреблённых кормах определяют по формуле:

$$E_{ок} = q_k \cdot I_{ок}, \quad (17)$$

где q_k – удельный расход кормов на производство 1 ц молока;

$I_{ок}$ – энергетический эквивалент 1 ц к. ед., МДж.

Овеществленные в кормах энергозатраты прошлых лет определяют по формуле:

$$E_{окл} = q \cdot I_{окл}, \quad (18)$$

где $I_{окл}$ – энергетический эквивалент 1 ц к. ед. овеществленных затрат прошлых лет, МДж.

Энергоёмкость жидкого топлива определяют по формуле:

$$E_{озт} = Q_{nzt} \cdot I_{озт}, \quad (19)$$

где $I_{озт}$ – энергетический эквивалент 1 кг жидкого топлива овеществленных затрат, МДж.

Энергоёмкость электроэнергии определяют по формуле:

$$E_{оз} = E_{нэ} \cdot I_{оз}, \quad (20)$$

где $I_{оз}$ – энергетический эквивалент 1 кВт·ч овеществленных затрат, МДж.

Энергоёмкость тепла определяют по формуле:

$$E_{от} = S_n \cdot I_{от}, \quad (21)$$

где $I_{от}$ – энергетический эквивалент, учитывающий овеществленные затраты тепла на 1 м² полезной площади производственных помещений в год, МДж.

Энергоёмкость зданий определяют по формуле:

$$E_{оз} = A_з \cdot I_{оз}, \quad (22)$$

где $A_з$ – удельная общая площадь производственного помещения, необходимая для производства 1 ц молока в год, м²;

$I_{оз}$ – энергетический эквивалент 1 м² зданий и сооружений, МДж.

Энергоёмкость технических средств определяют по формуле:

$$E_{отс} = M \cdot I_{отс}, \quad (23)$$

где M – масса технических средств, кг;

$I_{отс}$ – энергетический эквивалент 1 кг массы технических средств, МДж.

Энергозатраты на воду определяют по формуле:

$$E_{ов} = q_в \cdot I_{ов}, \quad (24)$$

где $q_в$ – удельный расход воды на производство 1 ц молока, л;

$I_{ов}$ – энергетический эквивалент 1 л воды овещественных затрат, МДж.

Энергозатраты живого труда определяются по формуле:

$$E_{ож} = Z_m \cdot I_{ож}, \quad (25)$$

где Z_m – удельные затраты труда на производство 1 ц молока, чел.-ч;

$I_{ож}$ – энергетический эквивалент живого труда, МДж.

Энергосодержание основной продукции молочного скотоводства E_{np} приравнивается к энергосодержанию молока \mathcal{E}_1 , МДж.

Энергосодержание дополнительной продукции:

$$E_0 = \mathcal{E}_2 + \mathcal{E}_3 + \mathcal{E}_4 + \mathcal{E}_5, \quad (26)$$

где \mathcal{E}_2 – энергосодержание приплода, МДж;

\mathcal{E}_3 – энергосодержание прироста живой массы коров, МДж;

\mathcal{E}_4 – энергосодержание живой массы выбранных коров, МДж;

\mathcal{E}_5 – энергосодержание навоза, МДж.

Энергосодержание всей продукции молочного скотоводства при производстве молока:

$$E_{en} = E_{np} + E_0. \quad (27)$$

Коэффициенты экономико-энергетической оценки эффективности различных технологий производства молока определяются по формулам:

$$\eta_1 = E_{np}/E_c \cdot 100, \quad (28)$$

$$\eta_2 = E_{en}/E_c \cdot 100, \quad (29)$$

где η_1 и η_2 – соответственно коэффициенты экономико-энергетической оценки эффективности производства основной продукции (молока) и всей животноводческой продукции отрасли молочного скотоводства, %.

С энергетической точки зрения выгодна такая технология, которая на единицу вложенной совокупной энергии обеспечивает наибольший выход энергии в продукции.

Энергоёмкость производства молока определена на основе первичного источника информации – племзавода «Заря» Грязовецкого района Вологодской области, в котором представлены семь разновидностей технологий производства молока (описание технологий отображено в *табл. 1*).

На основе этих данных проведем расчет показателей минимума приведенных затрат и экономико-энергетических показателей и далее сведем полученные данные в *табл. 2*.

Данные таблицы показывают существенные преимущества производства молока по технологии беспривязного содержания молочного скота и доения их в доильном зале.

Анализ показателей критерия минимума приведенных затрат позволяет сделать вывод о несколько большей экономико-энергетической эффективности производства молока на комплексе «Слобода» (привязный способ содержания) по сравнению с комплексом «Гари» (беспривязный способ содержания). Однако разрыв в величинах приведенных затрат по сравниваемым вариантам незначителен и при условии учета дополнительных показателей: объёма валовой продукции, затрат труда, металлоёмкости – эффективность деятельности комплекса «Гари» окажется выше.

Экономико-энергетический анализ показал, что после реконструкции произошло снижение показателей использования энергии в продукции, особенно заметное на комплексе с привязным содержанием (с 27,72 до 16,27%), и вследствие этого экономико-

Таблица 1. Основные технологические характеристики молочных ферм
 ЗАО Племзавод «Заря» Грязовецкого района Вологодской области

Технологическая характеристика	Ферма					
	«Пирогово»	«Слобода»	«Палкино»	«Останино»	«Гари»	«Становищево»
1. Способ содержания	Привязный	Привязный	Привязный	Беспривязный	Беспривязный	Привязный
2. Размер фермы, гол.	338	675	352	391	691	161
3. Способ погрузки силоса, сена	Рейнджер-965	Рейнджер-965	Рейнджер-965	Рейнджер-965	Мониту-730	Рейнджер-965
4. Способ кормораздачи (с трактором МТЗ-82)	РКТ-10, КТУ-10А 10 м ³	«Бульдог» 8 м ³ «Оптимикс» 12 м ³ В родильном отделении ручная раздача	«Оптимикс» 12 м ³ ТВК-80 (родилка) КТУ-10А (молодняк)	«Оптимикс» 12 м ³	«Оптимикс» 12 м ³	РКТ-10, КТУ-10А 10 м ³
5. Тип доильного оборудования	«Сёдж» 2×200, молокопровод	«Юникала» 4×200, молокопровод	«Юникала» 4×200, молокопровод	«Европараллель», доильный зал 2×12	«Европараллель», доильный зал 2×12	АДМ-8 (200), молокопровод
6. Способ охлаждения молока	Танк 6 м ³ , 2 шт.	Танк 4 м ³ , 3 шт.	Танк 10 м ³	Танк 8 м ³ , Установка «ледяной воды»	Танк 10 м ³ , установка для мгновенного охлаждения молока	Танк 10 м ³
7. Устройство поения	Сообщающиеся сосуды в резервуарах с водой	Сообщающиеся сосуды в резервуарах с водой	Сообщающиеся сосуды в резервуарах с водой	Двухшаровые поилки-термосы	Двухшаровые поилки-термосы	Сообщающиеся сосуды в резервуарах с водой
8. Способ удаления навоза	КСН-ф-100, 2 шт. Шнеки	КСН-ф-100, 10 шт.	КСН-ф-100, 6 шт.	Дельта-скреперы 12 шт. Шнеки	Дельта-скреперы, 10 шт. Шнеки	КСН-ф-100, 2 шт.
9. Техника вывоза навоза	2ПТС-4 + МТЗ-82	РЖТ-16 + Т-150К, 2ПТС-4 + МТЗ-82	2ПТС-4 + МТЗ-82	РЖТ-16 + Т-150К	РЖТ-16 + Т-150К	2ПТС-4 + МТЗ-82

Таблица 2. Основные показатели деятельности ЗАО Племзавод «Заря»
 по двум животноводческим комплексам (в период реконструкции)

Показатель	«Слобода»		«Гари»	
	До реконструкции	После реконструкции	До реконструкции	После реконструкции
Приведенные затраты, руб.	484,37	518,77	485,44	541,47
Показатель экономико-энергетической эффективности производства молока, %	13,75	10,58	13,85	14,67
Показатель экономико-энергетической эффективности производства всей продукции, %	27,72	16,27	23,06	21,70

энергетический показатель по комплексу с беспривязным содержанием стал иметь большее значение (21,70% в «Гарях» по сравнению с 16,27% в «Слободе»). Причем в «Гарях» самые низкие затраты труда (от 1,24 до 0,92 чел.-ч./ц) на производство продукции, что говорит о большей эффективности производственно-хозяйственной деятельности. Удельные показатели затрат кормов и металлоемкости на 1 ц молока дополнительно подтверждают высокую эффективность производства молока по беспривязной технологии. Однако минусом данной технологии являются значительные затраты электроэнергии – 11,4 кВт·ч/ц, что неизбежно при высокой степени механизации и автоматизации процесса доения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что беспривязная технология (с доением в доильном зале), несмотря на небольшой опыт ее использования в российских условиях, все же обладает определенными техническими и технологическими преимуществами по сравнению с привязной технологией содержания коров и доением в молокопровод. Беспривязная технология обеспечивает наивысшие показатели производительности труда, низкие металлоемкость и затраты корма, а как известно, стоимость корма и затрат на оплату труда составляют наибольшую долю в себестоимости конечной продукции.

Следовательно, при уменьшении этих издержек снижается величина себестоимости и у производителя появляется реальная возможность увеличить свои доходы, приобрести дополнительную технику, провести необходимую модернизацию технологического оборудования и т. п.

Как было сказано выше, любой вид деятельности сопровождается определенными энергозатратами, поэтому напрашивается вывод о необходимости применении нормативов энергоемкости для расширения возможности планирования инвестиций, финансирования, кредитования, поскольку эти нормативы отвечают, по крайней мере, двум требованиям: учитывают производственный потенциал товаропроизводителя сельскохозяйственной продукции и отражают уровень развития отдельных отраслей и сельского хозяйства в целом.

Приведенные в работе методические подходы к оценке экономической эффективности освоения достижений НТП в молочном скотоводстве позволяют установить экстремальные значения критериев эффективности и в соответствии с ними прогнозировать и обосновать оптимальные значения экономико-энергетических показателей сравниваемых технологий на стадиях проектирования (составление бизнес-плана) и эксплуатации.

Литература

1. ГОСТ Р 53026-2008. Техника сельскохозяйственная. Методы экономической оценки. – М.: Изд-во стандартов, 2008. – 20 с.
2. Джаббаров, Н.И. Классификация критериев эффективности и их использование при оптимизации эксплуатационных показателей тяговых машинно-тракторных агрегатов / Н.И. Джаббаров, А.В. Добринов, А.М. Дементьев. – С.-Пб.: ГНУ СЗНИИМЭСХ РАСХН, 2010. – 104 с.
3. Калюга, В.В. Методика биоэнергетической оценки технологий производства свинины / В.В. Калюга // Технологии и технические средства механизированного производства продукции растениеводства и животноводства в Северо-Западной зоне России: сб. научн. трудов. – С.-Пб., 1999. – Вып. 70. – С. 131-135.

4. Методика определения экономической эффективности использования в сельском хозяйстве новой техники, изобретений и рационализаторских предложений / МСХиП РФ. – М.: Экономика, 1998. – 32 с.
5. Основные направления технологического прогресса в молочном животноводстве: рекомендации / составители: В.А. Бильков, Г.П. Легошин. – Вологда: ООО ПФ «Полиграфист». – 2007. – 87 с.
6. Технологические схемы реконструкции и модернизации молочных ферм Вологодской области: рекомендации. – С.-Пб.: ГНУ СЗНИИМЭСХ РАСХН. – 2006. – 56 с.
7. Туваев, В.Н. Научные и практические аспекты стимулирования освоения достижений НТП в молочном скотоводстве / В.Н. Туваев, А.В. Туваев, М.В. Селин. – Вологда: ИЦ ВГМХА, 2011. – 173 с.
8. Туваев, В.Н. Техничко-экономическое обоснование перспективных технологий производства молока на основе сетевой модели / В.Н. Туваев, А.В. Туваев // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Технические науки. – 2006. Приложение № 11. – Ноябрь. – С. 125-127.
9. Туваев, А.В. Экономико-энергетический анализ технологий производства продукции молочного скотоводства / А.В. Туваев, В.Н. Туваев // Сборник научных трудов, посвященный 100-летию со дня рождения ректора ВМИ В.В. Сливко. – Вологда-Молочное, 2004. – С. 213-218.
10. Туваев, В.Н. Оценка экономической эффективности отрасли молочного скотоводства / В.Н. Туваев, А.В. Туваев // Новые технологии в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции: межвузовские научные труды. – Вологда-Молочное: ИЦ ВГМХА, 2005. – С. 122-129.
11. Туваев, В.Н. Экономико-энергетическая оценка технологий производства молока в летний период / В.Н. Туваев // Сборник научных трудов факультета механизации сельского хозяйства ВГМХА. – Вологда, 2001. – Вып. 1. – С. 54-57.
12. Экономическая эффективность механизации сельскохозяйственного производства / А.В. Шпилько, В.И. Драгайцев, Н.М. Морозов [и др.]. – М.: РАСХН, – 2001. – 346 с.

Информационно-консультационное обеспечение управления устойчивым развитием сельского хозяйства северного региона

В статье рассматриваются сущность, особенности и методические основы информационно-консультационного обеспечения управления устойчивостью аграрного сектора. Показаны принципы и формы организации информационно-консультационной деятельности. Обобщен опыт консультационного обслуживания сельского хозяйства в дореволюционной России и за рубежом. Выявлены региональные особенности формирования информационно-консультационной службы в аграрном секторе Республики Коми. Исследованы основные направления развития информационно-консультационного обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства региона. Даны практические рекомендации по освоению инновационных разработок с помощью информационно-консультационной службы. Предложена система информационно-консультационного обслуживания организаций и хозяйств, включающая республиканский информационно-консультационный центр и межрайонные ИКЦ, тесно взаимодействующие с федеральной информационно-консультационной службой.

Информационно-консультационная служба, устойчивое развитие, информационное обеспечение, источники информации, организационная структура консультационной службы, Республика Коми.

**Елена Валентиновна
ИВАНОВА**

инженер Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН
ivanov@iespn.komisc.ru

Сущность и особенности информационно-консультационного обеспечения управления устойчивостью аграрных предприятий

Устойчивость сельского хозяйства как сложной экономической, социальной и экологической системы определяется внешними и внутренними факторами и условиями. Среди важнейших факторов, способствующих обеспечению устойчивости аграрного производства, особое место занимает информационно-консультационное обеспечение. Хорошо налаженная система информационного и консультационного обеспечения управления устойчи-

востью позволяет наиболее полно и достоверно охарактеризовать внешнюю и внутреннюю среду хозяйствующего субъекта, принять оптимальное для каждой конкретной ситуации управленческое решение, снизить риски в его деятельности и обеспечить устойчивое развитие сельхозорганизаций и хозяйств. Поэтому потребность в информации для управления устойчивым развитием аграрных субъектов хозяйствования постоянна, информационно-консультационное обеспечение должно поддерживать их функционирование на всех стадиях производственного цикла.

Актуальность и значимость информационно-консультационного обеспечения управления устойчивым развитием сельского хозяйства в районах Севера обусловлена существенным сокращением за годы реформ производства, деградацией ресурсного потенциала, усилением оттока квалифицированных специалистов из села, отходом отрасли от инновационного развития. Эффективность управления устойчивостью отрасли в определяющей степени зависит от деятельности информационно-консультационных служб (ИКС).

Анализ научной литературы свидетельствует о наличии множества подходов к выявлению сущности устойчивого развития. Следует согласиться с точкой зрения авторов, определяющих устойчивое развитие аграрного сектора (предприятия) как способность в течение длительного времени обеспечивать в единстве и взаимодействии воспроизводство производственного потенциала, человеческих ресурсов и природной среды. Они выделяют три тесно взаимосвязанные составляющие устойчивого развития: экономическую, социальную и экологическую [6].

Информационное обеспечение является важнейшим фактором стабильного развития аграрного производства. Хорошо налаженная система информационного обеспечения позволяет снижать риски в деятельности хозяйствующих субъектов, принимать оптимальные управленческие решения для каждой конкретной ситуации. Информационное обеспечение рассматривается в литературе с разных позиций. В Экономической энциклопедии дано наиболее обобщенное определение информационного обеспечения, которое рассматривается как: 1) сведения, знания, предоставляемые потребителю в ходе работ по удовлетворению его информационных потребностей; информация, соответствующим образом обработанная (отобранная,

систематизированная и оформленная); 2) одна из составляющих современных автоматизированных информационных систем; 3) процесс предоставления информации отдельным лицам или группам в соответствии с их информационными потребностями [16, с. 248].

Информационное обеспечение включает такие элементы, как информация, источники информации, методы сбора и анализа информации, средства сбора, выдачи, обработки, хранения и защиты информации, информационные системы и технологии, коммуникационные процессы.

Основа информационного обеспечения – информация, которая является одним из важнейшим ресурсов наряду с материальными, трудовыми и финансовыми. Информация о технологиях и организации аграрного производства и переработки сельхозпродукции, средствах механизации и автоматизации технологических процессов, сортах растений и породах животных, новых формах организации управления, конъюнктуре рынка продукции и материальных ресурсах служит важнейшей составляющей процесса управления устойчивым экономическим развитием аграрного сектора. Роль информации в обеспечении устойчивого развития сельского хозяйства возрастает в связи переходом отрасли к наукоемкой специализации. Современное аграрное производство широко использует биотехнологию и генную инженерию.

Возросшая необходимость передачи сельхозпроизводителям информации о научных разработках вызвана также тем, что в отличие от крупных промышленных предприятий сельхозорганизации и крестьянские (фермерские) хозяйства, в силу недостатка финансовых ресурсов, не могут осуществлять научные исследования и самостоятельно организовывать научно-техническое обслуживание аграрной деятельности.

К тому же за годы рыночных преобразований резко сократилось количество высококвалифицированных специалистов в сельхозорганизациях. В дореформенный период на крупных сельхозпредприятиях специалисты фактически выполняли роль консультантов, как носители информации о новшествах.

Основными источниками информации для различных видов устойчивости являются образовательные учреждения, научные организации, субъекты агропродовольственного рынка, органы законодательной и исполнительной власти. Высшие и средние специальные учебные заведения, институты по переподготовке и повышению квалификации работников АПК формируют учебно-методические, научно-методические материалы. Информация научно-исследовательских организаций – научные труды, научно-методические материалы, сведения о научных разработках для использования в производственной деятельности. Источниками информации производственной и рыночной сферы выступают показатели деятельности сельхозорганизаций и хозяйств, рыночной конъюнктуры. Информацией органов государственной власти являются нормативно-правовые акты, а также аналитическая и оперативная информация.

В ходе практической деятельности сельхозпроизводители получают важную информацию из министерств (департаментов) сельского хозяйства регионов, муниципальных управлений сельского хозяйства, от ИКС, индивидуальных консультантов. Источниками информации служат также телевидение, периодические издания, Интернет, научно-практические семинары и конференции, специализированные выставки-демонстрации.

Сельхозорганизации используют различные виды информации: научно-техническую, производственную, управленческую, экономическую, социальную, правовую.

В зависимости от источников получения информация подразделяется на внутреннюю и внешнюю. К внутренней информации относятся все виды учета, бухгалтерская и статистическая отчетность, договорные отношения с поставщиками и покупателями, инвесторами, различные виды планов, бизнес-план и др.

Информация, получаемая вне субъекта хозяйствования, относится к внешней. В ее состав входит информация в области налогообложения, кредитования, ценообразования; о состоянии спроса и предложения на продовольственные товары; процентных ставках за кредит; деятельности покупателей сельхозпродукции и поставщиков различных ресурсов промышленного производства, об оказании ремонтных и строительных услуг; о новых технологиях, сортах растений и породах животных; формах организации производства и управления; информация консультационного характера по законодательным, правовым и финансовым вопросам; по организации бухучета и отчетности и др. Использование различных источников информации, ее обработка и хранение позволяют принимать решения по устойчивому развитию аграрных предприятий.

Существует целый арсенал средств и методов передачи информации от источника к потребителю. Процесс распространения знаний, передачи информации сельхозпроизводителям прошел через многие стадии развития, начиная с устной лекторско-консультационной службы, первоначальной издательской деятельности и заканчивая современной компьютеризированной системой связи.

Извлечение из системы сложившихся знаний и информационных фондов актуальной информации, являющейся комбинацией этих информационных источников, это и есть суть информационно-консультационного обслуживания клиентов [10, с. 16].

Роль ИКС заключается в передаче пользователям научной, технологической и рыночной информации, передового отечественного и зарубежного производственного опыта. Основными действующими лицами этой службы являются специалисты-консультанты, хорошо знающие законодательство, аграрное производство, владеющие рыночными методами хозяйствования, навыками подготовки управленческих решений, а также общения, обучения. Пользователи информационно-консультационных услуг – сельскохозяйственные и агропромышленные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства, органы государственного управления АПК, население. Каждый субъект заинтересован получить от оказанных услуг экономический, социальный и экологический эффект.

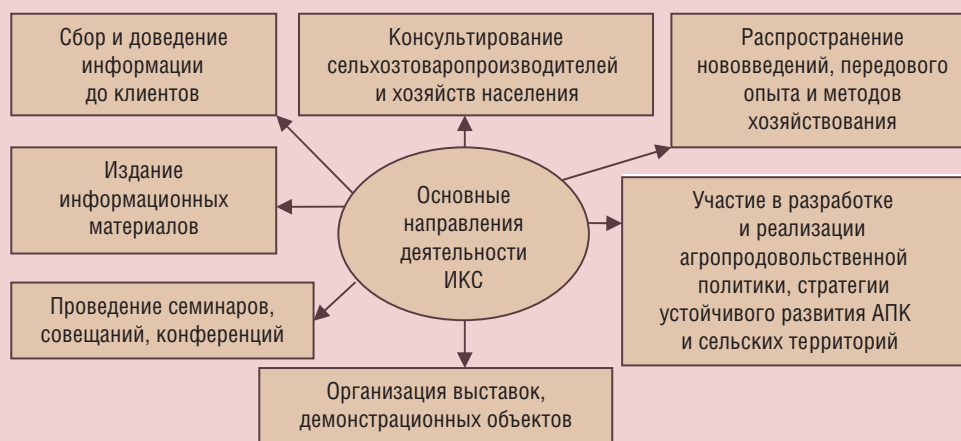
Имеется довольно много определений служб сельскохозяйственного консультирования. По мнению Джона Рассела, сельскохозяйственная служба консультирования может быть определена как предоставление знаний и навыков, необходимых фермерам для освоения и применения более эффективных методов в растениеводстве и животноводстве с целью повышения продуктивности и улучшения жизненных стандартов.

Примерно такое же определение дают службе К.М. Фишер и другие. В их трактовке сельскохозяйственная служба консультирования и обучения фермеров ставит своей задачей передачу информации и практических навыков для более эффективного использования имеющихся ресурсов.

Однако наиболее четко выразили сущность службы А.В. Ван Ден Бан и Х.С. Хоккинс: «Сельскохозяйственная служба консультирования – это сознательная передача информации с целью помочь людям формировать здравое мнение и принимать правильные решения» [цит. по: 3, с. 7].

Служба сельскохозяйственного консультирования не только организует передачу идей, информации, знаний, советов, навыков, но и оказывает практическое содействие по их освоению в производстве. ИКС выступает связующим звеном между наукой, образованием и производственной сферой. Основными направлениями работы службы являются: информационная, консультационная, инновационная, образовательная, выставочная, издательская деятельность, а также участие в разработке и реализации агропродовольственной политики (рис. 1).

Рисунок 1. Основные направления деятельности информационно-консультационной службы

Важную роль в консультационной службе играют консультанты, деятельность которых призвана обеспечить доведение новых знаний до сельхозтоваропроизводителей. Однако, как отмечал А.В. Чайнов, работник общественной агрономии (консультант) «является деятелем не столько техническим, сколько социальным. Объектами его деятельности являются люди, их психика, их воля и сознание, а не только поле, скот и другие предметы хозяйства» [14].

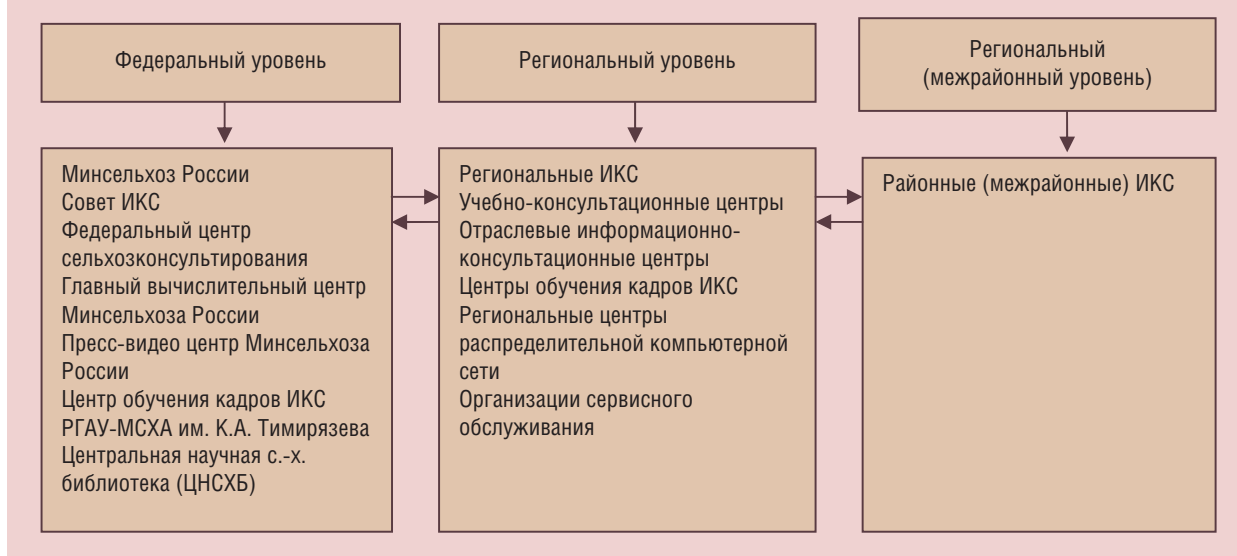
В настоящее время система информационно-консультационного обеспечения АПК включает федеральный, региональный и районный (межрайонный) уровни (рис. 2).

В Республике Коми информационно-консультационный центр создан на региональном уровне при Институте переподготовки и повышения квалификации работников АПК и является его структурным подразделением в составе двух человек. Сотрудники центра совмещают консультационную деятельность с преподавательской работой. На районном (межрайонном) уровне ИКС отсутствует.

В настоящее время организационная структура ИКС ориентирована на оказание в основном безвозмездных услуг. Данные анкетного опроса показали, что платные услуги (составление бизнес-планов и учредительных документов) готовы оплачивать лишь 6% сельхозтоваропроизводителей республики. В рамках реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008 – 2012 гг. на оказание консультационной помощи сельхозтоваропроизводителям и на переподготовку специалистов для сельского хозяйства выделяются значительные бюджетные средства.

Таким образом, информационно-консультационная служба – это единая государственная многоуровневая система, активно взаимодействующая с наукой, образованием и агропромышленной сферой в целях доведения до хозяйствующих субъектов и органов управления информации для практического ее применения. Служба функционирует преимущественно за счет финансовой поддержки государства.

Рисунок 2. Организационная структура информационно-консультационной службы АПК России

Опыт консультационного обслуживания сельского хозяйства в дореволюционной России и за рубежом

Россия является одной из первых стран, где зародилось сельскохозяйственное консультирование. Известные ученые в области информационно-консультационного обслуживания аграрного сектора В.М. Баутин и В.В. Лазовский считают, что наилучшим материалом по освещению истории развития информационно-консультационной службы в дореволюционной России является обзорно-аналитический доклад голландского ученого A.W. Van Den Bana, представленный им в 1998 г. на конференции по ИКС [19].

В 1765 г. в России было организовано первое сельскохозяйственное общество, положившее «основание первому особому институту агрономов для подачи советов в разных губерниях». В 1797 г. при Сенате была создана правительственная Экспедиция, а при ней «Практическая школа земледелия». Закончившие школу направлялись в отдаленные деревни, где им выделялась земля для устройства учебного хозяйства и обучения местных крестьян передовым навыкам земледелия.

В 1833 г. был создан Комитет по усовершенствованию земледелия в России, а в 1834 г. Министерство финансов приступило к созданию «института практических агрономов». Конечной целью деятельности агрономов представлялось развитие агрономического сознания в разных слоях населения и духа соревнования между земледельцами, для чего устраивались выставки и конкурсы с раздачей премий и наград. В 1886 г. стали создаваться земства, первые российские общественные организации, к задачам которых, в частности, относилось и решение сельскохозяйственных проблем на местном уровне.

С 1906 г. начала организовываться участковая агрономия, суть которой заключалась в оказании агроэкономической помощи населению. Участковый агроном был на службе у земства, т.е. представлял общественную агроэкономическую организацию, финансирование которой осуществлялось за счет членов. С 1908 г. правительство начало оказывать участковой агрономии постоянную поддержку, и к 1911 г. в России насчитывалось более 3600 участковых агрономов. По функциям, задачам и зонам обслуживания дореволюционный участковый агроном соответствовал современному полевому консультанту, считающемуся основной фигурой в системе информационно-консультационной службы развитых стран.

В период проведения второй аграрной реформы появился новый тип представителя агрономической службы – хуторной агроном. В 1911 г. в России работало уже более 1580 хуторных агрономов. Их главной задачей было оказание помощи единоличному крестьянину. Со временем им было разрешено оказывать помощь и членам общин. Хуторной агроном являлся правительственным чиновником и получал государственное содержание.

В 1913 г. в российской системе сельскохозяйственного консультирования работали 9 тыс. служащих. A.W. Van Den Ban отмечает, что в то время сельскохозяйственная консультационная служба была в России, может быть, лучшей в мире [19].

Первые теоретические разработки и дальнейшее развитие службы сельскохозяйственного консультирования, особенно в 1916–1924 гг., связаны с именем выдающегося русского ученого-агронома А.В. Чаянова. Он считал, что «никакой системе, никакому общественному размаху, хотя бы и располагающему всей мощью государственной организации, не под силу с большим успехом провести организационную реформу сельского хозяйства.

Следует использовать интерес частных товаропроизводителей, народнохозяйственные силы. Общественная агрономия (консультирование) должна сыграть в отношении сельскохозяйственных товаропроизводителей роль фермента, возбуждающего и направляющего их работу» [5]. Идеи А.В. Чаянова, являющегося основоположником научных подходов к сельскохозяйственному консультированию, широко используются во всем мире.

К сожалению, в нашей стране развитие этого направления работ было прервано на многие годы. Только в 1993 г. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации начало заново восстанавливать информационно-консультационную службу.

Первые службы государственного консультирования появились в конце XIX – начале XX столетия в Голландии и США. Несомненный интерес для создателей отечественной ИКС представляет американская модель. В США начало формирования службы распространения знаний по вопросам сельского хозяйства относится к 1862 г., когда был принят закон об организации науки, сельскохозяйственного образования и распространения знаний среди фермеров. В соответствии с законом функции были возложены на 74 сельскохозяйственных колледжа штатов, получивших от государства бесплатно землю для обеспечения этой задачи. На федеральном уровне служба распространения знаний стала создаваться в 1914 г., когда был принят закон Смита – Левра о ее создании.

В настоящее время американская служба распространения знаний «экстеншн» организационно представляет государственную кооперативную службу распространения знаний, объединяющую федеральный уровень в составе Министерства сельского хозяйства США и объединенные системы служб штатов, включаю-

щие в себя службы «экстеншн» университетов и округов. Всего в службе «экстеншн» штатов задействовано 74 государственных университета, 130 колледжей сельского хозяйства, 27 колледжей ветеринарной медицины, 59 опытных станций, 63 школы лесоводства и 3150 офисов «экстеншн» в административных округах (графствах).

На федеральном уровне служба «экстеншн» функционирует в составе Министерства сельского хозяйства США в виде управления со штатной численностью около 200 сотрудников. Федеральная служба обеспечивает координацию деятельности всех партнеров системы службы «экстеншн» страны, охватывая широкий круг производственных и общественно-социальных проблем: сельскохозяйственное производство, развитие экономики сельской местности, развитие фермерской семьи, природные ресурсы и управление окружающей средой.

На уровне штатов служба «экстеншн» представляет объединенную систему, включающую в себя службы «экстеншн» университетов и окружные службы.

В каждом графстве имеется своя служба «экстеншн» с численностью от 3 до 15 человек. Окружные службы подчинены службам штатов. Для специалистов служб округов регулярно проводится инструктаж в университете. Обязательное требование для специалистов – уровень подготовки не ниже магистра [3].

Обобщение зарубежного опыта информационно-консультационного обслуживания сельского хозяйства, наиболее полно представленного в отечественных и зарубежных публикациях [1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 17, 18], показывает, что службы сельскохозяйственного консультирования функционируют многие десятилетия и играют заметную роль в совершенствовании технологии, организации и управления производством фермеров.

В мировой практике существует ряд моделей организации служб консультирования товаропроизводителей: консультационные службы при министерствах сельского хозяйства и продовольствия (Великобритания, ФРГ, Нидерланды, Польша); университетская модель (наибольшее распространение получила в США); ИКС, созданные на базе ведущих аграрных колледжей (Шотландия, в некоторых землях ФРГ); ИКС, созданные на базе фермерских организаций (Финляндия); частные консультационные службы, функционирующие в настоящее время во многих аграрно развитых странах (Англия, Уэльс, Новая Зеландия и др.).

Несмотря на разнообразие организационных форм, консультационные службы имеют сходства, которые выражаются в следующем:

- в большинстве стран службы создавались по решению государственных органов и длительное время содержались за счет бюджетных средств и только по мере завоевания авторитета и устойчивого развития сельского хозяйства постепенно переходили с полного государственного финансирования на частичное возмещение своих услуг за счет взимания платы с клиентов;
- консультационные службы формируются на национальном, региональном и местном уровнях при тесном их взаимодействии;
- к деятельности служб привлекаются работники научных и образовательных учреждений, средства массовой информации.

В России и ее регионах невозможно полностью копировать зарубежные модели ИКС в силу специфических особенностей развития отечественного аграрного сектора, связанных со сложившейся в нем социально-экономической ситуацией, многоукладностью аграрной экономики, слабой господдержкой сельхозтоваропроизводи-

телей, исторически сформировавшимся менталитетом крестьян, выраженным в их склонности к коллективному труду.

Региональные особенности формирования информационно-консультационной службы

Формирование региональной ИКС связано со специфическими особенностями развития АПК. Агропродовольственный сектор Республики Коми не занимает доминирующего положения в экономике. Сейчас на его долю приходится 2,6% валового регионального продукта, 0,8% инвестиций в основной капитал, 2,8% среднегодовой численности занятых в экономике.

Индустриальный характер развития республики обусловил преобладание городского населения. Доля его в общей численности населения равна 77%. На начало 2011 г. оно составляло 899,7 тыс. чел., из них 693,2 тыс. — в городах и 206,5 тыс. чел. — в сельской местности.

Одна из отличительных особенностей сельскохозяйственного воспроизводства — его большая зависимость от природных и экономических условий. Республика Коми занимает 2,4% территории России. Доля наиболее продуктивных угодий — пашни — составляет лишь 0,2% площади, в то время как по стране этот показатель равен 7,1%. Распаханность достигает 25% против 55% в среднем по стране. Низкая освоенность территории республики объясняется неблагоприятными для сельского хозяйства природными условиями, огромными площадями, занятыми лесом (74,6%), и малой ее населенностью.

Наибольшую долю сельхозугодий (83%) используют коллективные организации. В распоряжении личных подсобных хозяйств граждан — 15% общей площади, в среднем на одну семью приходится 0,4 га. Площадь земельных участков, предоставленных фермерским хозяйствам, составляет 7,7 тыс. га (2% сельхозугодий), или в среднем по 28 га на одно хозяйство.

В связи с трудными природными и экономическими условиями развития сельского хозяйства Республика Коми имеет низкую продовольственную самообеспеченность. Сейчас уровень самообеспечения населения мясом и мясопродуктами составляет 27%, молоком и молокопродуктами – 27, яйцом и яйцепродуктами – 72, картофелем – 75, овощами – 24%.

Однако в регионе имеются благоприятные условия для производства социально значимых продуктов. Агроприродный (достаточное количество осадков, длинный световой день в период вегетации, значительные массивы природных кормовых угодий, в том числе пойменных лугов) и экономические потенциалы позволяют вести эффективное картофелеводство, скотоводство, оленеводство, птицеводство. Республика располагает возможностями для производства органической продукции и формирования соответствующего рыночного сегмента. От реализации экологически безопасной продукции можно получать своего рода рентный доход. Продукция традиционных отраслей (олeneводство, рыболовство, охотничьи промыслы, сбор дикорастущих грибов и ягод) конкурентоспособна не только на региональном, но и национальном и международном рынках.

Формирование региональной ИКС тесным образом связано с организационно-правовыми формами хозяйствования, обеспеченностью руководителями, специалистами и кадрами массовых профессий, уровнем их профессиональной подготовки.

Продовольственный комплекс республики представлен многоотраслевыми сельскохозяйственными организациями, производителями пищевой продукции, фермерскими и личными подсобными хозяйствами граждан. В 2010 г. производством сельхозпродукции занимались 190 сельхозорганизаций и подсобных хозяйств учреждений, свыше 93 тыс. личных подсоб-

ных хозяйств, 437 крестьянских (фермерских) хозяйств, 76 тыс. семей садоводов и 30 тыс. семей огородников.

В общем объеме валового производства сельхозпродукции на долю сельхозорганизаций приходится 55%, хозяйств населения – 41, крестьянских (фермерских) хозяйств – 4%. Сельхозорганизации доминируют в производстве продукции животноводства (рис. 3).

За годы аграрной реформы произошло значительное снижение концентрации производства и разукрупнение сельхозорганизаций. Если в 1990 г. на одно хозяйство приходилось в среднем 428 работников, 4 тыс. га сельхозугодий, 1021 га посевов, 1694 гол. крупного рогатого скота, в т.ч. 661 корова, 65 тракторов, то сейчас – соответственно 99 работников; 1,1 тыс. га; 376 га; 307 гол., в т.ч. 133 коровы; 14 тракторов.

Переход к рынку негативно отразился на аграрном секторе. За 1990 – 2010 гг. производство молока сократилось в 3,4, а мяса крупного рогатого скота (в убойном весе) – в 3,1 раза. За этот период, при сокращении населения более чем на треть, производство мяса в расчете на одного жителя в год снизилось с 31 до 19 кг, молока – со 166 до 68 кг, яиц – с 294 до 186 шт.

За годы реформ произошло снижение производственного потенциала отрасли, которая во многом утратила индустриальный характер.

Площади сельхозугодий, используемых землепользователями, занимающимися сельхозпроизводством, за рассматриваемый период сократились с 353 тыс. до 191 тыс. га, посевные площади – со 100,5 тыс. до 40,5 тыс. га; поголовье крупного рогатого скота уменьшилось со 173,5 тыс. до 38,7 тыс. гол. (в том числе коров – с 71,0 до 18,3 тыс.); свиней – со 136,3 до 25,0, оленей – со 123,6 до 83,8 тыс. гол. Численность работников в сельхозорганизациях снизилась более чем в три раза.

Большое значение при формировании ИКС имеет наличие научно-образовательного потенциала, способного взаимодействовать с консультационной службой, степень активизации инновационной деятельности в АПК. Республика Коми располагает существенным научно-образовательным потенциалом.

Для активизации информационно-консультационной деятельности целесообразно использовать разработки научно-исследовательского и проектно-технологического института АПК РАСХН, институтов биологии, физиологии, химии, социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми Научного центра УрО РАН, научно-исследовательского института «Комимелиоводхоз-проект», Сыктывкарского лесного института, Сыктывкарского государственного университета, Коми республиканского агропромышленного техникума и др. Совместная работа специалистов информационно-консультационных служб с

учеными и преподавателями может быть направлена на использование в хозяйственной деятельности новых высокопродуктивных сортов растений, высокоэффективных удобрений, производимых из отходов деревообработки и местных агроруд; биологического азота; сапропеля; инновационных технологий в молочном и мясном скотоводстве и оленеводстве, а также на разработку концепций и программ устойчивого развития аграрного сектора и сельских территорий на региональном и муниципальных уровнях.

Вузы республики должны обеспечить подготовку современных специалистов-консультантов, что позволит решать практические задачи инновационного развития аграрной сферы.

Тесное взаимодействие консультационной службы республики с научными и вузовскими учреждениями возможно при привлечении работников НИИ и профессорско-преподавательского состава вузов к обучению сотрудников ИКС.

В свою очередь, высококвалифицированные консультанты службы примут участие в подготовке специалистов для аграрного сектора и региональной ИКС. Сотрудники консультационной службы совместно с научными и вузовскими работниками могут проводить прикладные исследования по актуальным проблемам АПК, заниматься издательской и рекламной деятельностью. Взаимодействие ИКС с учреждениями среднего профессионального аграрного образования будет осуществляться при использовании их учебно-производственной базы для организации опытно-демонстрационной деятельности консультационной службы региона.

Схема возможного взаимодействия ИКС на уровне Республики Коми с органами управления и обслуживания аграрного сектора, научными, обучающими и информационными учреждениями показана на *рисунке 4*.

Итак, при формировании и развитии региональной ИКС требуется учет факторов и условий функционирования аграрной отрасли, связанного с природными условиями, социально-экономическими фак-

торами, управлением и обслуживанием агропромышленного производства, менталитетом крестьян, обеспеченностью АПК кадровым и научно-образовательным потенциалом, инновационной активностью сельхозорганизаций. Региональная служба сельскохозяйственного консультирования, тесно взаимосвязанная с органами управления и обслуживания АПК, научными и образовательными учреждениями, опытными и передовыми организациями, не только организует передачу научной, технологической и рыночной информации, передового отечественного и зарубежного опыта, но и оказывает практическое содействие по освоению новшеств в производстве.

Концептуальные подходы к созданию региональной информационно-консультационной службы

В настоящее время информационно-консультационное обеспечение сельхозпроизводителей в Республике Коми находится на начальном этапе своего развития. Остаются нерешенными вопросы с определением статуса ИКС, формированием этой службы на районном уровне, ее финансированием.

Рисунок 4. Взаимодействие региональной ИКС при освоении новшеств с органами управления и обслуживания АПК, научными, образовательными и информационными учреждениями

Из-за отсутствия финансовых средств информационно-консультационный центр (ИКЦ) республики не занимается рекламно-издательской деятельностью, выпуском информационных материалов, бюллетеней, обзоров; недостаточно удовлетворяются потребности сельхозтоваропроизводителей в информации по вопросам производства, хранения, переработки и сбыта продукции; медленно развивается система информационно-консультационного обеспечения сельского населения; трудно привлечь высококвалифицированных специалистов, имеющих практический опыт работы, в органы ИКС. Из-за неудовлетворенности заработной платой штатные работники вынуждены совмещать работу с преподавательской деятельностью. В результате снижается качество и объем оказанных услуг.

Анализ существующей организации информационно-консультационной деятельности в других регионах Европейского Севера России свидетельствует об аналогичной ситуации. Например, в Вологодской области основными факторами, сдерживающими развитие системы информационно-консультационного обеспечения сельхозорганизаций, являются: неуклоплектованность консультационной службы специалистами; отсутствие мониторинга развития сельхозтоваропроизводителей; слабая материально-техническая обеспеченность службы; отсутствие четкого разделения функций в информационно-консультационном центре; неразвитость организационных структур; отсутствие финансовых источников для оплаты консультационных услуг [11, с.13].

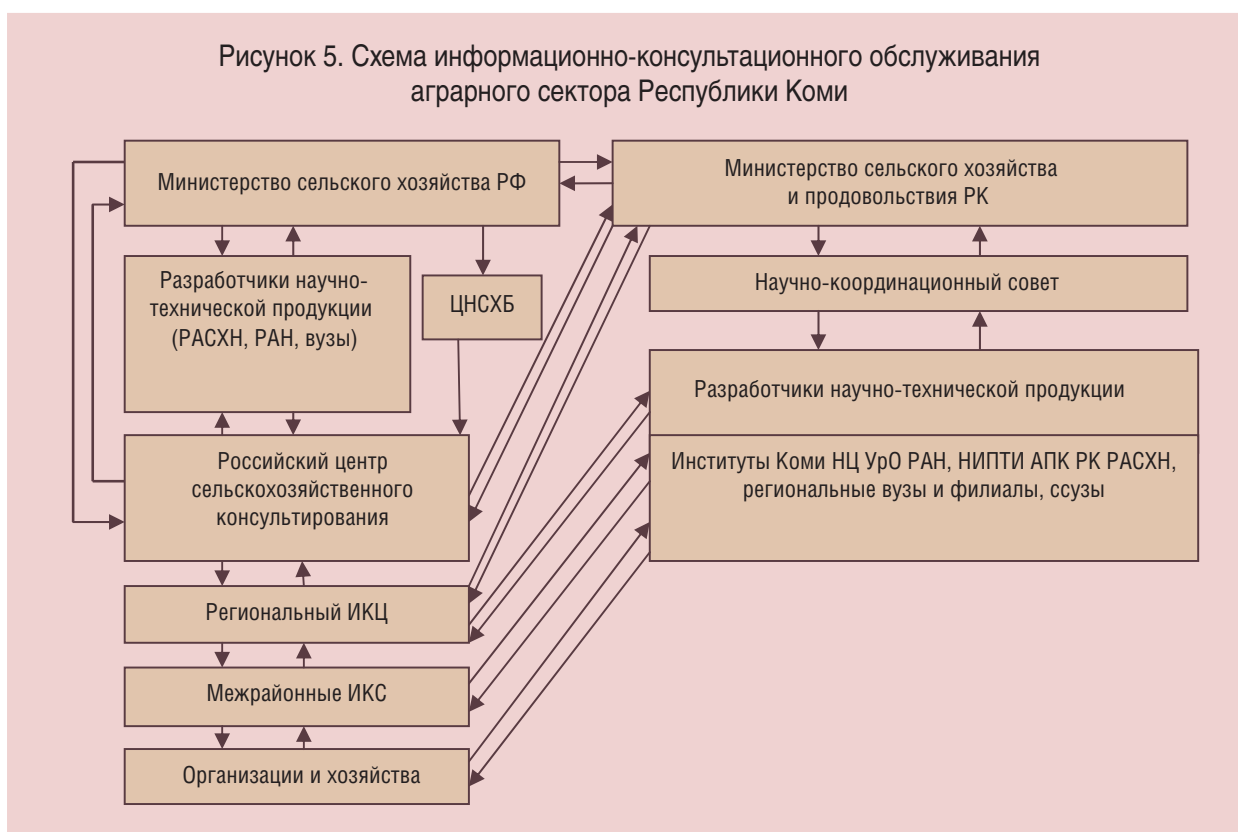
В эффективном функционировании интегрированной информационной и консультационной службы заинтересованы не только сельхозпроизводители, но и органы управления регионального АПК. Эта заинтересованность связана с реализацией ИКС

агропродовольственной политики, стратегии устойчивого аграрного и сельского развития путем распространения и внедрения нововведений, передового опыта и методов хозяйствования, рыночной информации. Региональные власти и органы управления обеспечивают финансовую поддержку сельхозпроизводителей. В среднем за 2008 – 2010 гг. доля госбюджета Республики Коми на поддержку аграрного сектора составила 89%, а федерального – лишь 11%.

При формировании и развитии ИКС Республики Коми необходимо учитывать природные, социально-экономические факторы, институциональные особенности сельскохозяйственного производства. Наиболее перспективной для республики является ИКС в форме некоммерческой организации на базе научных и образовательных учреждений с использованием их материального и кадрового потенциала. Потребность в услугах республиканского ИКЦ будут удовлетворять сельхозорганизации и хозяйства пригородных районов и муниципальных образований городов. Нецелесообразно создавать ИКС в каждом удаленном сельском районе. Реально требуется создание межрайонных ИКС. Предлагаемая система информационно-консультационного обслуживания коллективных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств населения показана на *рис. 5*.

В настоящее время большинство сельхозорганизаций и крестьянских хозяйств Республики Коми утратили экономическую и социальную устойчивость. Поэтому в обеспечении устойчивости этих хозяйствующих субъектов особую роль играет модернизация аграрного производства с использованием инновационных технологий. Зарубежный опыт свидетельствует, что около 60 – 80% сельхозпроизводителей в состоянии освоить новшества с помощью службы сельскохозяйственного консультирования.

Рисунок 5. Схема информационно-консультационного обслуживания аграрного сектора Республики Коми

Поэтому деятельность региональной ИКС должна быть сориентирована на масштабное распространение научных разработок и передового опыта. Это может быть достигнуто посредством формирования банка данных об инновационных разработках; методической, информационно-консультационной поддержки субъектов хозяйствования АПК при освоении инновационных технологий; оказания помощи в оценке эффективности инновационных проектов.

В целях координации и выбора наиболее эффективных направлений инновационной деятельности целесообразно при Министерстве сельского хозяйства и продовольствия республики создать научно-координационный совет. В его состав войдут представители ИКС, организаций науки, образования, отраслевых ассоциаций сельхозтоваропроизводителей, специалисты и руководители агропромышленных предприятий, региональных и муниципальных органов управления.

Основные задачи этого органа — определение стратегии и тактики инновационного развития регионального АПК, мониторинг реализации инновационной стратегии. Для оценки реализации инновационной деятельности, эффективности инновационных проектов создается независимая экспертная комиссия.

В непростой ситуации, сложившейся в аграрном секторе, не следует ориентироваться на полную коммерциализацию консультационной деятельности. Финансирование ИКС должно осуществляться в основном за счет бюджетных средств. Мировой опыт свидетельствует о том, что повсеместно на первых этапах своего развития консультационные организации оказывали безвозмездные услуги. По мере завоевания авторитета и только в условиях стабильного развития сельского хозяйства, пользующегося государственной поддержкой, происходил постепенный переход ИКС к оказанию платных услуг.

Этот промежуток времени является достаточно продолжительным. Нидерландам и Дании, например, потребовалось 120 лет, чтобы просто поставить этот вопрос, а в Англии консультационные службы смогли перейти на частичное самофинансирование только после 50 лет работы [5, с. 15]. Введение льготных платных индивидуальных услуг целесообразно по мере завершения процесса формирования и в ходе развития ИКС.

Подводя итог вышеизложенному, отметим следующее:

- хорошо налаженная система информационного и консультационного обеспечения аграрного сектора позволяет наиболее полно и достоверно охарактеризовать внешнюю и внутреннюю среду, снизить риски в деятельности хозяйствующих субъектов и обеспечить их устойчивое развитие.

- изучение отечественного и зарубежного опыта формирования и функционирования информационно-консультационного обслуживания сельского хозяйства показывает: службы создавались по решению государственных органов на национальном, региональном и местном уровнях при тесном их взаимодействии; длительное время информационно-консультационные службы оказывали услуги за счет бюджет-

ных средств с постепенным переходом на платную основу; специфика отечественного аграрного сектора не позволяет полностью копировать зарубежные модели информационно-консультационных служб;

- анализ организации информационно-консультационного обслуживания свидетельствует, что основными факторами, сдерживающими развитие системы информационно-консультационного обеспечения аграрного производства Республики Коми, являются: неукомплектованность службы специалистами; отсутствие финансовых средств для оплаты консультационных услуг; недостаточная взаимосвязь между информационно-консультационным центром и органами управления и обслуживания регионального АПК, научными, образовательными и информационными учреждениями; отсутствие на муниципальном уровне информационно-консультационных служб;

- предлагаемая система информационно-консультационного обеспечения аграрного сектора республики включает региональный и межрайонные уровни, тесно взаимодействующие с научными и образовательными организациями, органами управления и информационными учреждениями.

Литература

1. Баутин, В.М. Информационно-консультационная служба агропромышленного комплекса России / В.М. Баутин, В.В. Лазовский. — М.: Колос, 1996. — 442 с.
2. Белицкая, О.Л. Датская модель организационно-консультационной службы фермеров / О.Л. Белицкая // Информ. бюлл. Минсельхоза России. — 1999. — № 9 — 10. — С. 46 — 51.
3. Веселовский, М.Я. Информационно-консультационная служба АПК России (Вопросы теории и практики) / М.Я. Веселовский. — М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2002. — 228 с.
4. Веселовский, М.Я. Организация сельскохозяйственного консультирования в Финляндии / М.Я. Веселовский, Ю.И. Клименко // Информ. бюлл. Минсельхоза России. — 2001. — № 8. — С. 43 — 46.
5. Демишкевич, Г. Государственная поддержка и механизм формирования территориальной сети центров сельскохозяйственного консультирования / Г. Демишкевич // Международный сельскохозяйственный журнал. — 2009. — № 5. — С. 14 — 16.

6. Иванов, В.А. Методологические основы устойчивого развития аграрного сектора / В.А. Иванов, А.С. Пономарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 4(16). – С. 109 – 121.
7. Маковецкий, В.В. Сельскохозяйственная служба «экстеншн» в США / В.В. Маковецкий // Информ. бюлл. Минсельхозпрода России. – 1997. – № 7–8. – С. 51 – 53.
8. Маковецкий, В.В. Сельскохозяйственные консультационные службы в Англии, Уэльсе / В.В. Маковецкий // Информ. бюлл. Минсельхозпрода России. – 1998. – № 5 – 6. – С. 51 – 54.
9. Михайленко, И.М. Информационно-консультационное обслуживание АПК / И.М. Михайленко. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2000. – 194 с.
10. Михайленко, И.М. Система аграрного консультирования в Польше / И.М. Михайленко // Информ. бюлл. Минсельхозпрода России. – 1998. – № 33 – 4. – С. 55 – 60.
11. Михайловская, А.Л. Организация управленческого консультирования в агропромышленном комплексе региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Вологда, 2006. – 25 с.
12. Назаренко, В.И. Информация, информатика и консультационная служба в сельском хозяйстве / В.И. Назаренко. – М.: АМБ-агро, ТОО «Диз-Арт», 1998. – 118 с.
13. Рунов, Б.А. Служба «экстеншн»: чем она полезна в России! / Б.А. Рунов // Аграрная Россия. – 1997. – № 312. – С. 31 – 32.
14. Филатов, Ф.И. Система консультационной службы в сельском хозяйстве Германии / Ф.И. Филатов // Информ. бюлл. Минсельхозпрода России. – 1997. – № 7 – 8. – С. 49 – 51.
15. Чайнов, А.В. Основные идеи и методы работы Общественной Агрономии / А.В. Чайнов. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Изд-во Наркомзема «Новая деревня», 1924. – 132 с.
16. Экономическая энциклопедия / науч.-ред. совет изд-ва «Экономика»; Ин-т экон. РАН; гл. ред. Л.И. Абалкин. – М.: ОАО «Изд-во «Экономика», 1999. – 1055 с.
17. Corten I.M. Net Kennis – en informative systeem van de Nederlandse bosbouwsector Nederl. Bosb. Tijdschr. – 1992. – Jg. 64, P. 4.
18. Rasmussen W. D. Yaking the university to the people, Seventy five years of cooperative extension. Ames (Iowa); Iowa state univ. Press, 1989. – 300 p.
19. Van Den Ban A.W. Forms and methods of work of information-consulting service in Russia: Sd. Mater. Konf. po IKS. – М., 1998.

Памяти Михаила Николаевича Хурса

Из Минска поступило печальное известие о том, что на 69-м году жизни скончался уважаемый российской и белорусской научной общественностью кандидат социологических наук Михаил Николаевич Хурс.

М.Н. Хурс был одним из первых представителей заводской социологии Белоруссии 1970-х годов. Он стал создателем известных в Белоруссии школ по социальному планированию, социологическому обеспечению процесса разработки и реализации социальных программ различного уровня, изучению общественного мнения, ситуации в сферах энергетики, жилищно-коммунального хозяйства, маркетинговых исследований в банковской сфере.

Будучи в 2006 – 2008 годах заместителем директора по научно-инновационной деятельности Института социологии НАН Беларуси, М.Н. Хурс сыграл ключевую роль в организации совместных исследовательских работ с ИСЭРТ РАН. Он активно участвовал в организации и проведении совместных семинаров, научно-практических конференций в Вологде и Минске, выступал на них с докладами и сообщениями, в которых придавал принципиальное значение развитию белорусско-российских отношений в контексте перспектив интеграции постсоветских государств. М.Н. Хурс был автором ряда статей, опубликованных в изданиях ИСЭРТ РАН и получивших высокую оценку читателей. Благодаря усилиям Михаила Николаевича его инициативы ныне переросли в долговременные договорные программы взаимодействия Российской академии наук и НАН Беларуси.

М.Н. Хурс отличался высокой коммуникабельностью, теплым отношением к коллегам по научной работе, искренней доброжелательностью, житейско-бытовым оптимизмом. Память о М.Н. Хурсе надолго сохранят все, кто с ним общался.

Summary

Gulin K.A.

ON THE ISSUE OF OF SOCIO-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIAN REGIONS

According to the author, if modernization is carried out without a thorough consideration of the country's social and territorial peculiarities, it can lead to the uneven distribution of "modernization" effects resulting in even greater imbalances of territorial development as compared to already existing ones. Long-term strategies and development plans, aimed at the socio-economic system modernization, should be based on the available potential of the regions. The notion of "socio-economic potential of modernization" is introduced, which includes not only a set of resources, but also qualitative characteristics of the regional systems. Socio-economic modernization is a set of interrelated directions, including the industrial policy activities, development of scientific-technical and innovation potential, improvement of social infrastructure, etc.

Key words: modernization, socio-economic potential, space, regions, regional policy, strategic planning, public-private partnership, industrial policy, regional innovation systems, human development.

Perova M.B., Perov E.V.

SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY

There are radical changes in Russia, which cover all the aspects of public life. They cause problems in the society and provoke conflicts in various spheres of public life. The key moment that raises tension in the society is a population living standard. In the political system there is a transformation of property institution, public living conditions and socio-political structure of the society. These changes have entailed the evolution of population mentality. The analysis and management of transformation process in all the systems allows to reduce social tension.

Key words: transformation, living standard, socio-political system, population mentality.

Povarova A.I.

SOCIO-ECONOMIC CONDITION OF THE REGIONS SPECIALIZING IN METALLURGY: 2011 RESULTS.

In 2010 ISEDT RAS scientists began their research on the problems of budget allocation sufficiency in the Vologda oblast, which turned out to be the most vulnerable RF subject regarding the global financial crisis impact on the regional economy, where metallurgical production is the key development factor. The study of the tendencies and scope of crisis consequences determined the need to conduct a comparative analysis of the socio-economic condition in the Vologda oblast and other RF subjects possessing major typological peculiarities of the regions specializing in metallurgy – the Lipetsk oblast and the Chelyabinsk oblast.

The article provides the analysis of the main socio-economic development trends in the regions specializing in metallurgy for 2011. The analysis serves as the basis for assessing the condition of territorial budget systems.

Key words: regional economy, ferrous metallurgy, global financial crisis, financial results, industrial production, population's living standard.

Shcherbakov G.A.

ANTI-INNOVATIONS AS A FACTOR OF MACROECONOMIC INSTABILITY (THE CASE OF DERIVATIVE FINANCIAL INSTRUMENTS)

The theory of innovative economic development is based on the concept of "innovation", which implies novelties that have a progressive impact on the development of a society. At the same time, human ingenuity often goes beyond the limits of public interest, giving birth to an intellectual product, which

is not directly linked to the public progress. In this regard, such notions as “pseudo-innovation” and “anti-innovation” emerge, which transfer innovative topics from their constructive interpretation to their critical perception. Using the examples of derivative financial instruments, the article describes the process of transforming the innovation implemented to increase market reliability into its opposite, i.e. a significant factor of creating instability of modern financial markets.

Key words: innovation, innovative development, financial markets.

Shestakova N.N.

MECHANISMS OF FORMATION AND IMPLEMENTATION OF ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL COMPONENT OF THE REGION'S HUMAN CAPITAL

The article is devoted to the study of mechanisms of formation and implementation of organizational and managerial components of the region's human capital in the conditions of transition to innovation type of economy. The algorithm of forming the organizational and managerial components of human potential in the conditions of transition to innovation economy is proposed.

Key words: human capital, organizational and managerial component of the region's human potential, innovation economic development.

Lastochkina M.A.

SOCIO-CULTURAL TYPES OF POPULATION IN THE REGION

The article presents an analysis of ISEDТ RAS social study carried out in the Vologda oblast that allowed the authors to identify the most important aspects of socio-cultural modernization: the differentiation of behavior, psychological traits of individuals and social self-identification. It is shown that the population of the region, involved in the transformation, is in the process of socio-cultural division into groups that have dissimilar behavioral characteristics; a new system of interests and value relation to the current changes is formed in different social strata.

Key words: the Vologda oblast, socio-cultural types, modernization, values, socio-cultural dynamics.

Morev M.V., Popova V.I., Vasilchuk Ye.O.

EXPANSION OF SUBCULTURAL MOVEMENTS AS A RESULT OF SOCIAL DISUNITY AMONG THE YOUNG POPULATION

This article deals with the problem concerning the estrangement of Russian and Ukrainian society from the fundamental institutions of socialization. The acute issue of subcultural movements among the post-Soviet youth population is discussed as one of the negative consequences of this process. The article presents the main reasons for the spread of informal youth associations, as well as the mechanisms of subcultural attitudes' influence on the younger generation. The basic directions of preventing the negative impact of subcultures are determined.

Key words: subculture, youth, mental health, socialisation, social anomy.

Dyadik V.V.

INSTITUTIONAL REASONS FOR ECONOMIC PROBLEMS IN RUSSIA'S LOCAL SELF-GOVERNMENT

The article is devoted to the study of institutional reasons for economic problems of local self-government in Russia. The results proving the inconsistency between the actual incentives of regional authorities and goals of territorial development have been obtained upon analyzing the execution of consolidated budgets of RF subjects. The article defines the principal trends of formal state institutions' modernization; the implementation of these directions will raise the interest of RF subjects' administration in the development of local self-government's economic base.

Key words: local self-government, state institutions, municipal budgets.

Burtseva I.G., Burtsev I.N.

COMPARATIVE EVALUATION OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF UNDERDEVELOPED AREAS IN THE REPUBLIC OF KOMI

The development of northern territories is always one of the priorities of state policy in Russia. The northern regions, on the one hand, are rich in mineral resources, forest and water resources; on the other hand, today they are the areas with stopped productions and redeveloping cities, rapidly losing their population and infrastructure. The development of new northern territories is extremely slow; the most part of their mineral potential is not ready for industrial development and requires further geological exploration and economic evaluation. The article deals with the developmental problems of the northern regions in the case of some territories of the Republic of Komi.

Key words: northern territories, development, resource potential, underdeveloped areas, progress, socio-economic analysis, evaluation.

Tuvayev V.N., Tuvayev A.V.

ASSESSMENT OF ECONOMIC EFFICIENCY OF SCIENTIFIC-TECHNICAL PROGRESS IN DAIRY CATTLE BREEDING

The article evaluates the economic efficiency of scientific-technical progress in dairy cattle breeding. A set of indicators for estimating the economic efficiency of milk production is described. The system of network planning and management on the basis of network graphs is used for scientific substantiation of the efficient milk production model. In order to ensure the comparability of production system elements, it is proposed to use the unified energy indicators to determine the ratio of energy contained in the manufactured products to the amount of energy spent on their production. The article provides the algorithm and results of economic and energy analysis of cow housing types efficiency on reconstructed dairy farms in the Vologda oblast.

Key words: labor costs, metal consumption, energy consumption, reduced costs, energy content, reduced energy consumption, economic and energy efficiency.

Ivanova Ye.V.

INFORMATION AND ADVISORY SUPPORT OF THE MANAGEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE IN THE NORTHERN REGION

The article describes the essence, peculiarities and methodological basis of information and advisory support of the agricultural sector's stability management. The principles and forms of information and advisory support organization are revealed. The experience of providing advisory services to agriculture in pre-revolutionary Russia and abroad is generalized. The article reveals the regional peculiarities of advisory service formation in the agrarian sector of the Republic of Komi. The main trends of information and advisory support of the region's sustainable agricultural development are studied. The practical recommendations concerning the innovative solutions implementation with the help of the advisory service are given in the article. It also describes the system of advisory support of organizations which includes the republican information and advisory centre (IAC), interregional information and advisory centres, which have close cooperation with the Federal information and advisory service.

Key words: information and advisory service (IAS), sustainable development, information support, sources of information, organizational structure of an advisory service, the Republic of Komi.

Сведения об авторах

Бурцева Ирина Григорьевна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
Занимаемая должность	Ученый секретарь
Служебный тел./факс	8 (8212) 24-23-52
E-mail	burtseva@iespn.komisc.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
Бурцев Игорь Николаевич	
Учёная степень	Кандидат геолого-минералогических наук
Учёное звание	Старший научный сотрудник
Полное название организации – места работы	Институт геологии Коми НЦ УрО РАН
Занимаемая должность	Зам. директора по научной работе
Служебный тел./факс	8 (8212) 24-53-53
E-mail	burtsev@geo.komisc.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, д. 54
Васильчук Евгений Олегович	
Учёная степень	Кандидат педагогических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Черкасский государственный бизнес-колледж
Занимаемая должность	Преподаватель
Служебный тел./факс	
E-mail	skm042006@rambler.ru
Почтовый адрес организации	
Гао Пин	
Учёная степень	Бакалавр экономики
Учёное звание	Научный сотрудник
Полное название организации – места работы	Академия общественных наук провинции Цзянси
Занимаемая должность	Проводит исследования в области экономики
Служебный тел./факс	0086-791-88596381
E-mail	07911@126.com
Почтовый адрес организации	649 North Hongdu Ave., Nanchang, Jiangxi, 330077, P.R. China
Глазьев Сергей Юрьевич	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Академик РАН
Полное название организации – места работы	
Занимаемая должность	
Служебный тел./факс	
E-mail	glazievs@mail.ru
Почтовый адрес организации	

Гулин Константин Анатольевич	
Учёная степень	Кандидат исторических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий РАН
Занимаемая должность	Заместитель директора
Служебный тел./факс	8 (8172) 59-78-05
E-mail	gil@vscc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Дядик Владимир Владимирович	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (81531) 5-47-96
E-mail	Vdyadik2006@rambler.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а
Иванова Елена Валентиновна	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН
Занимаемая должность	Инженер
Служебный тел./факс	(8212) 24-52-45 / 24-42-67
E-mail	ivanov@iespn.komisc.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26
Ильин Владимир Александрович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор, заслуженный деятель науки РФ
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Директор
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-79
E-mail	iljin@vscc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Ласточкина Мария Александровна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Научный сотрудник лаборатории исследования проблем развития трудового потенциала
Служебный тел./факс	8 (8172) 59-78-10
E-mail	mashkop@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Ли Чжимэн	
Учёная степень	Магистр экономики
Учёное звание	Научный сотрудник
Полное название организации – места работы	Академия общественных наук провинции Цзянси
Занимаемая должность	Проводит исследования в области экономики
Служебный тел./факс	0086-791-88592752
E-mail	lzm0730@126.com
Почтовый адрес организации	649 North Hongdu Ave., Nanchang, Jiangxi, 330077, P.R. China

Локосов Вячеслав Вениаминович	
Учёная степень	Доктор социологических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Занимаемая должность	Директор
Служебный тел./факс	+7 (499) 129-08-01
E-mail	info@isesp-ras.ru
Почтовый адрес организации	117218, г. Москва, Нахимовский проспект, дом 32
Морев Михаил Владимирович	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (8172) 59-78-10
E-mail	379post@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Перова Маргарита Борисовна	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Вологодский государственный технический университет
Занимаемая должность	Профессор кафедры экономической теории, учета и анализа
Служебный тел./факс	
E-mail	mperova@mail.ru
Почтовый адрес организации	160035, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
Перов Евгений Викторович	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Вологодская городская Дума
Занимаемая должность	Председатель комитета по экономической политике и муниципальной собственности
Служебный тел./факс	
E-mail	perov.ru@gmail.com
Почтовый адрес организации	160000, Россия, г. Вологда, ул. Козленская, д. 6
Поварова Анна Ивановна	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах
Служебный тел./факс	8 (8172) 59-78-10
E-mail	aip150663@yandex.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

Попова Вера Ивановна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Зав. отделом исследований влияния интеграционных процессов в науке и образовании на территориальное развитие
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-18-72
E-mail	common@vssc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Туваев Артем Владимирович	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Вологодский государственный технический университет
Занимаемая должность	Доцент кафедры экономики и менеджмента
Служебный тел./факс	
E-mail	artem-2100@yandex.ru
Почтовый адрес организации	160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
Туваев Владимир Николаевич	
Учёная степень	Доктор технических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина
Занимаемая должность	Зав. кафедрой графики и технической механики
Служебный тел./факс	
E-mail	
Почтовый адрес организации	160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2
Шестакова Наталия Николаевна	
Учёная степень	Кандидат технических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Институт проблем региональной экономики Российской академии наук
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник
Служебный тел./факс	+7 (812) 316-27-65
E-mail	nnshestakova@gmail.com
Почтовый адрес организации	199013, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38
Щербаков Геннадий Анатольевич	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Правительство Калининградской области
Занимаемая должность	Заместитель Председателя Правительства
Служебный тел./факс	+7 (4012) 599233 / +7 (4012) 599234
E-mail	G. Shcherbakov@mail.ru
Почтовый адрес организации	236007, Россия, г. Калининград, ул. Дмитрия Донского, д. 1

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом – на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (600 – 700 знаков; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью), учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4×6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес**: common@vscc.ac.ru.

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscc.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице заместителя директора по научной работе Гулина Константина Анатольевича, действующего на основании доверенности № 79 от 25.01.2012, с одной стороны, и _____

_____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____,
(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)
именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
ГРКЦ ГУ Банка России по Вологодской
области, г. Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 1940100000

_____/К.А. Гулин/
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____ номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____/_____
подпись ф. и. о. полностью

АКТ
приёма-передачи произведения

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице заместителя директора по научной работе **Гулина Константина Анатольевича**, действующего на основании доверенности № 79 от 25.01.2012, с одной стороны, и _____

_____, именуемый(ая) в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____

в **печатной/электронной версии** для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № _____ от « ____ » _____ 2012 года.

Передал

Лицензиар:

Принял

От Лицензиата:

Зам директора ИСЭРТ РАН

_____ /_____
подпись

_____ /_____
ф. и. о. полностью

_____ /К.А. Гулин/
подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Журнал включён в межрегиональную часть каталога российской прессы «Почта России»: подписной индекс **83428**.

Каталожная цена одного номера журнала составляет 250 руб. (без учёта доставки). Подготовленный подписной бланк приведён в приложении.

Ф. СП-1		Министерство связи РФ													
		АБОНЕМЕНТ на <input type="text" value="газету"/> <input type="text" value="83428"/>													
		журнал (индекс издания)													
		«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»													
		(наименование издания)										Количество комплектов:			
		на 20__ год по месяцам:													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12				
Куда															
		(почтовый индекс)						(адрес)							
Кому															
		(фамилия, инициалы) Тел.													
		Доставочная карточка													
ПВ		место литер		на <input type="text" value="газету"/> <input type="text" value="83428"/>											
				журнал (индекс издания)											
		«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»													
		(наименование издания)													
Стоимость		подписки		руб.		коп.		Количество комплектов							
		пере-адресовки		руб.		коп.									
		на 20__ год по месяцам:													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12				
Куда															
		(почтовый индекс)						(адрес)							
Кому															
		(фамилия, инициалы)													

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
	Е.С. Нефедова
Корректор	Т.Е. Езовских

Подписано в печать 27.08.2012.
Дата выхода в свет 31.08.2012.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,7. Тираж 500 экз. Заказ № 265.
Цена свободная.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-37798 от 12 октября 2009 г.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес издателя и редакции:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а,
телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02, e-mail: common@vscc.ac.ru